

МОСКОВСКИЙ
ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1827.

Печатающе дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпеча-
тываніи, до выпуска въ продажу, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Де-
партаментна Министерства народнаго Просвѣщенія,
два экземпляра для Императорской Публичной Библио-
теки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ.
Москва, Августа 8го дня 1827 года. *Ординарный
Профессоръ, Надворный Советникъ Дмитрій
Первошниковъ.*

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.
№ XVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ неконченной поэмы (*).

(Писано въ 1822 году):

Сводъ неба мракомъ обложился ;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ ;
Сверкая межъ вечернихъ лучъ ,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь , лебедь на волнѣ
Заснуль , и все кругомъ почило ;
Но воть по темной глубинѣ
Спрямится бѣлое въприло
И блещеть пѣна при лунѣ.
Летящія испуганная птица ,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ ? Чья десница
Его во мракъ напугала ?

Ихъ двое. На весло набенный ;
Одинъ смиренный житель волнъ

(*) Нѣсколько стиховъ изъ сего отрывка напечатано
было въ Памятникъ отечественныхъ Музъ 1827 года:

Гребешь и къ Югу правишь чёлнь;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоитъ недвижимъ — на брега
 Глаза впередъ, не молвишь слова,
 И черезъ чёлнь его нога
 Перешагнушь уже гохова, —
 Плывуть. . . . .

. . . „Причаливай старикъ!

Къ утесу правь“ — и въ волны въ магь
 Прыгнувъ пловець шершавой
 И береговъ уже достигъ.
 Межъ тѣмъ, рукой непоропливой
 Другой встряло опустивъ,
 Свой чёлнь къ утесу пригоняешь
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ;
 Узломъ надежнымъ укрѣпляешь,
 И входитъ медленной стопой
 На берегъ дикой и крушой.
 Кремль звучитъ и пламя вскорѣ
 Далеко освѣтило море.
 Суровый край! Громады скаль
 На берегу стоятъ угрюмомъ;
 Объ нихъ матежный бьется валъ
 И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
 Качають старыя главы
 Надъ зыбкой пеленой пучины;
 Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
 Песокъ да мохъ; скалы, спремьны,
 Вездѣ хранящъ ксеймо громовъ
 И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
 И пльютъ кости — пирь волковъ
 Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.

Къ огню заботливый старикъ
 Просшеръ нѣмьющія руки.
 Примѣны долгольшой муки,
 Согбенны косици, щощій ликъ,
 На коемъ время углубляло
 Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и труды.
 Но кто-же толь? Блистаецъ младость
 Въ его лицъ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но мнитъ, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ.
 Въ глазахъ потупленныхъ кручина,
 На немъ одежда Славянна
 И на бедрь Славянскій мечъ.
 Славянъ вотъ очи голубые,
 Вотъ ихъ и волосы златые,
 Волнами падшіе до плечъ — — —
 Косматымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
 Старикъ заблеса крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ. . . . .
 Проходитъ ночь, огонь погасъ,
 Остылъ и пепель, — водъ пучина
 Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ,
 Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальнія страны,
 По сушь, по морю носился,
 Во дни былые, дни войны
 На Западъ, на Югъ блискъ,

Дьяла добычу и труды
 Съ суровымъ племенемъ Одена,
 И передъ нимъ враговъ ряди
 Бѣжали, какъ морская пѣна,
 Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ,
 Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
 И арфамъ Скальдовъ испугленныхъ,
 Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
 И очи дѣвъ иноземныхъ
 Красою чуждой привлекалъ;
 Но сладкій сонъ не переноситъ
 Теперь героя въ край чужой,
 Въ поля, гдѣ мчился бурный бой,
 Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
 Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
 Кириландіи печальной,
 Ни Албіона, гдѣ искалъ
 Кровавыхъ съчъ и славы дальней.
 Ему не снится шумъ валовъ,
 Онъ позабылъ морскія битвы
 И пламя яркое костровъ,
 И шрубный звукъ и лай ловитвы.
 Другія грезы и мечты
 Волнуютъ сердце Славянина.
 Предъ нимъ Славянская дружина:
 Онъ узнаетъ ея щиты,
 Онъ снова простираетъ руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
 Забытымъ въ долги дни разлуки,
 Кошарыхъ ужъ и въ мѣръ нѣтъ. . . .

Межъ тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты

Тревожатъ душу старика.
 Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
 Плыветъ по волю вѣтерка,
 Его тихонько увлекаетъ
 Къ заливу свѣтлая рѣка,
 И рыба сонная впадаетъ
 Въ тяжелый неводъ старика.
 Все тихо: море поживаетъ,
 Но туча виснетъ: дальный громъ
 Надъ звучной бездною грохочетъ,
 И вошь пучина подъ челномъ
 Кипитъ, подымается, клокочетъ;
 Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
 Несчастный возвратиться хочетъ;
 Челнокъ трещитъ и — пополамъ!
 Рыбакъ идетъ на дно морское
 И пробудясь, превещетъ онъ,
 Глядитъ окрестъ: брега въ покой,
 На полусвѣтлѣй небосклонъ
 Восходитъ утро золотое;
 Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ
 На встрѣчу радостной денницы,
 Щебеча, полетѣли птицы
 И разсвѣло. . . .

А. Пушкинъ.

Къ В — у.

Мой другъ , учи меня рубиниться :
 Быть можетъ , нѣкогда и мнѣ ,
 Во славу Руси , пригодится
 Рука , привычная къ войнѣ .
 Нишомецъ скромныхъ наслажденій ,
 Доселѣ въ мѣрѣ видѣлъ я
 Однѣ бездѣлки бышя :
 Приволье Бахуса и льны ,
 Улихи вялой тишины ,
 Киприды приторную сладость ,
 Да пробудительные сны ,
 Да усыпительную радость .
 И что я пѣлъ ? Любовь , мечты ,
 Я подносила , рукой безбожной ,
 Цвѣты Поэзіи подложной
 Очамъ подложной Красоты .
 Теперь служу иному чувству ,
 Пылаю жаждою иной :
 Учужь меня , товарищъ мой ,
 Головоломному искусству .

Н. Языковъ.

Прерванная дума Поэта.

Узнали-ль вы пѣвца въ его печали,
 Съ безмолвной душой на устахъ?
 Его тоску постигли-ль, разгадали-ль
 Вы слезы въ пламенныхъ очахъ?

Иль чуждъ для васъ любимецъ вдохновенья,
 И чуждъ его возпорожденный языкъ?
 Гдѣ зрѣшь дѣла въ гармоньи пѣснопѣнья,
 Гдѣ всенъ міръ, въ которомъ живъ онъ омыкъ.

Волшебный сонъ за чѣмъ вы перервали!
 О какъ помпъ часъ былъ свѣтелъ и могучъ;
 Но вы души пѣвца не разгадали. . .
 Когда бы мигъ одинъ вы переждали,
 Сей взглядъ блеснулъ бы молвіей изъ шучь,
 Сии уста, сомкнушыя для стона,
 Издали бъ звукъ, какъ сшашуя Мемнона,
 Когда ее востревожишь сольда лучь.

Казань, 1827.

П Р О З А.

Р е н е.

(Изъ Шамобриана).

Я перевелъ сію повѣсть Шамобриана (вѣсть съ половиною его сочиненія *Genie du Christianisme*) въ 1821 году, не зная о двухъ прежнихъ переводахъ ея, за то лишь напечатанныхъ. Переводъ мой назовушь можельтъ быть лишнимъ, — я помѣщаю его здѣсь и потому, что всѣ экземпляры прежнихъ переводовъ разошлись и сгорѣли въ 1812 году, и потому, что сочиненія Шамобриановы, только что изданныя вполнѣ, возбуждаютъ нынѣ общее вниманіе. Кстати обращаю вниманіе своихъ читателей на характеръ Рене, энтузіаста, не довольнаго вѣшною жизнью, которая не удовлетворяетъ его внутреннимъ потребностямъ. Сей характеръ изображается многими великими современными писателями (каждымъ по своему) и напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ подражаніе другъ другу. Неговора о Руссо, разительнаго представившаго сей характеръ въ природѣ, укажу, кромѣ Шамобриана, на сочиненія Гете (*Фаустъ*, *Вильгельмъ Мейстеръ*), Байрона (почти во всѣхъ своихъ поэмахъ и проч.); и — Пушкина (*Кавказскій пѣвникъ* *Алеко*). М. П.

... Поселясь у Напчесовъ, Рене по Индѣйскимъ обычаямъ долженъ былъ женишься; но онъ не жилъ вмѣстѣ съ своею женой. Склонность къ задумчивости увлекала его въ глубину лѣсовъ. Тамъ проводилъ онъ одинъ цѣлые дни, и между дикими казался дикимъ, не имѣя сообщенія ни съ кѣмъ, кромѣ Шакпаса, его усыновившаго, и отца Суеда, Миссіонера въ крѣпости Розалии. Сіи два спарца пріобрѣли особенную

власть надъ его сердцемъ ; первой своею любезною снисходительностію, другою напрошивъ чрезмѣрною суровостію. Не смотря однакожь на свою преданность къ нимъ, Рене никогда не показывалъ расположенія повѣдать имъ свои приключенія, хотя Шакпасу и Миссіонеру очень хотѣлось знать, какое несчастіе могло понудить благороднаго Европейца къ спраннымъ намѣренію погребсти себя въ пустыняхъ Луизіанскихъ. — Онъ опъзывался всегда незанимательностію своей Испоріи, которая состояла, по словамъ его, въ однихъ мысляхъ и чувствованіяхъ. „Что же касается до происшествія, заславившаго меня удалиться въ Америку, прибавлялъ онъ, я долженъ предать его вѣчному забвенію.“

Нѣсколько лѣтъ прошекло такимъ образомъ и старцы никакъ не могли испоргнуть у него шайны. — Наконецъ письмо, полученное имъ чрезъ контору яноспранныхъ миссій, увеличило его тоску до такой степени, что онъ сталъ убѣгать даже старыхъ друзей своихъ. Тѣмъ сильнѣе начали они наспивать, чтобъ онъ открылъ имъ свое сердце. Они поступили при семъ случаѣ съ такою оспорожностію, любезностію и силою, что Рене согласился наконецъ удовлетворить ихъ жела-

нію, и назначилъ день, въ которой обѣщался разсказать имъ не свои приключенія, ибо онъ не имѣлъ никакихъ, но Исторію тайныхъ чувствованій души своей.

21-го числа мѣсяца, у дикихъ называемаго *цѣточною луною*, явился Рене въ хижинѣ Шакшаса, подалъ руку Сакему и привелъ его подъ шѣнь сасса-фрасоваго дерева на берегъ рѣки Мешасебе. Опець Суель не замедлилъ также придти въ назначенное время. — Заря занималась; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ на равнинѣ находилась деревушка Напчесовъ съ шелковичными деревьями и хижинами, похожими на пчелиные ульи. Французское поселеніе и крѣпость Розалія видны были на правой сторонѣ на берегу рѣки. Палатки, дома, еще недоспроенные, начатые укрѣпленія, рощищи, покрытыя Неграми, купами бѣлыхъ и Индѣйцовъ, представляли въ противоположности на семь маломъ пространствѣ дикость и образованность. Къ Востоку, въ глубинѣ перспективы, начинало показываться солнце между зубчатыми вершинами горъ Апалахскихъ, кои казались лазурными начертаніями на цолащенномъ сводѣ небесъ; къ Западу тихо и величаво капила свои волны рѣка Мешасебе, съ непослижимою пределью.

образуя раму картины. Молодой человекъ и Миссіонеръ нѣсколько времени съ удивленіемъ созерцали сіе прекрасное зрѣлище, и жалби, что Сакемъ не могъ имъ насладиться; наконецъ отецъ Суель и Шактасъ сѣли на правую подь деревомъ; Рене занялъ мѣсто посреди ихъ, и послѣ минутнаго молчанія началъ говорить такъ спарымъ друзьямъ своимъ:

„Я не могу скрыть своего стыда, достопочтенные спарцы, приступая къ сему повѣспивованію. — Миръ, обитающій въ сердцахъ вашихъ, пищина природы, насъ окружающей, укоряють меня въ смятеніи и безпокойствѣ души моея и заславляютъ краснѣть. — Сколь много будете вы сострадать мнѣ! Сколь жалкими покажутся вамъ безпреспаннныя мои волненія! Что подумаете вы, испившіе всю чашу земныхъ горестей, о молодомъ человекѣ, безъ силы и добродѣтели, который въ себѣ самомъ находитъ источникъ своихъ терзаній, который можетъ жаловаться только на бѣдствія, самими себѣ причиненныя? Увы! не осуждайте его; онъ уже наказанъ слишкомъ.

Рожденіе мое спило жизни моея матери. Искусство медика освободило меня изъ челюстей смерти. Я имѣлъ брата, коего благословилъ отецъ мой,

какъ старшаго сына. — Что касается до меня, рано оставленный на попечение людямъ постороннимъ, я былъ воспитанъ далеко отъ отеческаго крова.

Пылкость и непослушество были отличительными чертами моего характера. — Попеременно шумный и рывый, молчаливый и печальный, созывалъ я къ себѣ молодыхъ своихъ товарищей, — потомъ вдругъ оставлялъ ихъ, садился гдѣ-нибудь въ опдаленіи, и смотрѣлъ на быстро носившіяся облака или прислушивался къ дождю, шумѣвшему въ древесныхъ листьяхъ. —

Всюкую осень прѣзжалъ я въ отеческій замокъ, находившійся среди лѣсовъ близъ озера, въ опдаленной провинціи. —

Предъ опцемъ моимъ я былъ всегда боязливъ и имѣлъ видъ принужденный; только подлѣ моей сестры Амеліи я чувствовалъ себя какъ-бы на волѣ; какое-то удовольствіе разливалось во мнѣ. Пріятное сходство нравовъ и вкусовъ сблизило меня съ нею; она была не много старше меня; мы любили лазить вмѣстѣ по горамъ, плавать по озеру, бѣгать по лѣсамъ во время паденія листьевъ. О мечтѣ юности и родины, не теряйте для меня никогда вашихъ прелестей!

Иногда ходили мы въ молчаніи, прислушиваясь къ глухому реву осени или шороху сухихъ листьевъ, кои волочили мы печально своими ногами; иногда посреди невинныхъ игръ нашихъ бѣгали по лугу за ласпючкою, или за радугою на одожденные холмы; иногда напѣвали стихи, внушенные намъ зрѣлищемъ природы. Въ юности моей я любилъ музъ. Нѣтъ ничего столько пишическаго, какъ шестнадцатилѣтнее сердце со свѣжими спраснями. Упру жизни подобно упру дня; все въ немъ невинность, воображеніе, гармонія. —

Въ Воскресенья и праздники слышала я часто сквозь деревья въ большемъ лѣсу звонъ отдаленнаго колокола, созывавшій земледѣльцевъ къ молитвѣ. Присловясь къ молодому взгляду, внимала я въ молчаніи симъ священнымъ звукамъ. Каждое содроганіе мешалла представляло неопытной душѣ моей простоту сельскихъ нравовъ, покой уединенія, красоты Религіи, и наводило задумчивость при воспоминаніи о моемъ дѣлствѣ. О! какой порочный человекъ не чувствовалъ въ себѣ шрепеша при звукѣ колоколовъ на своей родинѣ, колоколовъ, кои звучали радостію надъ его колыбелью, кои возбуждали его вступленіе въ міръ сей, кои означали первое бѣненіе его сердца и

огласили во всѣхъ окрестностяхъ свя-
тое веселіе его родинеля, спрадана и
радости, съ ними несравненныя, его
манери. Все заключаеяся въ очарова-
тельныхъ мечпаніяхъ, производимыхъ
звуками родимаго колокола: Религія,
семейство, опечесиво и колыбель, и
прошедшее и будущее.

Правда, что мы съ Амелією болѣе
другихъ наслаждались сими нѣжными и
вмѣстѣ важными мыслями; ибо оба
въ глубинѣ сердець нашихъ были на-
клонны къ грусти: мы получили эщо
или опъ Бога или опъ нашей манери.
Между шѣмъ опецъ мой занемогъ опас-
но, и болѣзнь въ нѣсколько дней низ-
вела его въ могилу. Онъ скончался въ
моихъ объятіяхъ. — Я узналъ смерть
на успахъ даровавшаго мнѣ жизнь.
Это впечатлѣніе было сильно и не
изгладилось еще донынѣ. — Въ первой
разъ тогда предшавилось мнѣ ясно
безмертіе души. — Я не могъ думать,
чтобъ хладной струй произвелъ во мнѣ
мысль сію; я чувствовалъ, что она про-
исходила изъ другаго источника, и
въ священной горести, близкой къ ра-
дованію, надѣялся соединиться нѣкогда
съ духомъ моего родинеля.

Другое явленіе утвердило меня въ
сей великой мысли. Черты усоншаго
воспріали въ гробъ что-то высокое. —

Почему знаешь? можешь быть снмъ удивительнымъ таинствомъ знаменуется наше безсмертіе. Можешь быть смертью всевѣдущая впечатлѣвается на чель своей жертвы пайну другой вселенной. Можешь быть въ гробницѣ открываешься высокое видѣніе вѣчности.

Амелія, удрученная горестію, удалилась во внутренніе покои уединенной башни. Тамъ слышала она погребальное пѣніе священниковъ и звуки надгробнаго колокола, раздававшіеся подъ сводами готическаго замка. --

Я провожалъ моего родителя до его послѣдняго пристанища. Земля зашворилась, пріѣвъ въ нѣдра свои его останки. Вѣчность и забвеніе опягчили его всѣмъ своимъ бременемъ; и въ попь же вечеръ мимо его могилы проходили съ равнодушіемъ и онъ какъ-будто никогда не живалъ на свѣтѣ, оставшись только въ воспоминаніи своего сына и дочери.

Должно было покинуть отеческій домъ, наслѣдіе моего брата. Я удалился съ Амеліею къ старымъ родственникамъ. — Остановившись при началѣ обманчивыхъ пушей, я разсмапривалъ ихъ одинъ за другимъ, не избравъ ни жопораго. — Амелія не рѣдко разсуждала со мною о счаспій монашеской жизни. — Она говорила, что я только

привязывалъ ее къ жизни, и глаза ея ўспремлялись на меня съ печалію. —

Распироганный такими благочестивыми бесѣдами, часто направлялъ я шаги свои къ одной обители, бывшей въ недалекомъ разстояніи отъ новаго моего жилища; однажды я рѣшился было скрыть тамъ жизнь свою. — Счастливы тѣ, кои кончили свое спраншваніе, не оставляя приспани, и, подобно мнѣ, не влачили безполезныхъ дней на землѣ. —

Европейцы, обуреваемые безпрестанно спрасшиями, принуждены спроить себѣ монастыри. Чѣмъ шумнѣе и мятежнѣе наше сердце, тѣмъ болѣе прелестней имѣють для него нишина и уединеніе. Сіи спранническія обители въ моемъ опечесствѣ, приюощъ всѣхъ слабыхъ и несчастныхъ, иногда таятся въ долинахъ, кои оставляють въ сердце только темное воспоминаніе о нашихъ злополучіяхъ, и упѣшають надеждою приспанища; иногда находятся на мѣстахъ возвышенныхъ, откуда благочестивая душа подобно горному растенію возноштся, кажешся, къ небу для приношенія своихъ виміамовъ.

Какъ шеперь вижу я величественное смѣшеніе водъ и лѣсовъ въ семъ древнемъ монастырѣ, гдѣ хонѣлъ было я укрышь свою жизнь отъ при-

хотѣй жребія ; я блуждаю еще подъ вечеръ въ сихъ уединенныхъ и звонкихъ переходахъ.

Когда луна освѣщала аркаду, отбрасывая тѣнь столбовъ на противоположную стѣну, я останавливался и смотрѣлъ на крестъ, означавшій поле смерти, и густую тѣню, роспущую между могильными камнями. О люди, жившіе въ удаленіи отъ міра, и отъ спокойствія жизни перешедшіе къ спокойствію смерти! какое отвращеніе отъ земли ваши гробницы поселяли въ моемъ сердцѣ! —

Но по врожденному ли непостоянству, или по предубѣжденію противъ монастырской жизни, я переѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился путешествовать ; — проснился съ сестрою ; она обнимала меня съ какимъ-то движеніемъ, похожимъ на радость ... какъ будто бы отъѣздъ мой дѣлалъ ее счастливою. — Я не могъ удержаться отъ горестнаго размышленія о непрочности человѣческой жизни. —

Между тѣмъ, пламенный, бросился я въ сей бурный океанъ міра, когото приспани и подводные камни мнѣ были неизвѣстны. Первымъ предметомъ моего путешествія были народы, уже несуществующіе. Я посѣтилъ развалины Рима и Греціи, спранъ, оставившихъ

по себѣ память сильную и славную, спрять, коихъ гордыя зданія обрашались въ прахъ, и мавзолеи заросли терновникомъ. — Здѣсь-то разительнао представлялась мнѣ сила природы и слабостъ челоуѣка! — Былинка проникаетъ чрезъ твердѣйшій мраморъ сихъ гробницъ, коихъ всѣ сїи смершныя, споль могущеспвенныя, поднятъ никогда не будушь въ сослоянїи.

Индѣ виденъ былъ высокій столбъ одинъ посреди степи, подобно великой мысли, кошорая сверкаетъ иногда въдушѣ, охлажденной временемъ и несчаспїями.

Всякой день безпрестанно размышлялъ я о сихъ памятникахъ. — Иногда солнце, видѣвшее ихъ основанїе, заходило величеспвенно предъ моими глазами надъ ихъ развалинами. Иногда луна, показываясь на чїспомъ небѣ между двумя пепельными урнами, въ половину разбишыми, освѣщала предо мною блѣдныя гробницы. — Часпо при лучахъ сего свѣшила, кошорое пишаетъ мечпанїя, думалъ я, что вижу генїя воспоминанїй, сїдящаго подлѣ меня въ задумчивоспи.

Но я ушомился наконецъ исканїями въ могилахъ, въ коихъ не рѣдко находилъ шолько прахъ пресшупленїя.

Мнѣ хопѣлось узнать, не представляють ли поколѣнїя живущїя болѣе добродѣтелей или менѣ бѣдствїй, нежели

поколѣнія искоренившіяся. Однажды прогуливалъ въ одномъ большемъ городѣ, шелъ я мимо дворца по уединенному и необитаемому двору, и увидѣлъ предъ собою спашую, указывающую рукою на мѣсто, славное по произшествію, на немъ случившемуся. Я былъ пораженъ безмолвіемъ, которое царствовало въ мѣстахъ сихъ; лишь только въперъ былъ около прагматическаго мрамора. — Какіе - то ремесленники лежали при подножіи спашуи, и обтесывали камни, присвистывая. — Я спросилъ ихъ, что значить эпопѣя памятникъ? Одни едва могли отвѣчать мнѣ, другіе не знали ничего о несчастномъ событіи, приводимомъ имъ на память. Ничто не подало мнѣ вѣрнѣшаго понятія о настоящей оцѣнкѣ мірскихъ произшествій и нашей ничтожности. Что спало съ этими людьми, кои надѣлали столько шума на свѣтѣ? — время спушило шагъ и лице земли обновилось. —

Въ моихъ путешествіяхъ я искалъ особенно художниковъ и сихъ божественныхъ людей, кои воспѣвають на лирѣ боговъ и блаженство народовъ, чтущихъ законы, Религію и гробницы.

Сіи пѣвцы имѣють происхожденіе небесное, и обладаютъ единственнымъ неоспоримымъ талантомъ, коимъ небо

наградило землю. — Жизнь вѣдуть они
 безпечную и вмѣстѣ высокую; они —
 самые простые люди, хощя славить
 Бога золотыми устами, — говорятъ какъ
 бессмертные и какъ малые дѣти, объ-
 ясняяющъ законы вселенной и не могутъ
 понять обыкновенныхъ общолюдскихъ
 въ жизни; имѣютъ чудеснѣйшія мысли
 о смерти, и умирающъ, сами не при-
 мѣчая того, подобно новорожденнымъ.

На горахъ Каледонскихъ послѣдній
 Бардъ, слышанный въ сихъ пустыняхъ,
 пѣлъ мнѣ поэмы, коими нѣкогда одинъ
 герой участвовалъ въ своей старости.
 Мы сидѣли на четырехъ камняхъ, об-
 росшихъ мохомъ; ручей струился подъ
 нашими ногами; въ нѣкоторомъ разстоя-
 нии дикій козель щипалъ траву въ разва-
 динахъ башни, и морской вѣтеръ дулъ въ
 верескъ Коны. Теперь Христіанская Рели-
 гія, также дочь высокихъ горъ, по-
 ставила креслы свои на памятникахъ
 героев Морвенскихъ; теперь звуки
 арфы Давида раздаются на берегахъ
 того источника, гдѣ Оссианъ звучалъ
 нѣкогда на своей. Столь миролюбивая,
 сколь божества Сельмы были воин-
 ственны, она пасетъ стада въ тѣхъ
 мѣстахъ, гдѣ Фингалъ вступалъ въ
 сраженія, и разсыяла ангеловъ міра въ
 тѣхъ облакахъ, гдѣ обитали убійствен-
 ные призраки.

Древняя смѣющаяся Италія представляла мнѣ множество предметовъ, доспойныхъ вниманія. Съ какимъ священнымъ и пѣщическимъ ужасомъ блуждалъ я въ сихъ обширныхъ зданіяхъ, посвященныхъ искусствами Религій! Какой лабиринтъ сполбовъ! Какое послѣдованіе сводовъ! Какъ прекрасны звуки, раздающіеся подь куполами! — они подобны шуму волнь въ Океанѣ, гулу въспровъ въ лѣсахъ, или гласу Бога въ своемъ храмѣ. Зодчій выспроилъ, такъ сказать, мысли Поэта, и сдѣлалъ ихъ приступными для чувствъ. —

Впрочемъ что узналъ я до сихъ поръ послѣ шолкихъ трудовъ? — ничего вѣрнаго у древнихъ, ничего изящнаго у новыхъ; прошедшее и настоящее суть двѣ не цѣлыя статуи; первая найдена искаженною подь развалинами вѣковъ; другая не получила еще своего усовершенствованія отъ будущаго.

Но можете быть, старые друзья мои, вы особенно, обидатели пустыни, удивляетесь, что я, описывая мои путешествія, не упомянулъ еще ни разу о памятникахъ природы.

Однажды взошелъ я на вершину Этны, огнедышущей горы, находящейся посреди одного острова. Солнце восходило надо мною изъ безконечности горизонта. Сицилія, подобно точкѣ, мель-

кала внизу подъ моими ногами; вдали расширялось море. — Въ семь освѣсномъ положеніи каршины рѣки казались мнѣ Географическими линіями, проведенными на каршѣ; — но между тѣмъ какъ съ одной стороны представлялись моему зрѣнію сія предметы, съ другой оно погружалось въ жерло Эпины, коей пылающая внутренность видна была мнѣ между клубами черного дыма.

Молодой человекъ, съ пылкими спрашьями, сидящій у жерла волкана и оплакивающій смершныхъ, коихъ обшашаща едва видить подъ своими ногами, достоинъ только вашего сожалѣнія, сшарцы! Но что бы вы ни думали о Рене, сія каршина изображаетъ вамъ вѣрно его жизнь и характеръ. Такимъ то образомъ видѣлъ я всегда предъ собою съ одной стороны швореніе, вмѣстѣ безмѣрное и ничтожное, съ другой разверзшую пропасть.

Произнеся сія послѣднія слова, Рене умолкъ, и погрузился вдругъ въ задумчивость; отецъ Суель смолрѣлъ на него съ удивленіемъ; а сшарой Сакемъ не слыша болѣе его голоса, не понималъ, ошъ чего происходить сіе молчаніе. —

Рене смолрѣлъ на купу Индѣйцевъ, проходившихъ съ веселіемъ по долинь,

Вдругъ лице его умиляется, слезы потекутъ изъ глазъ его; онъ восклицаетъ:

„Счастливые дикіе! для чего не могу я наслаждаться миромъ, васъ никогда не покидающимъ. Между шѣмъ, какъ я съ столь малою пользою объѣхалъ все спраны, вы, сидя покойно подь своими дубами, и не примѣтили, какъ прошекли дни ваши. Ваши нужды были вашимъ разумомъ, я вы лучше меня достигли цѣли мудрости, подобно дѣшамъ, между игрою и сномъ. — Если когда нибудь задумчивость, происходящая отъ избытка счастья, посѣщала души ваши, вы разсвѣтали скоро сію преходящую грусть, и взоръ вашъ, успрямленный на небо, искалъ тамъ съ умиленіемъ этого Непоспѣжимаго, который печелся о бѣдномъ дикарѣ.“

При сихъ словахъ голосъ Рене замеръ снова и юноша склонился головою къ груди. Слѣпой Шакнасъ ищетъ ощупью своего сына, и наконецъ взявъ его за руку, восклицаетъ съ нѣжностію: Сынъ мой, любезный сынъ мой! Услышавъ сіи звуки, братъ Амеліи пришелъ въ себя и стыдясь своего смяшенія, просилъ прощенія у своего отца. Старецъ сказалъ ему: юный другъ мой, движенія сердца, подобнаго твоему, не могутъ быть равны; спарайся только умѣришь свою пылкость, сдѣлавшую тебѣ

столько вреда. — Не удивляйся тому, что другіе спрадаютъ менѣе своего. — Великая душа должна вынести горестей болѣе, нежели обыкновенная. — Продолжай шве повѣствованіе. — Мы посѣдили съ тобою часть Европы; опиши намъ теперь свое отечество. — Ты знаешь, что я былъ во Франціи и какія узы меня къ ней привязываютъ. — Мнѣ пріятно будетъ услышать что-нибудь о семъ великомъ начальникѣ, (*) которъ уже не существуетъ болѣе, и котораго видѣлъ я великолѣпную хижи-ну. — Сынъ мой, я живу только памятью; шарецъ съ своими воспомина-ніями подобенъ засохшему дубу лѣсовъ нашихъ: сей дубъ неукрашается болѣе собственными листьями, но иногда прикрываетъ нагошу свою посторонними расшеніями, кои прозябаютъ на старыхъ вѣтвяхъ его.

Братъ Амеліи, успокоенный сими словами, продолжаетъ такимъ образомъ исторію своего сердца.

Увы, родитель мой! я не могу занять себя повѣствованіемъ о семъ славномъ вѣкѣ. — Въ моей юности я былъ свидѣтелемъ только его окончанія. — Возвращаясь же въ отечество не засталъ и сего. — Никогда ни у одного

(*) Лудовикъ XIV.

народа не произошло споль внезапной перемѣны. Исчезли выспренность гения, благоговѣніе къ Религии, спещенность нравовъ, и чѣмъ же замѣнились? Скудоуміемъ, нечесшіемъ, развращомъ.

И шакъ напрасно надѣялся я избавишься въ моемъ опечесствѣ этого мученія, этого неутодимаго желанія, которое всюду меня преслѣдуетъ. — Въ познаніи свѣта я не научился ничему и между тѣмъ потерялъ пріятность невѣденія.

Сестрѣ моей, по непонятнымъ причинамъ, казалось пріятно было увеличивать шоску мою; она оставила Парижъ за нѣсколько дней до моего прибытія. — Я писалъ, что хочу ѣхать къ ней; она немедленно отвѣчала мнѣ, и старалась опклонить опъ этого намѣренія, представляя, что не знаетъ еще, куда призовуть дѣла ея. — Съ какою грустію размышлялъ я тогда о дружбѣ: присушствіе охлаждаетъ ее, отсутствіе изглаживаетъ; она слабѣетъ въ несчастіи и еще болѣе въ счастіи.

Скоро въ своемъ опечесствѣ увидѣлъ я себя болѣе одинокимъ, нежели у народовъ иноплеменныхъ, и вздумалъ было броситься на нѣсколько времени въ свѣтъ, который ни говорилъ мнѣ ничего, не понималъ меня. — Дуца моя еще чистая, цѣлая, не имѣвъ никакой опредѣ-

ленной спрасши, искала предмета, который могъ бы привлечь ее къ себѣ; но я увидѣлъ, что давалъ болѣе, нежели сколько получалъ; опъ меня не требовали ни возвышеннаго языка, ни глубокаго чувствованія. Мнѣ должно было наклоняться, чтобъ быть наравнѣ съ обществомъ; — вездѣ почитали меня Романизмомъ; я спыдился такой роли и наконецъ опвращаясь болѣе и болѣе опъ людей или вещей, рѣшился удалиться въ предмѣстіе и жить шамъ въ совершенной неизвѣстности. —

Сначала для меня пріятна была сія уединенная и независимая жизнь. Никѣмъ незнаемый, я мѣшался въ толпѣ, обширная пустыня людей! —

Часто, сидя въ какой нибудь церкви мало посѣщаемой, проводилъ я цѣлые часы въ размышленіяхъ. Я видѣлъ шамъ, какъ бѣдныя женщины повергались предъ Всевышнимъ, какъ грѣшники падали на колѣна въ судилищѣ покаянія. Всѣ выходили опшуда съ лицами, болѣе свѣплыми, и глухіе клики, слышимые извнѣ, казались волнами спрасшей, и бурями міра, кои запихали при врапахъ храма Господня. Великій Боже! Ты видишь слезы, проливаемыя мною шайно въ сихъ пустыняхъ, Ты знаешь сколько разъ припадалъ я къ стопамъ Твоимъ, моля освободить меня опъ тяго-

спи жизни или обновишь во мнѣ вешаго челоуѣка. Ахъ, кто не ощущалъ иногда нужды переродиться, помолодѣть въ водахъ попока, потрузить свою душу въ источникъ живоносномъ? Кто не чувствуешь иногда бремени собсвеннаго развращенія, неспособности произвести что-нибудь великое, благородное, справедливое! —

Подъ вечеръ оспанавливался я на мостахъ, чтобъ видѣть захожденіе солнца. — Свѣсило, воспламенивъ пары, поднявшіеся надъ городомъ, качалось медленно въ золотой жидкости, какъ маятникъ часовъ вѣчности. — Съ ночью возвращался я домой по лабиринту уединенныхъ улицъ. — Смопря на огонь, блискавшій въ жилищахъ людей, я переносился мысленно въ сцены горести и радости, имъ освѣщаемыя, и думалъ съ печалію, что нигдѣ нѣтъ у меня ни одного друга. Во время сихъ размышленій, часы ударили мѣрно на колокольнѣ соборной готической церкви, и повпорялись въ разныхъ монахъ во всѣхъ разстояніяхъ отъ церкви до церкви. Увы! каждый часъ открываетъ въ обществѣ могилу и заспавляетъ проливать слезы. —

Несносною сдѣлалась для меня эта жизнь, копорую я прежде восхищался. —

Я упомянул повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же явленій, однѣхъ и тѣхъ же мыслей; — началъ испытывать свое сердце, спрашивать себя, чего желалъ я, и не могъ дать себѣ отвѣта; — вдругъ пришло мнѣ на мысль, что въ лесахъ найду я себѣ услажденіе, и я тотчасъ рѣшился кончить въ сельскомъ уединеніи поприще, которое едва начало было мною и въ которомъ однакожь пожрала я цѣлые вѣки.

Я принялся за это намѣреніе съ жаромъ, съ какимъ я начинаю все мои предпріянія и отправился для погребенія себя въ хижинѣ такъ же, какъ отправлялся прежде для путешествія по свѣту.

Меня обвиняють, что я не имѣю постоянныхъ склонностей, что не могу долго наслаждаться однимъ мечтаніемъ и вѣчно бываю жертвою моего воображенія, которое свѣшилъ достигнуть конца наслажденій, какъ будто бы продолженіе ихъ его обременяло; меня обвиняють, что я убѣгаю всегда цѣли, которой могу достигнуть. — Увы! я ищу только неизвѣстнаго блага, врожденное желаніе коего всюду меня преслѣдуетъ. — Моя ли вина, что я во всемъ нахожу предѣлы, что конечное не имѣешь для меня никакихъ прелестей. — Однако же мнѣ кажется, что я люблю

неизмѣняемость въ чувствованіяхъ жизни, — и если бы я еще вѣрвалъ существованію счастья, то спалъ бы искашь его въ привычкѣ.

Совершенное уединеніе и зрѣлище природы привело меня вскорѣ въ состояніе необыкновенное. — Безъ родственниковъ, безъ друзей, живя, такъ сказать, одинъ на землѣ, не любивъ еще никого, я былъ уже удрученъ излишествомъ жизни. — Иногда вдругъ на лицѣ моемъ выступала краска, и я чувствовалъ, что во мнѣ кипитъ лава пылающая, иногда выпускалъ я невольно крики; ночь равно возмущаема была моимъ сномъ и моимъ бдѣніемъ. — Мнѣ не доставало чего-то, что могло бы наполнить бездну моего существованія; я ходилъ въ долину, всбирался на гору, призывая всею силою моихъ желаній идеальный предметъ будущаго моего пламени; я обнималъ его въ вѣпрахъ, слышалъ въ журчаніи рѣки; все было для меня симъ воображаемымъ призракомъ, и звѣзды небесныя и даже источникъ жизни во вселенной. —

Впрочемъ сіе состояніе спокойствія и волненія, нищеты и богатства, было для меня не безъ наслажденій. — Однажды на примѣръ я чувствовалъ неизъяснимое удовольствіе, обрывая надъ ручьемъ ивовую вѣтку и опсылая съ

каждымъ листикомъ, увлекаемымъ потокомъ, какую-нибудь мысль. — Нельзя представить себѣ пѣхъ мученій, какія чувствовалъ я при всякомъ случаѣ, угрожавшемъ опасностію моимъ листикамъ. — Ослабость смертныхъ о младенчество человеческого сердца, никогда не спарвующаго! вошь докакой степени малодушія можешь снизитьши гордый нашъ разумъ! и не правда ли, что много людей соединяють свою участь съ вещами, столь же маловажными, какъ моя яловая вѣпка.

Но какъ перескажешь вамъ пѣму чувствованій преходящихъ, кошорыя волновали мое сердце въ продолженіи сихъ прогулокъ? — Звуки, издающіеся въ пустошь одинокого сердца, подобны гулу вѣтровъ и водъ, слышимому посреди безмолвія пустыни: ими можно наслаждаться, но не возможно выражать ихъ. —

Осень застигла меня въ сей неизвѣстности. Для меня пріятно было наступленіе мѣсяцевъ бури. Иногда желалъ я быти странствующимъ рыцаремъ посреди вѣтровъ, пучъ, приведеній. Иногда завидывалъ участи паслуха, кошорой предъ моими глазами грѣлся около огня, разведеннаго имъ на краю льса. — Я слушалъ его заунывныя пѣсни; онъ показывали мнѣ, что во всякой

спранъ первое, естественное пѣніе человека дышетъ грустію, хотябы даже выражало счастье. — Наше сердце есть инструментъ не совершенной; лира, въ копорой недоспаетъ струнъ и изъ копорой мы бываемъ принуждены извлекать звуки радости пономъ, посвященнымъ на воздыханія. —

Днемъ блуждалъ я въ обширныхъ степяхъ, окруженныхъ лѣсами. Бездѣлицы довольно было для возбужденія моихъ мечтаній; сухой листъ, крупившійся предомною въ воздухъ, хижина, изъ коей дымъ доносился до обнаженной вершины деревьевъ, мохъ дрожавшій на дубовомъ пнѣ отъ дуновенія сѣвернаго вѣтра, одинокая скала, уединенной прудъ, на коемъ шелестѣлъ завялой тростникъ; — часто привлекала мои взоры сельская колокольня, возвышавшаяся вдали надъ долиною; часто слѣдоваль я глазами за оплешными птицами, кой неслись надъ моею головою. Я воображалъ неизвѣстные берега, отдаленные климаты, куда летѣли онѣ, и желалъ бытъ на ихъ крыльяхъ. — Тайное стремленіе къ чему-то шомило меня; я чувствовалъ, что я самъ не что иное какъ спранникъ; но небесной голосъ, казалось, вѣщаль мнѣ: человекъ! время швоего переселенія еще не наступило; жи-

дай, пока повѣнъ въперъ смерни; тогда ты направишь полетъ свой къ симъ неизвѣстнымъ странамъ, коихъ ищешь твое сердце. —

Начинайшесъ же скорѣ вожделенные бури! вы, кои должны умчашъ Рене въ пространство другой вселенныя. Размышляя такимъ образомъ, ходилъ я быспрыми шагами; лице мое горѣло; въперъ развѣвалъ мои волосы, я не чувствовалъ ни дождя, ни спужи, былъ очарованъ, шерзаемъ: демонъ моего сердца казался овладѣвалъ мною. — Ночью, когда сѣверной въперъ попрясалъ мою хижину, когда дождь лилъ попоками на мою кровлю, когда я видѣлъ въ мое окошко, какъ мѣсяцъ пробивается сквозь сгромажденныя облака, подобно блѣдному кораблю, борющемуся съ волнами, мнѣ казалось, что жизнь умножается въ глубинѣ моего сердца, что я имѣю силу творить мѣры. — Ахъ! если бы я могъ раздѣлить мои восторги съ подругою: Боже мой, если бы Ты даровалъ мнѣ женщину по моимъ желаніямъ! Если бы ты привелъ ко мнѣ, какъ къ первому нашему прародителю, сію Евву, извлеченную изъ меня самаго! Красота небесная! я повергнулся бы предъ побою, и потомъ, заключивъ себя въ свои объятія, молилъ бы Пред-

вѣчнаго, мною Онъ опдалъ тебѣ остатокъ моей жизни. —

Увы! я былъ одинъ, одинъ на землѣ. Силы мои истощались непримѣтно. — Отверженіе отъ жизни, чувствованное мною съ дѣтскихъ лѣтъ, возобновилось съ новою силою. Вскорѣ сердце мое не доставляло болѣе пищи для размышленія и я замѣчалъ бытіе свое только по глубокому чувствованію скуки.

Нѣсколько времени боролся я съ симъ зломъ, но безъ усилій, безъ твердаго намѣренія преодолѣть его. — Наконецъ не могши найти лѣкарства для сей странной раны моего сердца, бывшей и вездѣ, и нигдѣ, рѣшился я оставитьъ жизнь.

Служитель Всевышняго, мнѣ внимающій! прости несчастному, кощараго Небо лишило почти разсудка. — Я былъ преданъ Религій, и разсуждалъ какъ нечесливецъ; сердце мое любило Бога, разумъ не понималъ Его; — въ моихъ поступкахъ, разговорахъ, чувствованіяхъ, мысляхъ — вездѣ было противорѣчіе, мракъ, ложь. Но знаешь ли человекъ всегда, чего онъ желаетъ, бываетъ ли увѣренъ въ своихъ мысляхъ? —

Для меня все пропало: дружба, свѣтъ, пустыня. Я все испыталъ и все было для меня гибельно. Отвергну-

тому обществу, оставленному Амелию, что оставалось мне, когда я наскучилъ уединеніемъ. Это была послѣдняя доска, на которой я надѣялся спастись, хотя чувствовалъ, что она влечетъ меня въ пропасть.

Рѣшившись свергнуть съ себя бремя жизни, я положилъ употребить весь свой разумъ при семъ неистовомъ поступкѣ. Ничто не понуждало меня; я не назначалъ срока для оставленія сей жизни, желалъ глотать медленно послѣднія минуты своего существованія, и собралъ все свои силы, подобно одному древнему, чтобы почувствовать, какъ душа моя вылетитъ изъ шѣла. —

Между шѣмъ я почелъ за нужное сдѣлать нѣкоторыя распоряженія касательно моего имѣнія, и нашелся принужденнымъ писать къ Амелии. У меня вырвались нѣкоторыя жалобы на ея холодность; но вѣроятно, въ письмѣ замѣтна была нежность, которая мало по малу начинала брать верхъ надо мною. — Мне казалось однако, что я хорошо скрылъ тайну, но сестра моя, привыкшая чинить въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ моего сердца, угадала ее безъ труда. Принужденной пошлѣ, которымъ написано было письмо мое, вопросы о дѣлахъ, коими

прежде не занимался я никогда, востревожили ее, и она вмѣсто отвѣща пріѣхала ко мнѣ пошчасъ сама. —

Чтобъ почувствовать, сколь велика моя горестъ въ послѣдствіи и сколь велики были первые мои восторги, когда я увидѣлъ Амелію, — вы должны представить себѣ, что это было единственное существо на землѣ, которое любилъ я, что все мои чувствованія сливались въ ней съ сладостными воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ. Въ изступленіе пришелъ я, увидя ее. — Такъ долго не вѣрѣчалъ я никого, кто бы понималъ меня, предъ кѣмъ могъ бы я открыть свою душу. —

Амелія, бросаясь въ мои объятія, сказала: неблагодарный! ты хочешь умереть, а твоя сестра живетъ еще. Ты подозреваешь ея сердце. — Не объясняйся, не оправдывай себя: я знаю все, я поняла все, какъ будто бы была съ тобою. — Меня обманываешь ты, меня, которая видѣла рожденіе всѣхъ твоихъ чувствованій. Таковы слѣдствія твоего несчастнаго характера, твоего отвращенія отъ всего, твоей несправедливости! клянись мнѣ теперь, когда я прижимаю тебя къ своему сердцу, клянись, что ты въ послѣдній разъ слѣдовалъ своимъ спраннымъ; дай

мнѣ присягу, что ты не покусишься болѣе на жизнь свою.

Произнеся сіи слова, Амелія смотрѣла на меня съ состраданіемъ и любовію, и осыпала поцѣлуями. Это была почти мать, сама нежность. — Увы! мое сердце открылось для всѣхъ радостей; подобно младенцу мнѣ нужно было только утѣшеніе; я уступилъ владычеству Амеліи; она требовала отъ меня торжественной присяги, — я далъ, ни мало не колеблясь, не думая даже, чтобы я могъ сдѣлаться когда-нибудь несчастливымъ. —

Болѣе мѣсяца привыкали мы къ очарованію бытъ вмѣстѣ. — Поушру не бывъ уже болѣе одинокимъ, слышавъ голосъ моей сестры, я чувствовала во всѣхъ моихъ членахъ какое-то радостное пренепаніе. Амелія получила отъ природы что-то божественное; душа ея имѣла тѣ же невинныя прелести, какія имѣло пѣло; ни съ чѣмъ нельзя сравнить кротости ея чувствованія! Все было пріятно въ ея умѣ, насколько мечтательномъ. Робостію и спрастію походила она на женщину, невинностію и чистотою на Ангела. —

Но наступила минута, въ которую я долженъ былъ понести дѣйствительное наказаніе за свое непослушаніе. Прежде безуміе мое доходило

до того, что я желалъ несчастія, дабы имѣлъ существенной предметъ для перзаний: Богъ во гнѣвъ своемъ внялъ сему ужасному желанію. —

Что хочу я открышь вамъ, друзья мои! Посмотрите на слезы, которыя текутъ изъ глазъ моихъ. — Могу ли я даже. . . За нѣсколько дней ничто въ свѣтѣ не могло бы изпоргнуть у меня сей пайны. Теперь все кончено. —

Но сіе повѣспованіе, старцы! должно бытъ на всегда предано забвенію; помните, что оно было рассказано подъ деревомъ пусыни.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

НАУКИ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Четыре возраста Естественной Истории.

Если посмотришь со вниманіемъ на постепенное развитіе каждой науки, составляющей отдѣльное звено въ общей цѣпи человѣческихъ знаній, то увидимъ, что историческій обзоръ оной, подобно жизни всего человѣческаго и каждаго человека, можетъ бытъ представленъ въ извѣстномъ числѣ возрастовъ. Стремленіе человека къ пріобрѣтенію познаній, всегда постоянное, всегда неодолимое, не вдругъ разверзало сокровищницу всего познаваемого: первыя усилія онаго не могли произвести успѣховъ значительныхъ, и потому свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ, примыкающія ко временамъ отдаленнымъ, покрытымъ мракомъ древности, необходимо должны носить на себѣ печать *младенчества*. — Полномъ, когда человекъ, упомянутый, такъ сказать, безчисленностью предметовъ міра физическаго и духовнаго, обратилъ вниманіе свое на различія оныхъ, и въ слѣдствіе сего различія старался пріобрѣтенныя свѣденія раздѣлить на отрасли, извѣстныя подъ именемъ наукъ, — тогда предметъ и цѣль изслѣдованій сдѣлались яснѣе, поняшиѣе;

успѣхи мыслящей способности начали развиваться съ бѣльшею силою, и получили значительное приращеніе; однимъ словомъ: достигли возраста *юношескаго*. — Но врожденное стремленіе познавать, можетъ ли ограничиться однимъ приобрьщеніемъ свѣденій? нѣтъ: оно спарается въ отрасли знанія утвердить на какомъ-либо основаніи и представить ихъ въ цѣломъ, систематическомъ видѣ, отъ чего каждая наука получаетъ самостоятельность, вѣрнымъ путемъ направляясь къ совершенству . . . и на предѣлахъ юношества разцвѣпаетъ сильное, зрѣлое мужество, которое въ свою очередь смѣняется *старостью*, когда человекъ, какъ бы достигнувъ желанной цѣли много-различныхъ изслѣдованій, обрьпаетъ въ нихъ самихъ и высшее наслажденіе и сладостную награду своимъ трудамъ.

Въ каждой отрасли знанія, при самомъ началѣ, главное вниманіе должно обращать 1) на сущность предмета, 2) цѣль изслѣдованій, и 3) способъ для достиженія сей цѣли; ибо всякому наблюдателю, при разсматриваніи какого либо предмета, необходимо представляюща при слѣдующіе вопроса: что я познаю? Для чего я познаю? и какимъ образомъ долженъ я познавать? Если

вопросы сіи разсмотрѣны изъ надлежащей точки зрѣнія, то можемъ заключить, что наука зиждется на твердомъ основаніи и получила должное направленіе. Въ противномъ случаѣ, она, представляя собраніе выводовъ, болѣею частію невѣрныхъ и кое - какъ связанныхъ между собою, не будетъ представлять единства начала и согласія въ частяхъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать отъ нея значительныхъ успѣховъ въ то время, когда мы не постигнули ея предмета, когда мы сами себѣ не можемъ дать отчета въ пользѣ и важности изысканій, и не знаемъ, куда онѣ должны спремиться? . . . .

Соображая все вышесказанное, заключаемъ, что представитъ Историческій ходъ Естественной Исторіи, какъ и прочихъ наукъ, все то же, что разрѣшитъ слѣдующій вопросъ: *на какой степени развитія, въ каждомъ возрастѣ, находились мнѣнія о предметѣ и цѣли ея изслѣдованій, и способѣ производить сіи изслѣдованія?*

Врожденное побужденіе къ пріобрѣтенію свѣдѣній начально успремилось на предметы, насъ окружающіе и съ физическимъ бытіемъ нашимъ нераздѣльные. Все, постигаемое чувствами, возбуждаетъ любопытство, челоуѣку свой-

ственное: на что же иное могло обратиться его первое вниманіе, какъ не на планету, имъ обитаемую, съ участью которой сопряжена и его участь? Дивное смѣшеніе существъ, разсыянныхъ по лицу земли, несмѣтное число ихъ и разнообразіе, непрерывность явленій природы, то грозныхъ и величественныхъ, то тихихъ и пріятныхъ, — все это поразило мыслящую способность и возвело ее на первую степень развитія. Переходя отъ одного предмета къ другому, и теряясь въ красотахъ невыразимыхъ, вниманіе чловѣка не отпаивалось ни на чемъ преимущественно; онъ не желалъ постигнуть каждый предметъ порознь, но старался схватить какъ можно болѣе различныхъ впечатлѣній, которыя производили на него предметы внѣшніе: воля главная цель его! и могло ли быть иначе? Младенецъ съ радостію беретъ каждую игрушку и мгновенно бросаетъ ее, увидя новую, блестящую.

Предметъ первой дѣятельности чловѣка была природа. Все, что поражаало его чувства; все, что блистало вокругъ него красою и величіемъ, сливалось въ одно цѣлое, нераздѣльное — и юный властелинъ земли довольствовался удивленіемъ. Таковъ періодъ *младенчества*: слабыя усилія

оного не могли породить науки, предполагающей высшую степень развитія мыслящей способности; понятія чело-вѣка въ сіе время равнялись понятіямъ нашихъ просвѣдителей; онъ ограничивался простымъ возрѣніемъ на всё видимое; не замѣчалъ различія оного, и не старался раздробить его на отрасли, предоставляя совершить сіе вѣкамъ грядущимъ.

Но пора возраста младенческаго миновалась, и вскорѣ юный, пылкій, дѣлательный чело-вѣкъ, не ограничиваясь настоящими познаніями, съ новыми силами усупремился къ собранію свѣдѣній. Наблюдая природу, онъ увидѣлъ, что не смотря на удивительное разнообразіе, она сохраняетъ единство и порядокъ: свѣтила дня и ночи восходятъ и заходятъ всегда съ равнымъ согласіемъ и величествомъ; явленія природы совершаются постоянно, неизмѣяемо; всё сотворенное отъ полипа до чело-вѣка. Царя земли, смыкается въ неразрывный кругъ. Обширность планеты, имъ населяемой, и многообразіе тѣлъ, ее составляющихъ, показали необходимость раздѣлить сіи послѣднія на извѣстное число разрядовъ и тогда-то Естественная Исторія въ первый разъ появилась подъ именемъ науки о трехъ царствахъ природы: минераль-

номъ, распинельномъ и живописномъ. Аристотель и Плиній: вошь главные представители юности Естественной Исторіи, хотя геній перваго былъ выше того вѣка, въ которомъ онъ жилъ; — собирая всё, что до него было извѣстно, и что самъ приобрѣлъ онъ собственными наблюденіями и размышленіемъ, сей великій мудрецъ древности сохранилъ и передалъ потомству понятія тогдашняго времени о предметахъ вещественной природы. Впрочемъ его сочиненія дошли до насъ не воцѣль, и потому не можемъ, въ надлежащей мѣрѣ, оцѣнить его познаній, ни въ количествѣ, ни въ качествѣ.

Наклонность къ чудесному, свойственная пылкому возрасту юности, обнаружилась въ сей періодъ развитія Естественной Исторіи. Цвѣтущее воображеніе челоука приписывало твореніямъ многія свойства, копорыхъ онъ не имѣюшь, и порождено существа новыя, копорыхъ въ природѣ не находится, облакая какъ тѣ, такъ и другія, въ пріятную или чудовищную форму; — по сему-то въ писаніяхъ древнихъ Натуралистовъ находимъ сполько невѣроятностей и басень, копорыя уничтожились съ появленіемъ наблюденій, болѣе точныхъ и вѣрныхъ.

Невозможно опредѣлить съ точностію, куда преимущественно клонилось изученіе трехъ царствъ природы въ сіе время: ко врачеванію ли болѣзней, къ удовольствованію ли потребностей житейскихъ, или къ другой какой-нибудь цѣли; но то неоспоримо, что стремленіе чловѣка познавать это врожденное, Божественное чувство, съ болѣею или мѣншею силою проявлялось и проявляется во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, поспавляя главную цѣль свою въ приобрьшеніи истины, и чуждаясь всякой поспороней. —

И такъ Естественная Исторія, не составившая науки въ первой періодъ своего развитія, наконецъ опредѣляется опъ прочихъ знаній и выходитъ изъ области оныхъ подъ видомъ науки о трехъ царствахъ природы. Но разсматривая существа, входящія въ составъ оныхъ, на что именно должно усстремлять вниманіе? на изслѣдованіе ли ихъ наружнаго и внутренняго вида, или на объясненіе явленій ихъ жизни? Вопшь что требовалось опредѣлить съ точностію. Сверхъ того свѣдѣнія естественныя, находимыя въ сочиненіяхъ древнихъ писателей и вновь приобрьтаемыя, были перемѣшаны, разсѣяны: надлежало собрать ихъ во едино, подвести подъ общія правила, и всѣ роды

извѣстныхъ уже существъ предсхавить въ одномъ цѣломъ — въ системѣ. Предпріятіе шрудное, но безсмертный Линней имѣлъ и силы, и шерпѣніе.

Сей великій мужъ, появившійся на закатѣ юношества Естественной Исторіи, имя котораго останется незабвеннымъ въ мѣнописяхъ сей науки, началъ съ изслѣдованія признаковъ трехъ царствъ природы, и кончилъ раздѣленіемъ сихъ послѣднихъ на классы, порядки, семейства и проч. Его система, столь давняя, принятая всѣми послѣдователями съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами, еще и теперь въ большемъ употребленіи.

Направленіе, данное Линнеемъ Естественной Исторіи, возбудило многихъ соревнователей, и вскорѣ появились сочиненія о разныхъ предметахъ сей науки: въ однихъ описывалось наружное строеніе существъ, изображались ихъ свойства, образъ жизни, мѣстопребываніе и проч., въ другихъ были представляемы Анатомическія изслѣдованія внутреннихъ частей ихъ тѣла. Главное вниманіе обратилось на раздѣленіе трехъ царствъ природы; но частыя открытія новыхъ минераловъ, растеній и животныхъ, заставляли систематиковъ производить въ принятыхъ раздѣленіяхъ многія перемѣны и поправки,

опъ чего сиспема, это зданіе, должен- спвующее бытъ красивымъ и проч- нымъ, искажалось.

Нащлись однакожь нѣкоторыя, ук- лонившіяся опъ общаго спремленія умовъ. Къ числу таковыхъ принадлежалъ кра- снорѣчивый Бюффонъ, сочиненія копо- раго показывають обширный умъ и пламенную фантазію. „Для чего, гово- ритъ сей писатель, насильно давашь сущесствамъ видъ поспешности, ког- да въ самой природѣ онѣ перемѣнаны и разсѣяны? — Я вижу кипа- исполина морей, и подлѣ него едва замѣтнаго полипа, тамъ наравнѣ съ орломъ, па- рящимъ къ солнцу; вьшся и ласпочка, а здѣсь, подѣ шѣнію огромнаго дуба, благоухаетъ скромная фіялка; одиѣ и шѣ же сущесства обитають и въ знойныхъ спранахъ Африки и въ суровомъ хладѣ Сѣвера. Гдѣ же искомая поспешность? Гдѣ то сближеніе породъ, копораго всѣ домогаются? Наблюденіе мѣлочныхъ при- знаковъ, сравненіе оныхъ и размѣщеніе въ особенные разряды, оковывають поры- вы моего ума и холоднѣ воображеніе. Красоты природы поразили меня: я хочу и долженъ наблюдать разнообразіе твореній, замѣчать ихъ чудныя свой- ства и вникать въ ихъ образъ жизни; — болѣе ничего мнѣ не надобно.“ — Вотъ мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ 18-го

спользія. Нужно ли упоминашь, что оно, не смотря на заманчивость, не произвело большаго впечатлѣнія? Нужно ли доказывать проптивное? . . Умъ человѣческой, всегда и во всемъ стремясь къ единству, спараешся привести къ оному все многообразіе видимаго: сія истина утверждена вѣками.

Естественная Исторія въ юношескомъ своемъ возрастѣ предспавляла ничто иное, какъ науку о свойствахъ швореній; сей же періодъ ея развитія знаменуется, напрошивъ, спремленіемъ къ приведенію оныхъ въ систему такъ, что бы всякой занимающійся оною, при разспатриваніи какого либо неизвѣснаго животноаго или растенія, могъ съ точностію опредѣлишь: къ какому классу, порядку, семейству и роду принадлежитъ оно; и какъ именуется?

Для достиженія сей цѣли, натуралисты поступали и поступающъ такимъ образомъ: разспатривающъ признаки всѣхъ извѣстныхъ породъ, замѣчаютъ сходство или различіе сихъ признаковъ, и въ слѣдствіе оныхъ распредѣляющъ виды швореній по родамъ, семействамъ, порядкамъ и такъ далѣе. Можно было предвидѣть, что системъ появится множество; ибо каждый Систематикъ почель себя въ правѣ принимать за основаніе раздѣленія такой

признакъ, какой ему заблагоразсудится, Сверхъ того, новѣйшіе испытатели естества, открывая новыя породы существъ, старались измѣнить или пополнить системы предшественниковъ, а иногда оставляли оныя для того единственно, чтобы совершить что нибудь свое, новое; установленные порядки, семейства и роды раздробляли на мѣлкіе разряды, и выдумывали для нихъ новыя имена, отъ чего одинъ и тотъ же видъ получилъ различныя названія, и оставались огромныя классификаціи, которыя не облегчаютъ, а затрудняютъ изученіе наукъ естественныхъ.

И такъ способъ разсмащиванія трехъ царствъ природы, отъ Линнея до нашихъ временъ, должно назвать *Аналитическимъ*, за основаніе котораго принимается *наблюденіе*. Въ Физиологіи растений и животныхъ поступаютъ такимъ же образомъ: явленія ихъ жизни наблюдаютъ отдѣльно и объясненія оныхъ стараются привести подъ общія правила, однимъ словомъ: составляютъ теорію; но поелику сіи явленія разсмащиваются съ разныхъ точекъ зрѣнія, то и составляются теоріи различныя, другъ другу противоположныя и ни на какомъ основаніи не утвержденныя.

Всѣ сїи недоспашки ускользнули
опъ взоровъ испытателей природы ;
они почитали настоящій ходъ Есте-
ственной Исторіи — неизмѣняемымъ ,
и ушверждали, что успѣхи оной возве-
дены до нес plus ultra. Но любитель истины съ огорченіемъ взиралъ на заблужденія людей, умомъ младенчествующихъ ; онъ позналъ ничтожность ихъ занятій, копорыя не доставляютъ никакой пищи уму, и не возносятъ духа нашего къ источнику истины ; онъ увидѣлъ необходимость направитъ стремленіе упомянутой науки къ цѣли болѣе возвышенной, и полное развитіе оной озаритъ свѣтомъ немерцаемымъ : сей желанный свѣтъ возсіялъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія. —]

Если въ трехъ царствѣхъ природы, не смотря на безчисленность и разнообразіе существъ, ихъ составляющихъ, повсюду встрѣчаемъ единство и постепенность, и если явленіе ихъ жизни представляемъ взору наблюдателя согласіе и неизмѣняемость, то какимъ образомъ въ системахъ натуралистовъ появились безпорядокъ и смѣшеніе, а въ теоріяхъ физиологическихъ — противорѣчіе? . . . Сей вопросъ бросается, такъ скажешь, въ глаза всякому мыслящему: какъ же рѣшилъ его?

Припомнимъ, что основаніе каждой науки должно полагать въ спрогомъ разборъ сущности ея предмета, цѣли изслѣдованій, и способа, которымъ сіи послѣднія производятся; большее или меньшее совершенство сего разбора предполагаетъ большее или меньшее совершенство и науки. Мнѣнія испытателей природы объ основаніи Естественной Исторіи принимающія теперь за аксіомы, за вопросы давно уже рѣшенные, но мы возьмемъ смѣлость доказывать проливное: положимъ, что предметъ сей науки не разсмотрѣнъ еще съ надлежащею точностію, что цѣль ея до сихъ поръ неизвѣстна, и способъ вести изслѣдованія не открытъ, и посмотримъ, каковъ будетъ результатъ нашего предположенія? —

Опредѣливъ предметъ Естественной Исторіи значитъ показать его мѣсто въ природѣ. Но поелику часть не возможно постигнуть безъ цѣлаго, то и рѣшеніе сего вопроса неразвѣльно съ общимъ взглядомъ на все, что доступно умственному созерцанію или чувствуемъ. Богъ, природа и человекъ: вотъ къ познанію чего непрерывно стремился и стремишься духъ въ насъ обитающій, а слѣдовательно и науки, какъ вѣрные списки познаваемого, должны быть просякаго рода. Обращая

вниманіе на планету нашу, какъ часть вселенной, мы находимъ, что планета, ее составляющія, двойки: одніе представляють въ единствѣ многообразіе, другіе не представляютъ онаго. Къ первымъ относятся: минералы, растенія и животныя; ко вторымъ: воздухъ, вода, огонь и проч. Теперь ясно видимъ, что Естественная Исторія есть наука о *границахъ планеты нашей, въ которыхъ замѣчается многообразіе*; теперь всякой можетъ разсмотрѣть ея связь и отношенія къ прочимъ наукамъ; занимая мѣсто въ общемъ ряду человѣческихъ знаній, она уже не сливается съ оными, но замыкается въ своихъ предѣлахъ.

По разсмотрѣніи предмета какой-либо науки, естественно представляется вопросъ: въ чемъ же состоитъ главная цѣль ея изслѣдованій? подвергая предметъ свой всестороннему обзору, на что именно она должна обращать свои усилія? Читая и перечитывая сочиненія различныхъ Авторовъ о Естественной Исторіи, болѣе всего удивляемся маловажности цѣли, для которой онѣ назначаются. Неужели одно изчисленіе признаковъ растеній или животныхъ можетъ удовлетворить стремленію челоука къ пріобрѣтенію знаній, ограничить это врожден-

ное чувство, которое подобно яркому пламени горитъ во глубинѣ души его? Я выучилъ всѣ названія минераловъ, растений и животныхъ; знаю, гдѣ живутъ онѣ и чѣмъ питаются; знаю, чѣмъ различаются онѣ другъ отъ друга и въ чемъ сходствуютъ; весьма легко и скоро могу найти, къ какому классу, порядку, семейству и роду принадлежитъ неизвѣстная, мнѣ встрѣтившаяся порода; онѣ любопытства моего не укрылись и чудныя свойства ихъ; но что же изъ сего выходитъ? что наконецъ узналъ я? — что одно и то же растение или животное названо однимъ испытателемъ природы такъ, а другимъ иначе; что наружный видъ онаго такой-то, а внутренний такой-то; что оно принадлежало прежде къ такому-то классу, а теперь отнесено къ такому-то — и больше ничего. Неужели симъ ограничивается кругъ изслѣдованій? Неужели къ этому должны стремиться всѣ усилія моего ума? — нѣтъ! онѣ стремятся къ цѣли возвышенной. Но къ какой именно? —

Оптешашъ совершенно пользу эмпирическихъ свѣдѣній столь же безразсудно, какъ и признавашъ ихъ главными, единственными. Зданіе спроеится по плану начертанному Архитекторомъ; но для выполненія сего плана, для по-

спроенія, такъ сказать, мыслей родившихся въ головѣ изобрѣшателя, необходимы особенные работники. Жаль только, что въ сихъ Эмпирическихъ сѣдѣніяхъ полагають начало и конецъ науки. Предметъ естественной Истории, какъ замѣтили мы выше, составляютъ шѣла планеты нашей, которыя представляютъ въ единствѣ много-различіе. Если обратимъ на нихъ еще большее вниманіе, то увидимъ, что онѣ могутъ бытъ разсматриваемы двоякимъ образомъ: въ состояніи покоя или бытія и въ состояніи движенія или дѣйствія. Въ первомъ случаѣ онѣ кажутся мертвыми, не дѣйствующими; во второмъ находимъ ихъ живыми, дѣятельными, которыя всегда измѣняются и всегда пребываютъ одинаковыми.

Что предлежитъ наблюдателю при изслѣдованіи прехъ царствъ природы въ состояніи покоя или бытія? Безъ сомнѣнія, онъ долженъ найти такую точку зрѣнія, изъ которой бы главныя ихъ сходства и различія можно было обозрѣть однимъ взглядомъ, или другими словами: долженъ составить систему. Для сего необходимо преслѣдовать постепенное развитіе шѣлъ неорудныхъ и органическихъ, выводя сіе развитіе изъ начала высшаго, всеобъемлющаго. Въ такомъ только случаѣ,

система будетъ вѣрнымъ спискомъ порядка, и единства существъ составляющихъ предметъ Естественной Истории; ибо начала, на коихъ она утверждается, постоянны и неизбѣмы.

Разсматривая минералы, растенія и животныя въ состоянн дѣйствія, испытатель природы, все многообразіе явленій ихъ жизни, ему представляющееся, сводитъ на идеи, и изъ сихъ отдѣльныхъ идей *составляетъ общую физиологическую Теорію*, которая легко и вѣрно должна примѣняться къ объясненію упомянутыхъ жизненныхъ явленій. — Съ водвореніемъ истиннаго познанія предмета и цѣли Естественной Истории разсѣялся мракъ заблужденій, досель ее покрывавшій; все казавшееся прежде непонятнымъ, разгадалось; и наука, получивъ должное направленіе, быстрыми шагами пошла къ совершенству. — Увидѣвъ недоспашокъ эмпирическихъ свѣдѣній, мы уже не обращаемъ главнаго вниманія на простое описаніе шѣль — это легкое дѣло взгляда, но стараемся *постигнуть смыслъ*, какъ говоритъ одинъ любитель истинны, *сихъ пламенныхъ буквъ, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ и величїи Творца.*

Теперь остается разсмотрѣть способы, которые можно употреблять

при изслѣдованіи прехъ царствъ природы. Безъ сомнѣнія лучшей изъ нихъ пошъ, копорый служилъ къ върнѣйшему и скорѣйшему достиженію искомой цѣли. Способъ эмпирической или Аналитической, состоящій въ наблюденіи, получилъ, какъ извѣстно, право первенства; но съ принятіемъ онаго, откровенна ли намъ внутренняя, идеальная сторона твореній? увидимъ ли, на какой степени развитія находится каждое изъ нихъ, въ безпредѣльномъ царствѣ природы? извѣстны ли намъ будущъ значеніе и необходимость его въ общемъ составѣ вселенныя? постигнемъ ли то, что проявляется онымъ, и что не подлежитъ ни наблюденіямъ, ни опытамъ? — Конечно нѣтъ. Сіи послѣдніе касаются только наружной, чувственной формы шѣлъ, а не восходятъ къ началамъ, копорыя служилъ основаніемъ всякаго знанія. — Если употребимъ другой способъ, копорый въ противоположность первому называется умозрительнымъ или Синтетическимъ, и превосходство копората очевидно, то не имѣя повѣрки нашимъ выводамъ, будемъ блуждать въ неисходимомъ лабиринтѣ оныхъ и сомнѣваться въ ихъ точности: сію повѣрку доставляютъ намъ свѣдѣнія эмпирическія. Слѣдовательно ни пошъ, ни другой способъ,

взятый отдѣльно, не можешь удовлетворить вполне требованіямъ ума; соединеніе только ихъ обоихъ (Идентизмъ) доставитъ намъ истинное познаніе предмета.

Таковы результаты новѣйшихъ изысканій, глубокихъ и сладостныхъ: въ нихъ свѣтлѣютъ успѣхи мыслящей способности, которые должны радовать каждого любителя истины. Еще и теперь находящаяся она въ борьбѣ съ закоренѣлостію древнихъ и сильныхъ предрассудковъ, но справедливость разсѣветъ сія порожденія невѣжества; — и святая истина возникнетъ на развалинахъ ложныхъ мифовъ. . . . Естественная Исторія уже получила твердое основаніе; предметъ и цѣль ея и способъ къ достиженію сей цѣли достаточно разсмотрѣны: остается теперь развитъ сія начала еще съ бѣльшею строгостію и точностію; многоразличныя изслѣдованія производить съ Математическою послѣдовательностію; всѣ результаты сей науки представить въ цѣломъ, систематическомъ видѣ и возложить на нее печать совершенства. Еще нѣтъ совершившаго, но мы ждемъ его съ радостію: да грядетъ скорѣе, пріять на главу свою вѣнецъ благодарности! —

К Р И Т И К А.

Писатели между собой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Вас. Головина. 180 стр. въ 8 д.

Сія Комедія носитъ на себѣ всѣ призна-ки *классической*. Она написана въ пяти дѣйствіяхъ, шестиспоными ямбами; въ ней соблюдено единство времени и мѣста; лицъ не много; приспосованность вкуса не оскорбляется никакой неподобной выходкой; есть характеры и интрига, есть завязка и развязка; кажется Авторъ всѣмъ снабдилъ свою Комедію, чтобы дать ей право на мѣсто въ спискѣ любимыхъ Талии. Но опъ чего впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ оной, такъ неполно, такъ слабо? Опъ чего душа, въ продолженіи чтенія, не увлекается никакимъ интересомъ, и при концѣ не приобрѣвши ни одной новой мысли, ни одного чувства, упоминна, съ радостію покидаетъ эту пѣсу, какъ всякое обыкновенное явленіе жизни свѣтской? — Это заставляетъ думать, что помянутыя достоинства комедіи суть достоинства *отрицательныя*, что Комикъ, желающій дѣйствовать на чело-вѣка, не успѣлъ еще, если только избѣ-жалъ погрѣшностей и не далъ своей коме-діи *качествъ положительныхъ*, кошо-

рыя заключаюцца въ живомъ, полномъ и ясномъ изображеніи жизни со споронны ея смѣшныхъ противорѣчій, и въ игривой, легкой формѣ представленія. —

Вѣроятно не всѣмъ читателямъ нашимъ извѣстно содержаніе сей комедіи, и потому, дабы оправданъ наши мысли, поспашаемся какъ можно короче разсказать слишкомъ запутанное и скучное дѣйствіе оной. — Пюнина, богатая женщина, помѣшанная на Мелроманіи, прѣѣхала въ Москву къ своей племянницѣ, молодой вдовѣ, Княгинѣ Тирской, которая, также и по мелроманіи будучи сродни пелушкѣ, завела у себя въ домъ липперашурное общество. Цѣль прібытія Пюниной въ Москву — вступишь въ члены и выданъ племянницу по выбору своего вкуса за того изъ двухъ позшовъ - жениховъ Княгини, кто отличился въ состязаніи своими стихами. — Княгиня предославляетъ себя на волю пелушки изъ видовъ на ея наследство. Не смотря на то, она предпочишаетъ Пламенова Тонскому, уважал его талантъ и истинную любовь къ ней. Тонской своею лестію успѣваетъ во мнѣніи пелушки; Пламеновъ въ двухъ несчастныхъ встрѣчахъ съ нею лишается ея милости. Къ тому же членъ общества, Журналистъ Лезвинскій, зависникъ его таланта и врагъ по отношеніямъ.

Липперашурнымъ, вредить ему во мнѣнїи Пїониной, но между тѣмъ обманываетъ Пламенова и примирившись съ нимъ наружно, выдаетъ ему себя за услужливаго друга. Самъ же, выпребовавъ оду Пламенова, имъ еще не напечатанную и написанную для полученія желаннаго приза, пишетъ на него злую крипику — и открываетъ одному изъ членовъ Трупневу, который пользуется особенною благосклонностію Пїониной за похвалы ея стихамъ, намѣреніе — помѣстить въ своемъ журналѣ помянутую спашью, выдавая ея за чужую. Но увидѣвъ, что Трупневъ на сторону Пламенова и хочетъ открыть его замыслы, онъ обращаетъ дѣло въ шутку и даетъ честное слово броситъ крипику. Параша служанка Княгини убѣждаетъ Трупнева, что онъ плѣнилъ Пїонину, и онъ надѣется получить ея руку, что и обѣщаетъ ему Параша, если онъ будетъ помогать Пламенову. Она, чтобъ помирить Пїонину съ Пламеновымъ, которому даже опказано отъ дома за невинно произнесенную хулу на стихи ея, заставляетъ Трупнева написать стихи въ честь Пїониной и выдать ихъ отъ имени Пламенова. Это средство удастся — и Пїонина снова примиряется съ поэтомъ, безъ вѣдома коего все это сдѣлалось. На союзаніи ему

опдаешся преимуществу передъ Тонскимъ. Трушневъ вмѣстѣ въ Пюнинѣй обнаруживаетъ козни Лезвинскаго, а потомъ и самъ несчастный послѣ многихъ хлопотъ получаетъ опказъ. Въ заключеніе Пламеновъ и Княгиня радуются помолвкѣ, Пюнина — племяннику Поэшу, Параша — оппускной, изъ жопорой она и шрудилась, а чипапелъ и зрипелъ радуются окончанію піэсы.

Хопи по названію Комедія видно, что Авпоръ хопѣлъ изобразить писапелей не въ обществѣ, а *между собой*; однако женскія лица, выведенныя имъ на сцену, неопшѣлемо принадлежатъ обществу и потому невольнo рождается вопросъ: въ шѣхъ ли опношеніяхъ находится у насъ Писапелъ къ обществу, въ какихъ онъ представленъ Комикомъ? — Правда, что у насъ смопраютъ на писапелей, какъ на существа како-го-то другаго идеальнаго міра, владѣющія даромъ особеннымъ, непоняпнымъ для людей обыкновенныхъ, — что къ нимъ показываютъ наружное уваженіе, — но чшобы имѣть какія-нибудь права въ обществѣ, Писапелъ долженъ вмѣщать въ себя достоинства любезнаго и общественаго чеповѣка, болѣе по мнѣнію свѣтанаеобходимыя, и болѣе вѣрныя. Если онъ не имѣетъ ихъ, шо на свой достоинства, внушрениа и слайшкомъ идеаль-

ныя для міра чувственнаго, онъ не вымѣняетъ никакихъ правъ существенныхъ. Это уваженіе, которое ему предлагають также идеально, какъ и его собственныя достоинства. Оно и естественно: какъ, выходя изъ одного міра въ міръ новый и противоположный, объявлять въ немъ свои права на гражданство? — купишь ли товару во Франціи на монету Русскую? — Хотя новѣйшіе философы и утверждаютъ совершенное сходство между міромъ мысли и вещества, но нашъ свѣтъ убѣжденъ до сихъ поръ въ противоположномъ, и еслибъ писателю у насъ захотѣлъ объявить права свои въ свѣтъ, то въ этомъ отношеніи онъ бы былъ прекраснымъ комическимъ сюжетомъ. — Обратимся же къ Комедіи: въ ней даны писателю права сверхъестественныя; Пюнина рѣшительно объявляетъ, что она выберетъ женихомъ своей племянницѣ того, кто напишетъ лучшіе стихи. Такіе примѣры у насъ неслыханны. — Конечно Комику воля создавать происшествія, но онъ не долженъ нарушать законовъ того міра, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ имъ созданныя лица. — Правда, Авторъ не столько хотѣлъ изобразить писателей въ обществѣ, сколько ихъ взаимныя отношенія, основанныя на

выгодахъ личныхъ ; это достойно бича насмѣшливой Таліи , но и здѣсь мы видимъ большой недостатокъ. Во первыхъ, у писателей нашихъ литературныя отношенія никогда не мѣшаются со свѣтскими ; во вторыхъ, чершты, схваченныя Авторомъ , слишкомъ обыкновенны и блѣдны , тогда какъ эшотъ предметъ пребуешъ кисши рѣзкой и красокъ яркихъ.

Перейдемъ опъ предмета къ характеристамъ и инпригъ. При встрѣчѣ съ дѣйствующими лицами эшой Комедіи мы удивились , нашедши въ нихъ съ перваго взгляда что-то знакомое. Потомъ, основываясь на явномъ сходствѣ характеровъ и привычекъ, мы открыли ихъ генеалогію. Въ Пюниной нашли мы либо сестрицу, либо дочь Княгини Радутиной, столь прославленной въ Вечеринкѣ Ученыхъ ; мы думали , что примѣръ Радутиной подѣйствуетъ на многихъ , но появленіе Пюниной ешть лучшее доказательство тому, какъ плохо успѣвають наши Комики ! Лезвинскій вѣрно по прямой линіи идетъ отъ извѣстнаго журналиста Шмелева ; Гонской — ближній родственникъ Князю Вечеслаину , а Пламеновъ вѣрно воспитывался подъ надзоромъ Болеславскаго. Одинъ только Трушневъ ешть какое-то новое чудовище въ мірѣ литературномъ : это смѣсь глупости ;

педантизма, невѣжества, смѣшнаго тщеславія, лице слишкомъ отвратительное и недоспойное сцены. — Впрочемъ, если бы мы захошли далѣ вести сію генеалогію къ самому началу ея; то вѣрно весьма бы легко открыли, что Радугина съ своею компанією происходитъ по прямой линіи отъ дѣйствующихъ лицъ въ Молиеровой Комедіи: *les Femmes savantes*. *Philaminte* есть родоначальница Радугинныхъ и Піонинныхъ; отъ Триссотина и Вадіуса происходятъ Шмелевы, Лезвинскіе, Тонскіе и проч. Спранно, очень спранно, какимъ образомъ этотъ родъ переѣхалъ къ намъ въ Россію и такъ въ ней размножился; но вошь что еще спраннѣе! Въ этой фамиліи, по какой-то чудесной волѣ случая, являются все одинакія происшествія, какъ будто судьба назначила одну и ту же роль всѣмъ лицамъ, происходящимъ отъ этого рода! Должно опасаться, чтобъ эта генеалогическая комедія не продолжилась *ad infinitum* (*).

Но здѣсь невольно воскликнешь съ людьми, опживающими въкъ свой: „какъ мѣняются поколѣнія человѣче-

(*) Но видно въ мѣръ часто повторяются происшествія: надо же было опять двумъ литераторамъ сойтись въ конфекціонной лавкѣ передъ представленіемъ *лжсателѣй*, какъ то случилось передъ представленіемъ еще негривнаго Христофора Колумба. См. Драм. Альбомъ, изд. Г. Писаревыхъ.

скія! какъ постепенно ослабѣваетъ племя людей! Больше людей спановишся, но люди-то мѣльче.“ — Это совершенно подтверждается лицами этой Комедіи. Какъ они переродились! гдѣ въ нихъ свѣжестъ, гдѣ сила живыхъ, говорящихъ портретовъ Молиеровыхъ? Это одни плохіе, недокончанные списки; колоритъ ихъ блѣденъ; жизнь и разговоръ вялы и несносны; на нихъ смотришь безъ участія, даже безъ смѣха, какъ на каррикатуры неудачныя, какъ на жалкую посредственность людей обыкновенныхъ. — Въ Пламеновѣ хотѣлось бы видѣть шаланшъ испинный, полный энергіи — и вмѣстѣ человека съ умомъ тонкимъ, но не легкимъ, не поверхностнымъ. Намѣреніе представить его образцемъ молодыхъ писателей очень видно, но исполненіе неудачно. Положимъ, что неодолима власшъ любви влечешъ его къ Княгинѣ Тирской, которая совсѣмъ недостойна его чувствъ, которая, будучи вдовою и слѣдовательно имѣя волю располагать собой, изъ какихъ-то впрочемъ не совсѣмъ ясныхъ видовъ на наследство, отдаетъся на произволь своей несносной дуры лешушки и для избранія жениха вызываетъ ее изъ деревни, а сама между тѣмъ любитъ Пламенова и предпочитаетъ его Тонскому? Пускай бы хоть

оправдалъ Пламеновъ свои намѣренія какимъ нибудь поэпическимъ упрекомъ къ предмету своей спраски, но и по-то нѣшь; онъ восхищается и почитаетъ любовь ея наградою за Поэзію. Но еще страннѣе: для чего Пламеновъ читаетъ свою оду Лезвинскому, который вѣроятно ему извѣстенъ по криводушію въ мірѣ лиишерапурномъ? Какимъ образомъ онъ предается и вѣрилъ этому человеку? Какимъ образомъ такъ скоро вручаетъ ему оду свою? Какъ пронырливый Лезвинскій не догадался прежде узнать мыслей Трушнева о Пламеновѣ и прямо открылъ ему свое злое намѣреніе напечатать криптику на рукописное сочиненіе? Какъ Піонина вдалась такъ легко въ обманъ и скоро увѣрилась, что Пламеновъ въ шулку разругалъ стихи ея? Какъ Пламеновъ не спрашиваетъ даже о средствахъ, которыми онъ примиренъ съ несносной пепушкой — и въ своемъ удивленіи болѣе выражаетъ свои восторги любимые? — Но впрочемъ можно бы было еще сполькоже вопросовъ задать Комику; мы былибъ удовлетворены, еслибъ нашли въ Комедіи разрѣшеніе предсавленныхъ. Конечно, они всѣ разрѣшаются недосапаткомъ хипрости или ума въ дѣйствующихъ лицахъ; но это и есть важный недосаптокъ нашихъ вя-

лыхъ Комедій; онъ явно показывается на недостатокъ искусства въ Комикахъ. Чѣмъ хитрѣе дѣйствующія лица, тѣмъ происшествія занимательнѣе, тѣмъ жизнь игривѣе и разнообразнѣе. Намъ и такъ надоѣла посредственность нехитрыхъ лицъ, мелькающихъ ежедневно передъ нами на сценѣ свѣта; если мы будемъ видѣть ихъ повтореніе на сценѣ Театра, то они покажутся вдвое скучнѣе. Взгляните на интриги Мольера, а еще болѣе на интриги въ комедіяхъ Испанскихъ! какъ занимательна эта игра жизни! какъ жива она, какъ выразительна фізіогномія каждаго лица дѣйствующаго! А въ лицахъ разбираемой нами Комедіи сверхъ недостатка хитрости, сколько противорѣчій! Правда, дѣло Комедіи — изображать противорѣчія жизни; но если она сама ими исполнена, то въ свою очередь также можетъ быть сюжетомъ комическимъ.

Перейдемъ наконецъ къ послѣднему, но важному и у насъ часто первому достоинству Комедіи — къ слогу. — Шестиногіе ямбы не преслазуютъ хромать по нашей сценѣ; очень удивительно, почему до сихъ поръ Комики не убѣдились еще въ недостаткѣ этого разбора. Если Комедія представляетъ самую разнообразную и игривую сторону жизни, то ясно, что и

въ формѣ своей она должна искашь разнообразія и игривости. Сколько разныхъ ощущений въ жизни! Ужели всё онѣ выражающія однимъ тономъ? Сколько разныхъ характеровъ! ужели всё лица должны говорить одною мѣрою? Мѣра опредѣляетъ тонъ языка, а языкъ каждаго лица долженъ бытъ различный. Авторъ Аристофана постигъ сію тайну комическаго искусства и отказался отъ однообразнаго размѣра.

Недоспашки въ дѣйствіи и слогъ этой Комедіи служатъ яснымъ доказательствомъ, что это первый опытъ Автора. Многія неумѣстныя обращенія въ спорону показываютъ, что онѣ не умѣеть еще управлять дѣйствующими лицами на сценѣ, что онѣ не мастеръ своего дѣла и не хозяинъ лицъ своихъ. Неровный; вялый и негладкій слогъ разговора, ошибки противъ языка, вставки для дополненія стиха, цѣлыя вставочныя стихи для рѣзмы — обнаруживаютъ недоспашокъ въ искусствѣ владѣть языкомъ своимъ.

Вотъ тому примѣры:

Слр.

12. У барыни рѣкой съ служанкой полкъ польется!

16. Но грубы здѣсь тобой разсѣявеныя сѣчи. . . .

Извѣстны мнѣ давно, повѣрь, уловки эти. . .

Тамъ же . . . не стало силъ шерпѣть

Такое скрытное со мною обхождение.

Стр.

24. И злости кришку истаъ имѣть немного.
- 26 Въ немъ право что-то есть отличное такое,
Что съ перваго его полюбилъ взгляда всякъ.
53. *Лезвинскій* (въ сторону)
Умокли, истуканъ!
- 72 То можешь дулая, что въ вдовушкѣ счастливъ...
Ему, сударыня, досадно показалось,
Когда не кшатя такъ вдругъ петушка вмѣшалась.
99. Въ числѣ останется у насъ
Тѣхъ пьесъ, которыя мнѣ служатъ для обершки
Журналовъ *луцетныхъ* по почтѣ.

Дѣйствующія лица не знаютъ часто приличія въ разговорѣ. Тонской, на примѣръ говоритъ Княгиня: *княгиня милая!* — Пюнина сбивается часто съ высокопарнаго слога на площадной и въ 6-мъ явленіи 4 го дѣйствія высылаетъ Гр. Липператоровъ слѣдующими словами: *прошу покорно вонъ*, а потомъ извиняется въ неучтивости.

Высчитываютъ частныя погрѣшности — занялобы много мѣста. Что же касается до хорошихъ стиховъ, то ссылаемся на Дамской Журналь, въ которомъ они выставлены: другихъ мы не нашли къ сожалѣнію.

Вотъ причины, почему упоминаешь чтеніе этой Комедіи, почему съ радостью ее оставляешь, какъ всякое обыкновенное явленіе жизни свѣтской. Въ заключеніе скажемъ, что Комедія наша

всегда останется бездушна и безцвѣтна, если Комики будутъ только списывать съ поршпировъ и то поверхностно, не раскрывая сами тайны той жизни, которую они переносятъ на сцену. Если наше однообразное общество, столь бедное явленіями и столь безцвѣтное, не представляетъ Комику богатыхъ матеріаловъ, то да обратится онъ къ общему источнику искусства, въ которомъ все художники черпали, — къ Исторіи. Если она есть сцена жизни человѣческой; то въ ней также много смѣшнаго, какъ и трагическаго. Жизнь челоука похожа на двуликаго Януса; съ одной стороны онъ горько стонетъ подъ ударами судьбы карающей, съ другой смѣшнѣт своими дурачествами. — Ужели неудачный опытъ Мольера можетъ убѣдить насъ въ томъ, что въ Исторіи нѣтъ комедіи? Ужели и въ наше время есть еще люди, имѣющіе вѣру къ Дамисамъ, изъ могилы 18 го столѣтія восклицаящимъ :

Ilс nous ont dérobé, dérobons nos neveux ;
Et, tarissant la source où puise un beau délice,
A tous nos successeurs ne laissons rien à dire.

Золотъ,

(*) Надѣемся, что вскорѣ одинъ изъ нашихъ Комиковъ продолжитъ сію новую дорогу въ искусствѣ, и представитъ публикѣ Историческую комедію. М. П.

Histoire des expéditions maritimes des Normands, et de leur établissement en France au dixième siècle par G. B. Depping, ouvrage couronné en 1822 par l'Académie Royale des Inscriptions et de belles lettres. T. I. LI u 264 стр. T. II 348 стр. вб 8 ю д. 1826.

Описание Норманскихъ Морскихъ походовъ и поселеній ихъ во Франціи вб X. вѣкѣ.

Королевская Академія Надписей предложила въ 1820 году означенную въ заглавіи задачу, на копорую сочинитель отвѣчалъ въ 1822 г. и получилъ опредѣленную награду. Но въ послѣдствіи онъ усовершенствовалъ свой трудъ и издалъ оный въ прошломъ году въ 2хъ частяхъ. Хотя сочинитель и живетъ въ Парижѣ, но родомъ онъ Нѣмецъ; это обстоятельство важно для означеннаго сочиненія потому, что при сихъ розысканіяхъ Авпору очень было полезно знаніе Нѣмецкаго и Скандинавскаго языковъ и Литшературы; припомъ же ясно усматриваемъ въ критическихъ его мнѣніяхъ доказательство Нѣмецкой образованности. Вѣрно нѣтъ въ Парижѣ другаго писателя, столько же знакомаго съ языками и Литшературою Сѣвера. Это оправдывается его

предисловіемъ, гдѣ онъ излагаетъ свои источники и пособія; мы видимъ, что онъ пользовался даже частными разсужденіями о семъ предметѣ, печатными и рукописными, не только на языкахъ Нѣмецкомъ, Данскомъ и Шведскомъ, но и на древнемъ Франкскомъ или Романскомъ. Къ рукописямъ въ особенности принадлежатъ *епископскія* Хроники Роберта Васе, Каенскаго Каноника въ XII столѣтіи, именуемой *Roman de Rou*, (опредѣленные отрывки коей были изданы Брендишедтомъ и Плюкэ), и обстоятельная Хроника современнаго Роберту писателя *Бенуа де Сентъ Моръ*, которая сохранилась только въ одной рукописи, находящейся въ Британскомъ Музеумъ. Брендишедтъ сообщил ему отрывки изъ оной и въ разбираемой нами книгѣ помѣщена почти вся та часть сей рукописи. Въ числѣ новыхъ печатныхъ извореній особенно замѣчательна между трудами Дальмана, Гегевича и др. *Библиотека Сагъ* Эразма Мюллера. Съ удовольствіемъ слышали мы, что недавно въ самой Нормандіи составилось общество для изслѣдованія опечесшвенныхъ древностей.

Первыя три главы сочиненія Делпинга заключаютъ въ себѣ общія розысканія о сословіи Сѣвера и народовъ, называемыхъ *Норманнами*. Судя

по великимъ переселеніямъ народовъ съ Сѣвера, нельзя не удивиться тамошнему народочислію. Народы, нападавшіе на Римскую Имперію не за добычей шлѣ, подобно Норманнамъ, но искали мѣстъ для жительства, къ чему понуждала ихъ суровость климата, ими обитяемаго, и недостатокъ въ вѣрныхъ способахъ пропитанія. Также причина побудила Норманновъ презрѣть опасности моря и жить рыбной ловлей. Отсель ихъ превосходство въ мореплаваніи, слѣдствіемъ коего были ихъ морскіе набѣги и грабежи.

Это ремесло оживлялось мыслью о славѣ; Норманны сдѣлались Бедуинами моря. Кромѣ того воинское ихъ мужество воспламенилось религіею Одина. По разсказамъ нѣкоторыхъ, еще особенный обычай способствовалъ такимъ подвигамъ. Говорятъ, что родители высылали изъ дома всѣхъ возмужавшихъ сыновей своихъ, кромѣ одного наследника. Не смотря на такія извѣстія въ Хроникахъ, мы не находимъ въ Сагахъ никакого подтвержденія онымъ. Однако нераздѣльность наследства въ пользу старшаго сына и понынѣ существуетъ въ Норвегіи. Политическое состояніе тогдашней Скандинавіи благопріятствовало также сему образу жизни. Всякій почти островъ, всякое поселеніе имѣло своего начальника, име-

нуемаго Королемъ. Сія начальники часто бывали въ войнѣ между собою. Такъ произошли споль славные въ Сагахъ Цари моря. Морскіе разбой кромѣ другихъ богатствъ, принадлежащихъ къ роскоши, доставляли рабовъ и прекрасныхъ женщинъ. По сему поводу лучшее юношество бывало на морѣ.

Изъ него-то образовались *воинскія дружины*, посвящавшія себя на службу различнымъ полководцамъ, подвигами коихъ наполнены Саги. Такъ отличалась дружина Берзеркеровъ, копорые предъ бившою нарочно возбуждали въ сердцахъ своихъ звѣрскую ярость. И герои не были явленіемъ необыкновеннымъ. Должно было также сражаться съ иноплеменными морскими разбойниками, къ коимъ въ особенности принадлежали Финны (*Quaenes*). Земли Балтійскаго моря издревле были цѣлюю Норманскихъ разбоевъ, а именно Амслурвей (т. е. страна между Вислою и землею Финновъ), *Віармія* (Пермь) и *Гріекаландъ*, оспальная Россія. Все это почерпнуто изъ Сагъ съ выборомъ кристическимъ. Въ четвертой главѣ начинается рассказъ объ отдѣльныхъ предпріятіяхъ Норманновъ изъ временъ историческихъ, т. е. въ царствованіе Мервинговъ и Каролинговъ. Здѣсь должно было, сообразно задачѣ, обратить особенное вниманіе на Францію. Посему въ

остальной части 1-го тома съ точнейшею повѣснвуется о вторженіяхъ Норманновъ въ Францію до самаго поселенія ихъ въ Нормандію, а особенно о ихъ набѣгахъ подъ предводительствомъ славнаго Гаспига и другихъ, въ царствованіе Карла Лысого.

Во второмъ томѣ Авторъ, изобразивъ набѣги ихъ въ правленіе Карла Толстаго и Одо, представляетъ вліяніе морскаго грабительства на самую Скандинавію; здѣсь мы видимъ, какъ изъ множества малыхъ предводителевъ возникали сильнѣйшіе, доколь бивша при Гарусфюрдѣ, въ 885 году, не сдѣлала Гаральда Гарфагера владыкою Норвегіи. Вотъ причина многихъ переселеній на острова Гебридскіе, въ особенности въ Исландію, гдѣ основалось столько замѣчательное опидѣльное государство. — Пономъ съ особеннымъ тщаніемъ разсказана исторія Ролла, его завоеваній и возворенія во Франціи, до договора съ Карломъ Простымъ. Очень вѣроятно, какъ замѣчаетъ сочинитель, что никогда не было о семъ какого либо письменнаго свидѣтельства. Договоры Норманновъ заключались тогда не иначе, какъ словесно. Поступокъ Карла оправдать не трудно: онъ сдѣлалъ то только, чего перемѣнить не могъ. Важнѣйшее по своимъ слѣдствіямъ проис-

нѣспівіе было принятіе Христіанства. Оно имѣть болѣе важно, что прежній грабитель сдѣлался ревностнымъ Христіаниномъ. Правда, Франція не могла однакожь быть безопасною вполне отъ сихъ разбойниковъ, ибо они поселились также при устьѣ Лоары. Дальнѣйшая исторія Норманскихъ Герцоговъ до покоренія Англій, равно и морскихъ походовъ ихъ въ Средиземное море и завоеваній въ странахъ ему прилежащихъ, представляена въ однихъ общихъ чертахъ. Но въ вознагражденіе за сію краткость присоединено въ послѣдней главѣ обзоръніе Исторіи просвѣщенія Норманновъ въ Нормандіи въ печеніи первыхъ 3хъ столѣтій ихъ пребыванія въ сей землѣ. Известно, что въ слѣдствіе своего крещенія они приняли образованіе и самый языкъ Франковъ скорѣе нежели ожидать было можно. Въ Нормандіи они не оставили памятниковъ, которые бы были древнѣе эпохи времени. Но по принятіи Христіанства, пробудилась въ нихъ любовь къ архитектурѣ, и едвали въ какой другой странѣ Европы найдемъ столько памятниковъ, замковъ и въ особенности церквей какъ въ Нормандіи. Духовенство не скоро получило мѣсто въ земскихъ собраніяхъ, но потомъ, когда появилось такое множество богатыхъ Аббатствъ и

монастырей, вліяніе его шѣмъ болѣе усилилось. Сіе вліяніе на языкъ и народную поэзію, въ особенності на эпическое стихотворство, раскрыто уже Нѣмецкими писателями, которые сочинителю книги не оспались неизвѣстны. Изъ 12 прибавленій мы въ особенності укажемъ на 3, 4, 8 и 9 ое, въ коихъ находятся отрывки изъ не напечатанныхъ досель Хроникъ и сказаній.

Tableau comparatif des hauteurs, des principales montagnes et des lieux remarquables du globe au dessus du niveau de la mer dédié à M. le Baron Alexandre de Humboldt, par Perrot, une feuille grand-aigle et une notice. Paris, 1829. Сравнительная таблица высотъ, главнѣйшихъ горъ и замѣчательныхъ мѣстъ, находящихся выше поверхности моря, соч. Перро.

Таблица сія, представляющая Физическую Географію земнаго шара въ отношеніи къ точкамъ его возвышенія, замѣчательна по своей классификаціи: въ оной означено болѣе 400 горныхъ высотъ volcanовъ, озеръ, городовъ спроектій находящихся въ пяти частяхъ свѣта, равно и потому, что здѣсь опредѣлена послѣдняя граница непрестанныхъ снѣговъ, также и безпрерывнаго прозябенія близъ экватора. Высоты Европы раздѣлены въ

сей таблицъ на главные хребты и от-
расли оныхъ. Кромъ градусовъ съ правой
и лъвой спорены, показывающихъ сколь
можно ближе высоту каждой почки
надъ поверхностию морской (*), внизу
можно найти почное измѣреніе высоту
по номерамъ, предсвоющимъ каждому на-
званію и соотвѣтствующимъ тѣмъ же
номерамъ, находящимся на самой таб-
лицѣ. — Есть нѣкоторыя недоспажки
неизбѣжныя, зависящія отъ выбора раз-
ныхъ результатовъ, найденныхъ по раз-
нымъ методамъ и различными наблюда-
телями. Но сіи недоспажки незначи-
тельны и это занимательное сочиненіе, луч-
шее изъ всѣхъ, изданныхъ по сей части
въ Берлинъ и Лондонъ, заслуживаетъ
вниманіе нашихъ читателей: Аоеней
Искусствъ удостоилъ Автора самой больш-
шой награды, а благосклонное одобреніе
того ученаго Европы, который съ са-
мымъ блестящимъ успѣхомъ занимался
физическою Географіею и доставилъ Г-ну
Перро множество богатыхъ и драгоцѣн-
ныхъ испочниковъ, а именно Гумбольд-
та, ручается за достоинство сего
труда.

(Изъ Journ. de Voyages)

(*) Сочинитель вынужденъ былъ уменьшить или уве-
личить сіи высоты въ рисунокъ, чтобы различіе
между нѣкоторыми почками сдѣлалъ болѣе ощути-
тельнымъ.

Еще нѣсколько словъ объ Исторіи Наполеона Бонапарте, сочиненной Валтеромъ Скоттомъ.

(Изъ J. d. d.).

Вотъ что между прочимъ Издашеть Журнала преній, сказавши прежде свое мнѣніе о Tableau de Révolution, сосна-вляющей первыя двѣ части Исторіи Бонапарте, говоритъ о сей послѣдней: „Раздѣленіе на главы въ Исторіи Бонапарте сдѣлано произвольно. Первая глава заключаетъ въ себѣ два совершенно различные предмета: школьныя занятія опличнаго ученика артиллеріи, и знанія, почерпнушыя въ гарнизонѣ, въ путешествіяхъ, въ лагерѣ шлемъ молодымъ человѣкомъ, который съ 26-ти лѣтняго возраста опередилъ въ познаніи военного искусства всѣхъ Тактиковъ Европейскихъ, въ дипломатикѣ — всѣхъ мужей Государственныхъ. Подробный рассказъ школьныхъ занятій учащагося мальчика былъ бы скорѣе ушомышелемъ, нежели поучительнъ.

„Напрощивъ, проникая въ сокровенныя способы приобрѣтенія познаній, въ способы того упрямаго, Генія, который десять лѣтъ цѣлыхъ таинился и растеть для участи высокой, но неизвѣстной, преслѣдуя его на каждомъ шагу, всякой мыслящій чи-

шатель найдешь поученіе единственное, необъятное и вмѣстѣ привлекательное; но къ несчастію сіи занятія, справедливо именуемая *сокровенными*, особенно были таковыми для Валтера.

Съ осады Тулона матеріалы его становящся богаты; видно, что онъ слишкомъ пользовался записками Бонапарте, которыя имѣлъ передъ глазами. Здѣсь-то ясно обличаются заблужденія парсій. Онъ менѣе извинительны, чѣмъ предубѣжденія народныя; но по моему мнѣнію знаніе оныхъ болѣе назидательно, болѣе необходимо. Вообще весьма любопытно и полезно получить вѣрное понятіе о томъ, какими взорами люди, властвовавшіе по эту сторону пролива, смотрѣли въ продолженіи 30 лѣтъ революціи на каждое явленіе, на каждое изъ главныхъ лицъ великой драмы — и знаешь, въ какомъ видѣ еще теперь представляется имъ каждое мнѣніе, каждая парсія, однимъ словомъ: Франція во время 30 лѣтъ революціи и Франція во дни наши. Въ семъ отношеніи не лѣзя ничѣмъ замѣнять книги Валтера Скопша; нѣтъ сочиненія по этому предмету, столь изобильнаго ясными фактами — и еслибъ даже чтеніе его заключало въ себѣ одну эту пользу, (чего однако я не думаю), то не только жаль времени упо-

пробленнаго на членіе онаго, но необходимо и въ послѣдствіи прибѣгашь къ нему. . . . .

Скажутъ, что Валтера Скопша, какъ Англичанина, не могли плѣнять побѣды Французскаго оружія? — на сіе не простираются требованія нашего снисходительнаго націонизма; ему удовлетворить не такъ трудно. Но при всемъ этомъ ужели души высокія перестали гордиться всемъ великимъ и прекраснымъ въ мірѣ? Ужели хопимъ мы удержатъ порывы удивленія въ границахъ личнаго приспраснія, съ нимъ несовмѣснаго? Но въ такомъ случаѣ мы спало бытъ принимали бы участіе въ однихъ успѣхахъ *нашей* стороны, *нашего* опечества? Неудачи не производятъ ли также на насъ сильныхъ ощущеній? А всякая побѣда Франціи не есть ли неудача для Англій? Но, коль хопите, согласимся и съ этимъ въ противность законамъ мысли и чувствованія: положимъ, что удивленіе должно повиноваться одному приспраснію личному, и что одно наше шоржество влечетъ за собою сильныя ощущенія, — но я шупъ еще болѣе удивляюсь постоянному равнодушію Испорика. Не Англичанамъ ли должно радоваться объ Арколь и спасеніи героя? — Не для нихъ ли рѣшишельно сей великій и пагубный

человѣкъ, усилевши проливъ неизбежнаго удара судьбы, возвысился и промѣнялъ свой первый прочный и блистательный жребій на гремушки честолюбія гибельнаго для его свободы, для Европы и для него самаго? —

Сколько разъ говорили истинные друзья Наполеоновой славы: Еслибъ ядро Кроута низвергло его при Арколѣ, многобы дѣлъ великихъ не совершилъ онъ въ грядущемъ, но егобъ оплакала торжествующая Франція! У нее были другіе полководцы, искусства коихъ доспапочно было для ея защиты; но онъ одинъ только своею силою могъ поработить ее: и еслибъ не сжалъ онъ чувства народнаго въ желѣзныхъ рукахъ своего деспотизма, то не пришелъ бы къ намъ никогда славный бароннеть подъ именемъ *Паела* — въ ненавистной каррикатурѣ издѣвашься надъ нашими бѣдствіями, и никогда бы благородный Перъ Шотландин не смотрѣлъ съ гордостію на поля Ватерлоо и не назвалъ бы ихъ могилою *Франціи*:

The grave of France, the deadly Waterloo:
Child Harold:

С М Ъ С Ъ.

Убіеніе Св. Вячеслава Князя Чешскаго.

Въ одной рукописи конца XV вѣка, хранящейся въ Библіотекѣ покойнаго Канцлера Графа Румянцова, и содержащей въ себѣ слова торжественныя и житія Святыхъ по порядку мѣсяцослова, найдено сіе повѣствованіе о мученической смерти Св. Вячеслава Чешскаго, любопытное по нѣкоторымъ подробностямъ, о коихъ не упоминають Богемскіе Историки. Сія самая статья по видимому внесена въ Прологъ (Сентября 28) сокращенно, и съ ошмѣнами. Помянутое сокращеніе встрѣчается уже въ рукописныхъ Прологахъ первой половины XV вѣка, на пр. въ Пергаменномъ спискѣ 1432 года, принадлежащемъ Имп. Публ. Библіотекѣ. Подробная же статья, здѣсь помѣщаемая, должна быть составлена гораздо прежде. Нѣкоторые признаки, на кои мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, заставляють думать, что она переведена съ Богемскаго. Подлинникъ могъ быть сочиненъ вскорѣ по убіеніи Вячеслава, еще прежде *Христановой* легенды, съ коею впрочемъ сія повѣсть вообще согласна. Настоящій списокъ XV вѣка искаженъ многими ошибками и пропусками, затемняющими смыслъ. Издатель позволилъ себѣ шолько исправить ошибки правописанія и замѣнить старинныя сокращенія и пишлы полнымъ прописаніемъ словъ. Текстъ остался неприкосновеннымъ. Желательно бы было отыскать гдѣ нибудь древнѣйшіе и исправнѣйшіе списки, по коимъ бы можно было возстановить сію Западно-словенскую Легенду въ первоначальномъ ея видѣ.

А. Востоковъ.

Мѣсца Селтеврѣа въ ѣи день убѣненіе святаго Вячеслава Князя Чесьска.

Се нынѣ сбысться пророческое слово, еже глаголаша Господь нашъ Иисусъ Хрісшось. Будешь бо, рече, въ послѣдняя дни, яко же мнимъ суща, въстанешь бо брань на брата своего и сынъ на опецъ свой, и врази домашніи челоувѣци бо себѣ не мии будуть; да воздаси имъ Богъ по дѣломъ ихъ.

Бѣ же Князь великъ славою, въ Чехахъ живый, именовъ Воропиславъ, и жена его Дорогомиръ. Родисша же сына первенца, и яко крестиса ѿ, нарекоша имя ему Вячеславъ. И возрасте опрокъ, яко бы уяши ему волосъ; и призва Воропиславъ Князь Епископа епера съ вѣмъ клиросомъ, и пѣвшимъ Лишургію въ церкви Свяшья Марія (1), и вземъ опрока, постави на степеніи предъ олшаремъ, и благослови ѿ, се рекъ: Господь Иисусъ Хрісшось благослови опроча се благословеніемъ, имже благословиль еси вся праведники пвоя; и поспригоща Князи ни (2). Тѣмже мнимъ, яко убо благословеніемъ Епи-

---

(1) По принятому въ западной церкви обыкновению, пресвятая Богородица названа просто *Святою Марією*.

(2) Изъ сего видно, что и у Чеховъ водились Княжескіе посприги.

скопа того но молитвами благовѣрными нача опрокъ роспи, благодапію Божією хранимъ. И вѣда ѿ баба своя Людмила научити книгамъ Словенскимъ по слѣду Попову; и навѣче разумъ добръ. Опсадиже Воропиславъ въ Будучь (3), и нача опрокъ учинися книгамъ Лашынскимъ, и научися добръ.

Въ поже время умре Воропиславъ Князь, и поспавиша Князя Вячеслава на столѣ дѣдъни; и опшолъ Болеславъ нача подъ нимъ ходити. Блшета бо оба мала (4); мати же ею Дорогомиръ ушверди землю и люди своя устрои, яко въспитѣ сыны своя, яко нача Вячеславъ спроити люди своя. Имѣше же сестры д, и вѣдѣла я вросна (5) Княженя, и устроиша я. И възложи Богъ благодать шаку на Вячеслава Князя, и начаже умѣти книги Лашынскія, якоже

(3) „Опсади ... въ Будучь“ Вратиславъ, по сказанію Христана, отправилъ сына своего Вячеслава учиться Лашинской грамотѣ въ городъ *Будецъ*: *filium suum ... Wenceslaum ... in lege divina literis imbuendum tradiderat in Civitatem quae Budetz vocabatur. Vita s. Ludmillae. Balbini Epitome reg. Bohem. lib. 1. cap. x.*

(4) Въ Прологъ сказано что Вячеславъ имѣлъ двухъ младшихъ братьевъ: Испышгивѣ и Болеслава; но здѣсь, согласно съ Исторією, говорится только о Болеславѣ. Испышгивѣ (по Чешски: *Spryšněw*) былъ дядя Вячеславу, старшій братъ отца его Вратислава.

(5) Вѣроятно читашь должно: *сз розна княженя* (въ разныхъ княженіяхъ замужъ). О сестрахъ Вячеславовыхъ упоминаюють Историки.

добрый Епископъ или Попъ, да аще я
взмяше я Греческія книги или Словенъ-
скія, прочишаше я вѣнъ безъ блазна.
Не шокмо же книги умѣяше, но вѣру
свершая, всѣмъ убогимъ добро шворяше,
бѣдныя напишаше и сдѣваше по Еван-
гельскому ученію: больныя рабы пи-
шаше, вдовиць не дадыше обидѣти,
люди вся убогія и богатыя шидоваше,
церкви вся златомъ украси. Вѣроваше
въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое шво-
ряше въ животь своемъ.

Разгортѣша же мужи Чешскыи въ-
сташа на ся: унѣ бо имъ быше Князь;
лѣтъ бо ему быше и҃т, егда умре отецъ
ему. Да егда възрасше и смысла добыи
братъ его, шогда дѣволъ вииде въ
сердце злыхъ свѣшникъ его, яко же
иногда въ Іуду предашеля. Писано бо
ешь: всякъ възстанѣ на Господинъ свой,
Іудѣ подобенъ ешь. Тижѣ намолвиша
Вичеславу, рѣша: „хощешъ шя Боле-
славъ убити, съ матерью свѣшцавъ и
съ мужи своими.“ Пси зми, иже бѣша
Вичеслава научили выдати матеръ свою
безъ вины (6). Вичеславъ же разумѣвъ
страхъ Божій, помину слово Апостола,

---

(6) Сочинитель сей Легенды, вопреки Хриштануи про-
чиль писателямъ, ошзываетъ о князѣ Драгомири
съ похвалою; между шѣмъ какъ прочіе описываютъ
се заю идолопоклонницею, разрушавшею церкви
Хриштанскія, и даже соумышленницею Болеславу

глаголюща: чши отца и маперь свою, яко и самъ ся, и възлюбиши ближняго своего яко и самъ ся. Хощя исполниши всю правду Божию и приведе паки маперь свою вельми плакашеса, но каешеса, глаголя: Господи Боже! не поспави ми грѣха сего. Помяну же слово пророка Давида: грѣхъ уности моея и невидѣнїя моего не помяни убо Господи! Тѣмже чпаше маперь свою; она же радовашеса вѣрѣ сына своего, и облагодали, юже шворяше убогимъ: аще и маламоцна, питаше; аще ли сирота гдѣ, то обидѣни не даваше его; аще ли спраннымъ, да добро шворяше, яко же убо и речено естъ: спраненъ бѣхъ, въведосте мене; аще Божїя рабы (7) и домашняя, и аще спранники вся, и аще гдѣ ино зимой спражущъ, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же колпорый поинь продавъ, приде къ

въ убїенїи св. Вячеслава. Кому вѣрять? Но неприязненное къ ней расположенїе Римско-Католическаго Духовенства не ошь того ли полно происходило, что она покровительствовала священниковъ Греко-восточной церкви? — —

(7) „Божїя рабы.“ Нѣсколько разъ въ сей статьѣ употребленное выраженїе встрѣчается и въ Фрейзингенской рукописи. Вѣроятно и здѣсь, такъ какъ шамъ, названїе сіе присвоено Духовенству: можетъ быть такъ называемы были у западныхъ Словянъ въропрововдьяки Латинскїе? Въ Христановой Легендѣ также сказано, что къ Вячеславу: „*plurimique famul Dei confluunt*“ Balbin. pag. 55.

нему, онъ искупаше всѣмъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ, добръ вельми, Божія рабы собравъ отъ всѣхъ языкъ; воину служба идяше по вся дни къ Богу, яко въ и велицѣхъ языцѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго Владыки Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце: созда храмъ святаго Вита, не злѣ мысля. Неже убо всѣя Болеславу дьяволь въ сердце, да науспиша ѥ на брата своего, и да не бы спасена душа его была въ вѣки.

Приде же день святаго Емѣраама (8), къ нему же обѣщанъ святый Вячеславъ, веселяшеся о Бозѣ. Они иже убо тогда зли дьяволи възваша Болеслава съвѣтъ пвораще непріязненъ о Вячеславѣ, якоже Жидове о Хрисѣ въ первалъ льша. Бяху же священіе Церквамъ въ всѣхъ градѣхъ. Вячеславъ же яздяше по градомъ; ѣха ко Болеславу граду. Въ недѣлю же бѣ литургія Козмы и Дамьяна, и слышавъ Литургію, Вячеславъ хотѣ

---

(8) „Святаго Емѣраама.“ *Эмерамъ* Римско-Католической Святой былъ Епископомъ во Франціи, попомъ Миссіонеромъ въ Регенбургъ, гдѣ пріять вѣнецъ мучень 22 Сентября 652 года (Art De verifier les dates. Paris 1818 4. p. 199). Сей Святой особенно чинимъ былъ въ Регенбургской Епархіи, къ коей тогда принадлежала Богемія. Въ Регенбургъ былъ монастырь св. Эмерамъ, куда Болеславъ (бритюбинца, спуская три года по убіеніи Вячеслава, отправилъ малолѣшняго сына своего *Стрихливаса* на воспитаніе.

ѣхали домовъ къ Празѣ; Болеславъ не да ему. Моляся плачевнымъ смысломъ; моля и глаголя: како хочещи отѣхати; пиво цѣло имѣю. Онъ же не опорчеся брату, не ѣха домовъ. И въсѣдъ на конь, нача играши и веселилися съ други своими на дворѣ Болеславѣ. Тѣмже мнимъ яко повѣдаша ему на дворѣ, и рекоша: хочемъ шя убити Болеславъ; и не я вѣры шому, на Бога възложи. Въ шу же ноцъ снадошася рапници въ Гнѣвысынѣ дворѣ, и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злый шой съвѣштъ непріязненъ; яко же и къ Пилату събрася на Хрїста мысляще, шако же и онїа зліи пси шѣмъ ся подобище, съвѣщаша како быша оубили господина своего. Рѣша же: пойдемъ на заушренюю, тогда половимъ его. Утру же бившию, възвоннша заушреню. Вячеславъ же услышавъ звонъ, и рече: слава тобѣ, Господи, яко далъ еси мнѣ добыши ушра сего! И възславъ пойдѣ на заушренюю. Състиже же Болеславъ во ворошѣхъ. Вячеславъ же озрѣвся и рече: добръ бѣ намъ, Господинъ, вечеръ. Къ Болеславу же приниче дѣволь ко уху, и разврати сердце его, да извлекъ мечъ, ошвѣща: сице шѣбѣ хочу ушѣй быши! и удари мечемъ по главѣ: Вячеславъ же, обратився, и рече: чшо еси умыслилъ? И охавивъ ѣ поврѣже, и паде надъ нимъ,

и рече: шо ли Богъ браше! шужа пришекъ (9) удари въ руку. Вячеславъ же нусни браша и къ церкви побѣже. Дьявола же два Чьста и Тира убиспа въ Церковныхъ вращьхъ. Гнѣвыса же пришекъ, пробде ему ребра мечемъ (10) и я нусни духъ свой глаголя: въ руцѣ лвои, Господи, предаю духъ мой! Убища же въ ломъ градъ съ нимъ Мьспину единого; а инья мужи идоша въ борзѣ. Ови же избища, а друзи разбѣгошася по землямъ, а младенци избища его (11), а Божія рабы разграбища, изгнаша я изъ града. А жены ихъ (12) за инья мужи вдаша. И

(9) „Туза пришекъ“ Вѣроятно здѣсь пропущено что нибудь. Можетъ быть: *Тира* же пришекъ, удари въ руки *Вячеслава*; Вячеславъ же нусни браша, и ш. д. Смори ниже имена убищъ.

(10) По Чешскимъ бытописателямъ (Balbin p. 37. 38) убищы Вячеславова назывались Hněwsih Sstřisa. Здѣсь показано ихъ прое. *Чьста*, *Тира* и *Гнѣвыса*.

(11) *Младенци* значить здѣсь, повидимому, пажей или опроковъ Княжескихъ, каковыя были и при Русскихъ Князяхъ подъ названіемъ *молодыхъ*. Слово *mladenec* имѣеть сіе значеніе и въ нынѣшнемъ Богемскомъ языкѣ.

(12) „Жены ихъ.“ Если *Божія рабы* означаютъ Духовенство, шо слова: *жены ихъ* не можеть относиться къ Божиимъ рабамъ, потому что тогда уже существовало въ Римской церкви безбрачіе Духовенства. Надобно думать, что здѣсь говорится о женахъ шѣхъ мужей, побитыхъ и разбѣжавшихся, о коихъ упомянуто было выше. Впрочемъ встрѣчаю одно мѣсто у Христана (Balbin p. 64. 65.) гдѣ говорится о *смиль Пресвитера Стефана*: слѣдовательно священники были женатые!

всю неприязнену сътвориша похощь : убиша Князь свой. Тираже рече : идемъ на Госпожую ; да одинова одолѣши брата своего и матерь свою. Болеславъ же рече: никаныся дежешь (13) да же инѣми доспѣемъ. Вячеслава же разсѣкше , опидоша и не съхранившѣ его. Краснѣй же поць вземъ и предъ церковью положи ѿ, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же маши убьеніе сына своего и припекши искаше его : узрѣвши же и припаде къ сердцу его ; и плачущися събираше уды плѣси сына своего. Собравши же и не смѣ нести его въ домъ свой, нъ поповѣ избѣомывшеи оболкъше и положиша посреди церкви. Убоявши же ся мали его смерти, бѣжа въ Хорваты : страшно бо естъ, оцъ чюжею руку да ея не прѣпрѣпнеть. Пославъ же , не заспиже я Болеславъ. Призвавъ же попа Паула (14), да молитву сътворишь надъ нимъ , погребоша Честное его тѣло , Вячеслава добраго и праведнаго владыку и богочестца и хрѣсполюбца : служи бо ему говѣніемъ и съ спракомъ. Крови же его не хошяци по три дни въ землю иши , въ третій же вечеръ , всимъ ви-

---

(13) Читай: „*Ни камо ни ся дежеть*“ т. е. никуда отъ насъ не дѣнется.

(14) „*Попа Паула.*“ Въ Христановой Легендѣ о Св. Людмилѣ упоминается Прѣсвитерь Павель, бывшій паставникомъ юнаго Вячеслава.

дящимъ, церкви взиде надъ нимъ. И дивишася шу вси; и еще надѣмся Божъ, молишвами и благовѣріемъ добраго Вячеслава, и больши чудо явитися (15)! Въ истинну бо Христовъ муци и святыхъ мученикъ приложися мука его: съвѣсть бо сотвориша о немъ яко же Юдеи о Христѣ. Разсѣкоша же его, и младенци его избиша. Въ истинну весь народъ челоувѣческъ вельми ся каеше и плакашеса о немъ!

Убьенъ же бысть Вячеславъ Князь въ льшо *ѣ*. и *т* и *л* въ *ѣ*, (16), индикта *ѣ*, кругъ *ѣ*, въ *к*и день мѣсяца Семнабря; и Богъ покой его душу въ вѣчнѣмъ покоищи, съ всѣми избранными его ради безъ вины, идѣ же вси праведнии почивающъ въ свѣшѣ животнѣмъ швоемъ, Господи!

Не остави же Богъ избранныхъ своихъ въ поруганіе невѣрными, но посѣ-

(15) По симъ словамъ заключить можно о древности повѣствованія. Повѣствователь разсказываетъ одно только сіе чудо вскорѣ по убіеніи случившееся, изъявляя надежду, что будутъ еще большія чудеса. Онъ не умолчалъ бы о другихъ чудесахъ, о коихъ разсказываетъ Христанъ, ежели бы они уже случились.

(16) Въмѣсто числительной буквы *т* (300) надобно читать: *у* (400): 6437 годъ Константинопольской эры (929 отъ Р. Х.) былъ действительво, по показанію Козмы Пражскаго, годомъ кончины Вячеславовой. Но *Пеллицель*, въ своей Богемской Истории, относитъ сіе происшествіе къ 936 году. По другимъ писателямъ оно случилось въ 923 году!

ши милоспью своєю, и преложи окаменнѣніе сердца на покаяніе и разумнѣніе грѣховъ своихъ. Болеславъ же помянувся къ Господу Богу, колико грѣха сътворивъ, помолился къ Богу и всѣмъ святымъ и пославъ слуги, принесе шѣло брата своего Вячеслава изъ Болеслава града къ славному граду Празѣ, глаголя: азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мой и безаконія моя азъ вѣмъ. И положиша ѿ въ церкви святого Виша одесную сторону олпая двою на гѣ апостолу, идѣ же бѣ самъ рекъ: сътворю церковь ту. Пренесенъ же бысть Вячеславъ Князь мѣсяца Марша въ гѣ день. Богъ покой его душу на лонѣ Авраамлѣ Исаака и Иакова, идѣ же вси праведніи почивающъ, чающе въскресенія Господа нашего Исуса Христа, емуже слава вѣвѣки аминь.

Письмо къ Издателю Московскаго Вѣстника.

Сообщивъ вамъ, Милостивый Государь, извѣстiе о Путешествiи Фразера въ Персiю, а невольнымъ образомъ навесъ оскорбленiе вашему Журналу: вы поймете, что я говорю о прикосновенiи къ нему сыщика Московскаго Телеграфа. Эта почтенная особа, сколько можно замѣтить, ничѣмъ такъ не бывашъ довольна, какъ благопрiятнымъ случаемъ, привязавшись къ кому-нибудь, потолковать о себѣ, выказать универсальность своего генiя, наговорить припомъ кучу разныхъ разностей, и почти всегда въ накладъ испивъ, а иногда и здравому разуму. — Она говоритъ на вѣтеръ, но не менѣе того я все таки остаюсь непосредственною причиною вашей первой съ нею встрѣчи, и потому прошу извиненiя.

Впрочемъ, кто эголь Журнальный сыщикъ — не знаю; въ выскачкѣ своей проливъ меня онъ говоритъ отъ лица Г. Издателя Московскаго Телеграфа: я шакъ вѣдаюсь съ Издателемъ.

Не повривилось ему мое общее замѣчанiе на счетъ нашихъ Литтературныхъ Журналовъ и ихъ присяжныхъ рецензентовъ: не дивлюсь этому, ибо я сказалъ правду въ которой никто не сомнѣвается, но которая, можешь быть, для него болѣе, нежели для кого-нибудь, неприятна. Не удивляюсь также и тому, что онъ не смолчалъ на мое замѣчанiе, хотя всякой другой въ такомъ случаѣ, при внутреннемъ сознанiи собственныхъ недоспашковъ, безъ сомнѣнiя, поступилъ бы иначе, ибо истина одна для всѣхъ и каждого. Но этого не могло

случишься съ почтеннымъ Издашедемъ, который, какъ видно, выше подобнаго сознанія, и желая быть во всемъ оригинальнымъ, заблагоразсудилъ составить для себя и свой собственный идеалъ истины; въ слѣдствіе чего почитаемъ себя въ правѣ говорить все, что ему угодно, и спорить за свою богиню съ такимъ жаромъ, и приномъ съ такимъ смѣшнымъ дикташорскимъ тономъ, что читая его панегирики себѣ и его филиппики противъ всѣхъ, право, когда не знаешь, чего ему хочется, то куда что берется и что къ чему у него приклеивается. Мудрено ли, повторю, послѣ этого, что онъ не смолчалъ на мое замѣчаніе, почитая себя действительно правымъ *по своему*? Разсмотримъ однакожь эту правду.

Пожуривъ васъ, М. Г. добрымъ порядкомъ за то, что вы имѣли неосторожность помыслить смѣлостью мою въ своемъ Журналь, и строго запрешивъ вамъ въ будущемъ впасть въ подобныя отношенія Телерафа неосмотрительности, онъ опрокинулся на меня и кто его знаешь, почему и ошъ чего, вздумалъ навязывать мнѣ обязанность *лучше* его дѣлать то, что онъ *плохо* дѣлаетъ, т. е., издавать Журналь *лучше* Телерафа. Хотя это дѣло вовсе не прудное, но въ вѣдомствѣ моемъ отношеніи къ Публикѣ, оно очевидно до меня не касается, а поному, поблагодаривъ Г. Полевою за пожалованіе меня въ журналисты *нехотли*, объявляю ему, что я просто читатель, слѣдов. имѣю на своей сторонѣ право взыскивать и жаловаться, безъ обязанности отдавать предварительно ему, какъ действительному Журналисту, опчетъ въ своихъ литературныхъ требованіяхъ. Въ такомъ случаѣ онъ, Г. Полевой, можетъ только защищаться, быть отвѣщи-

кбязъ, а не судьбою; какими изволишь выславлять себя на каждой страницѣ.

Попытка Издателя очистишь себя и Журналь свой отъ моего общаго о Журналахъ замѣчанія — чего, кажется, ему больше всего хотѣлось — удалась еще менѣе, нежели пожалованіе меня въ Журналисты. Отъ чего вздувалось ему утверждать, будто я нападаю на Рускихъ Журналистовъ и Кришниковъ, тогда какъ въ моей статьѣ нѣтъ и слова, непосредственно до нихъ относящагося? Вооружаюсь я только противъ Polemiki, обуявшей всѣ наши періодическія изданія; вооружаюсь противъ слѣдствій такой литературной заразы, которая, уклонивъ ихъ отъ подлежащей цѣли, постепенно приближаетъ къ ничтожеству и увлекаетъ къ тѣмъ мѣлкимъ безъосчетнымъ сужденіямъ и рецензентскимъ сшычкамъ, которыя ничего не оставляютъ послѣ себя въ умѣ разсудительнаго читателя, кромѣ сожалѣнія о потерѣ времени, и могутъ нравиться развѣ только однимъ — писаткамъ и марателамъ, порождающимъ въ свѣтѣ такихъ monstra horrenda литературы. И я твердо стою на этомъ; готовъ даже доказать несознательному Издателю справедливость мнѣнія моего собственнымъ его многорѣчивымъ Телеграфомъ, его повѣреннымъ Журнальнымъ сыщикомъ, и — когда бы дѣйствительно пришла мнѣ охота пуститься въ такое бесполезное занятіе — могъ бы я, не забываясь въ даль, ограничить себя только послѣдними книжками его Журнала, и найти въ нихъ такіе матеріалы къ подыверженію правости моего дѣла, которые конечно пришупили бы остріе оружія самыхъ уклончивыхъ Аплетовъ его; собственнаго Литературно-Гим-

настическаго ристалища. Напрасно также восклицаетъ онъ съ обыкновенною своею торжественностію, что Телеграфъ *рѣшительно не принимаетъ на свой счетъ* моихъ замѣчаній: я этому не вѣрю; ибо что, кромѣ запальчивости и уязвленнаго самолюбія, могло увлечь его къ написанію сей грѣшной прошивы языка и Грамматика выходки: „Не вступаясь за другихъ Журналистовъ, (*Sic!*) несмотря на недостатки сносовъ и средствъ, прошу Г. Н. сказать: было ли въ печеніи 1825, 1826 и 1827 гг. хоть (хотя?) одно какое нибудь *событіе*, влекущее (?) за собою важныя слѣдствія, по тѣмъ предметамъ (,) коими Телеграфъ и занимается, котораго Издашель Телеграфа не замѣтилъ бы, о которомъ не сказалъ бы онъ своимъ читателямъ? — не хвалить себя, но защищать въ справедливомъ дѣлѣ хочешь Телеграфъ.“ — Г. Н. имѣетъ честь объявить почтовому Издашелю, что отвѣтъ на этотъ неумѣстный вопросъ заключается уже въ предыдущихъ словахъ его; а между тѣмъ спрашиваетъ въ свою очередь: что означаетъ это любезное *qui pro quo* Издашеля, ежели оно не есть тонкая похвала себя и его изданію? Что выражаетъ это милое изліяніе Журнальнаго простосердечія въ глазахъ просвѣщеннаго читателя, какъ не самую величайшую самоувѣренность? — Телеграфу ли разглашать о себѣ подобныя вѣщи? — Нѣтъ, Г. Полевой, возьмите назадъ примененную ко мнѣ не-кстати пословицу: *кто у кого болѣтъ, тотъ о томъ и говоритъ*. Сказалъ бы вамъ еще и другую, но время дорого . . . я даже не знаю опровергать ли мнѣ послѣднее ваше обвиненіе. Очень не мудро, что въ *Revue Encyclopédique*,

котораго впрочемъ и въ глаза не видѣлъ, есть извѣстіе о такой книгѣ, которая вышла въ 1825 году, и я весьма ошибаясь, думая сообщить мнѣ новость и похва-статься своею исправностію, сославшись на 14 No. Телеграфа за 1826 годъ: вѣдь замѣтила, что у насъ есть *несудовлетворительныя извѣстія и кой-какія журнальныя вставки о путешествіи Фразера.* — Заканчаю мою бесѣду добрымъ совѣтомъ: *Чѣмъ открывать тужія тайны мнимыя, не худо бы позаботиться прежде о сокрытіи плохихъ собственныхъ, особливо, когда ихъ находилось много.*

Въ совершенной увѣренности, что Издатель Москов. Вѣстника не послушается хотя на сей разъ приказаній Изд. Телеграфа, и напечатаетъ письмо мое въ своемъ Журналь, пребываю съ моимъ къ нему почтеніемъ...

N.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XVIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Четыре новоселья.

(На новоселье И. В. Квревскому.)

Здорово, другъ, на новосельѣ!
Да перейдешь сюда съ тобой
Твой вѣрный другъ и домой —
Твое душевное веселье,
И да отсель отгонишь прочь
Нѣмую праздность — льня дочь,
Тоску и мершное бездѣлье!
Ты просишь дара, другъ? — Изволь!
Живи средѣ насъ, живи вѣкъ цѣлой,
Живи сто лѣтъ, да дѣло дѣлай!
Желанье дружбы въ чувствахъ зрѣлой
Тебѣ да будетъ хлѣбъ и соль!
Иду къ тебѣ не на бездѣлье;
И задаю тебѣ вопросъ,
Чтобъ ты отвѣтъ мнѣ произнесъ:
Ты на которомъ новосельѣ
Пируешь жизни свѣтлый пиръ,

Съ тѣхъ поръ какъ выглянула на міръ?
 Чешыре раза, другъ, известно —
 Судила намъ природа мать
 На новоселье пировать.

Когда мнѣ родины небесной
 Въ страну выходимъ бытія,
 (О томъ какъ часто слыгала я
 Въ часы бессонницы докучной
 Разказы няни неоплауиной)
 И гости юныѣ земли,
 Не знаемъ мы, за чѣмъ прищамъ:
 За дѣломъ или за бездѣльемъ,
 И не глядя на жизни цѣль,
 Мы чистымъ шѣшимся весельемъ, —
 Тогда найъ служишь новосельемъ
 Родная грудь и колыбель.
 Пока мы въ силахъ не сбѣремъ,
 Какъ сладко, беззаботно спимъ,
 И какъ смирнехонько лежимъ,
 Граждане шѣсной колыбели!
 Вошь изъ нее пускають насъ
 И подъ присмотромъ зоркихъ глазъ
 Чуть ножки начинаемъ двигать,
 Пошомъ ходимъ, пошомъ и прыгать,
 Пошомъ смѣлимъ — и съ глазъ долой.
 Мы скачемъ рѣзвою ногой
 Сначала въ садъ, а тамъ и въ поле,
 А тамъ на пиръ къ любезной воль
 Лешимъ въ дремучіе лѣса,
 На горы, въ волны, въ небеса.
 Земля, огонь, эфиръ и волны
 Стихѣн міра нами полны:

Вездѣ кочуемъ и живемъ,
 Мiры душою облекаемъ
 И пѣсни звучныя поемъ
 И ими небо оглашаемъ,
 И населивъ собою мiръ,
 Граждане мiра и свободы,
На новосельѣ у природы
 Пируемъ мы веселый пиръ.

Но вдругъ среди цвѣтенья весны,
 Межъ игръ шруда и наслажденья,
 Мелькнетъ намъ свѣтлое видѣнье,
 Какъ поспѣшитель съ вышины,
 Какъ неземное вдохновенье.
 Два солнца вспыхнутъ въ двухъ очахъ,
 Багрянецъ розъ въ уста сольется —
 И дѣвы въ пламенныхъ чертахъ
 Вся прелесть мiра разовьется,
 И звѣздъ блестящая краса,
 И голубыя небеса.
 Тогда въ восторгъ сердца ясномъ,
 Узришь пылающей душой
 Весь мiръ гармонiи святой
 Въ одномъ созданiи прекрасномъ,
 Его своимъ ты назовешь,
 И позабывъ о прежнихъ братьяхъ,
 О мiръ — въ пламенныхъ объятяхъ
 Ты всю вселенную сожмешь,
 Обнимешь мiръ двойной душою,
 Двойную жизнь зажжешь въ крови,
 Упьешься сладостью двойною
На новосельѣ у любви.

Того судьба благословляетъ,
 Тотъ сынъ возлюбленный боговъ, —
 Кого до гроба провожаетъ
 Подруга вѣрная — любовь.
 О пою всѣхъ душъ одно жюлене;
 Но слухъ завистливой судьбы
 Не внемлетъ пламенной мольбы . . .
 Она разрушитъ наслаждение,
 Воздвигнетъ надъ тобой грозу,
 Перуномъ разорветъ объятия
 И выжметъ изъ очей слезу . . . .
 Тогда сдержи въ устахъ проклятыя,
 Не извергай изъ нихъ хулы,
 Но презрѣвъ ярость океана,
 Сквозь мглу печальнаго тумана,
 Ты бодро раздвигай валы
 Рукою смѣлой и свободной,
 И въ слѣдъ за вѣрой пушеводной
 На гласъ са пльви, слѣши
 Ко свѣтлой пристани души.
 Войди въ нее: тамъ мѣръ богатый
 Предстанешь плачущимъ очамъ,
 Тамъ возвратишь свои утрамы
 И счастье прочно будетъ тамъ.
 Всѣ юной жизни влечашльня,
 Всѣ мимошныя видѣнья
 И всѣ сокровища твои,
 Чтѣ собралъ ты въ златые годы
 На новоселье у природы,
 На новоселье у любля, —
 Ты все найдешь въ швоей вселенной,
 Вмѣстншь всю жизнь въ душѣ своей,
 И вмѣсто солнца будетъ въ ней

Свѣпшишь — въ красѣ пресображенной
 Подруги образъ возвращенной.
 Тогда въ саомъ себѣ, въ тиши
 Благоговѣнья, созерцающа,
 Ты упомишь свои желанья
На новосельѣ у души.

И такъ, мой другъ, а жду отвѣту:
 Будь вѣренъ дружества завѣту,
 Душою чистой безо лжи
 Святую правду мнѣ скажи:
 Ты на кошоромъ новосельѣ
 Въ гостицхъ у жизни пьешь веселье?
 Смѣяе, другъ! — Коль на вшоромъ,
 Скорѣ претяго желаю;
 А если ты уже на немъ,
 То чистымъ сердцемъ поздравляю.
 Господь тебя благослови
 На новосельѣ у любви!
 Пируй у ней, пируй, мой милый,
 И весели живую кровь,
 И проводи тебя любовь
 Спокойно, вѣрно до могилы!

С. Шамревъ.

С о н ъ.

Я видѣлъ сладкій сонъ :

Ахъ! весь и навсегда въ душѣ записанъ онъ!
 Мнѣ машушка моя въ часъ ушреннихъ видѣній
 Явилась съ ласкою, какъ будио на яву...
 Мнѣ поманился, я палъ предъ нею на колѣни
 И на колѣни къ ней склонилъ свою главу...
 Я плакалъ и она (ужь больше *неземная*)
 Рыдала надъ моею поникнутой главой:
 „Ахъ! милый, милый сынъ!“ мнѣ молвила родная,
 „Я вижу жребій швой!“
 И долго плакала, пошамъ благословила,
 И въ темя пламенный дала мнѣ поцѣлуй,
 И пламенно молясь и плача, говорила:
 „Пловець! *подводи мнѣ опасности минуи!*
 „Да будешь Онъ всѣхъ дѣлъ швоихъ свидѣтель!
 „Люби прекрасную *природу* ты!
 „И трудную люби ты *добродѣтель!*“
 И вдругъ я зрю мѣста не *зѣвиной* красоты...
 И онъ разсѣялся мой сонъ священной!...
 Ужь ночи черные остатки прочь летать;
 Но слезы матери еще, еще кипятъ
 На сей главѣ, страданью обреченной! ...

Ө. Глиха.

Старикъ и Юноша.

Юноша.

О независимость! ты другъ, ты идолъ мой!
 Души богатство не возвысить.
 Что деньги!

Старикъ.

Деньги что? — Ошь денегъ, мнѣ мой.
 И независимость зависишь.

* *

П Р О З А,

Р е н е.

(Окончаніе.)

Въ концѣ зимы замѣшилъ я, что Амелія потеряла спокойствіе и здоровье, которое возвращала мнѣ. Она худѣла, глаза ея впадали; походка спановилась шомною, голосъ дрожалъ. Однажды я заспалъ ее унопающую въ слезахъ на колынахъ предъ Распятіемъ. Свѣтъ, уединеніе, мое отсутствіе, мое присутствіе, ночь, день, все ее беспокоило. Невольные вздохи вылетали изъ ея груди; иногда ходила она долго, не чувствуя усталости; иногда едва могла двигаться; принималась за работу, и тотчасъ оставляла ее; открывала книгу, и не въ силахъ была читать; начинала рѣчь, которой не могла окончить; вдругъ заливалась слезами и уходила молишься.

Напрасно старался я проникнуть ея тайну. Когда я спрашивалъ ее, сжимая въ своихъ объятіяхъ, она отвѣчала мнѣ съ улыбкою, что, подобно мнѣ, не знаетъ причины своего беспокойства.

Три мѣсяца пролегло такимъ образомъ; ея состояніе дѣлалось часъ отъ часу хуже. Какая-то таинственная пере-

писка была, какъ мнѣ казалось, причиною ея слезъ; ибо она была спокойнѣе и печальнѣе, смотря по писемъ, ея получаемымъ, — Наконецъ однажды поутру, когда уже прошло обыкновенное время нашего завтрака, я иду въ ея комнату, спущусь, — мнѣ не опвѣчающъ; я отворяю дверь, Въ комнатѣ нѣтъ никого; на каминѣ нахожу пакетъ надписанный на мое имя, схватываю его съ шрепешомъ, распечатываю, и читаю письмо . . . . вотъ оно: я сохраняю его для того, чшобъ опнять у себя надежду и на будущія радости. —

Къ Рене.

Богомъ свидѣтельствуюсь, милый братъ мой, что я тысячу разъ отдаю бы свою жизнь для того, чшобъ освободить тебя на одну минуту отъ страданія; но, злополучная, я не могу сдѣлать ничего для твоего счастья. И такъ ты простишь Амелію въ томъ, что она какъ преступница скрылась отъ тебя. Можешь быть, я не могла бы устоять противъ твоихъ просьбъ, а мнѣ должно было уѣхать. — Боже! сжапись надо мною!

Ты знаешь, Рене, что я всегда имѣла склонность къ жизни монастырской; время — видяшь призванію Неба. — Для чего медлила я сполько! — Богъ

меня наказаль за это. — Для тебя осла-
лась я въ мѣрѣ . . . . . просни моему смѣ-
шенію : разспаваясь съ тобою , я не
могу собраться съ мыслями опть горе-
спи. Теперь-то , любезный брань , по-
чувстввовала я необходимость сихъ убъ-
жищъ , прошивъ которыхъ ты воспта-
вала часно . — Есть несчастія , кои
опдѣляютъ насъ навсегда опть людей ;
что было бы тогда съ бѣдными спра-
дальцами ? . . . Я увѣрена , что ты
самъ , брань мой , обрѣнешь спокой-
ствіе въ сихъ священныхъ обителяхъ .
Земля недоспойна тебѣ .

Я не спану напоминашь тебѣ о
твоей присягѣ , полагаюсь на вѣрность
твоего слова . Ты клялся , и будешь
жить для меня . Что можетъ бышь не-
сносноѣ жизни , когда мы безпрестанно
думаемъ , какъ бы скорѣе ее оставишь !
Очень легко умереть человеку съ та-
кимъ характеромъ , какъ ты . Повѣрь
своей сестрѣ : жить — гораздо труднѣе .

Но , брань мой , перестань вести
пустынническую жизнь ; она вредна
для тебя : выбери какое - нибудь
занятіе . Я знаю , что ты смѣялся
всегда надъ необходимостію во Фран-
ціи выбрать себѣ родъ жизни . Не
презирай опытности и мудрости на-
шихъ предковъ . Гораздо лучше , любез-

ный Рене, походишь нѣсколько болѣе на всѣхъ людей и имѣшь нѣсколько менѣе горесшей.

Можешь бышь, въ бракѣ найдешь ты для себя развлеченіе: супруга, дѣти займутъ тебя. И какая женщина не будешь спарашься сдѣлать тебя счастливымъ? Пламенная швоя душа, возвышенный духъ, швой видъ благородный и страстный, эшошь взглядъ гордый и нѣжный, все будетъ ручашься тебѣ въ вѣрности. Ахъ! съ какимъ райскимъ удовольствіемъ заключить она тебя въ свои объятія, будешь прижимать къ своему сердцу! Съ какимъ вниманіемъ будушь успремлены на тебя всѣ взоры, всѣ ея мысли, для отвращенія отъ тебя злѣйшихъ непріятностей! Предъ тобою она будешь любовію, невинностію; ты найдешь въ ней сеспру.

Поѣду въ монастырь Д. Эта обитель, находящаяся на берегу моря, прилична состоянію души моей. Ночью изъ глубины своей келліи буду я слышать тихое плесканіе волнь, орошающихъ монастырскія стѣны, буду вспоминая о нашихъ прогулкахъ съ тобою по лѣсамъ, когда шумъ колеблемой вершины сосень казался намъ шумомъ моря. — Милый товарищ моего дѣтства! не ужели я не увижу тебя никогда? Едва я была старше тебя, какъ ужъ

качала колыбель свою; часто мы засыпали вмѣстѣ. Ахъ! если бы одна могила скрыла насъ когда-нибудь обоихъ! — Но, вѣшь, я должна почить подъ хладнымъ мраморомъ того священика, гдѣ упокоются дѣвы, никогда нелюбившія.

Не знаю, прочтешь ли сіи строки, въ половину стертыя моими слезами. Еще скажу тебѣ, другъ мой: рано ли, поздно ли, намъ должно было разстаться съ тобою. На что мнѣ говоришь тебѣ о непрочности и ничтожности этой жизни? Ты помнишь молодого Н., погибшаго при кораблекрушеніи около Ильде-Франса. Когда ты получилъ послѣднее письмо его, нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ его смерти, бранные его останки уже не существовали болѣе въ то время, и какъ ты началъ носить по немъ шрауръ въ Европѣ, — въ Индіи онъ кончился. Что же такое человекъ, если память о немъ исчезаетъ такъ скоро? Едва одни друзья узнаютъ о его смерти, другіе уже забываютъ, упѣшенные. . . . Какъ, милый, драгоценный мой Рене! воспоминаніе обо мнѣ изгладится такъ скоро изъ твоего сердца? . . . Братъ мой! я удаляюсь отъ тебя теперь для того, чтобы не разлучиться съ тобою въ вѣчности!

Амелія.

Р. С. Прилагаю здѣсь дарственную записку на мое имѣніе; надѣюсь, что ты не откажешь принять это приношеніе отъ моей дружбы.

Молнія, разразившаяся у ногъ моихъ, не произвела бы во мнѣ столько ужаса, сколько произвело письмо сіе. Какую тайну скрывала отъ меня Амелія? Кто принуждалъ ее шакъ внезапно идти въ монастырь? Не уже ли для того заставляла она меня прелестію дружбы снова полюбить жизнь, чтобъ вдругъ меня оставить? О, для чего оплевала она меня отъ моего намѣренія? Одно движеніе состраданія привело ее ко мнѣ; но скорѣ, упомянутая тяжестною должностію, она спѣшила оставить несчастнаго, которому была единственною опорой. Она думаетъ, что сдѣлала все, отвративъ меня отъ самоубійства. Таковы были мои жалобы. Помню, сравнивая ее съ собою, говорилъ я: Неблагодарная Амелія! если бы ты была на моемъ мѣстѣ, если бы ты, подобно своему брату, потерялась въ пучинѣ твоей жизни; ахъ, никогда бы онъ тебя не оставилъ!

Однакожь, перечитывая ея письмо, я находилъ въ немъ что-то столь печальное, столь нѣжное, что все мое сердце разрывалось. Вдругъ мелькнула въ головѣ моей мысль, подавшая мнѣ

нѣкоторую надежду. Я подумалъ: не пришла ли Амелія спросити къ какому нибудь человѣку, коему не могла въ шомъ открыться? Этою догадкою объяснялась ея задумчивость, таинственная шоска, спрашнвый шонъ, примѣтный изъ ея письма. Я шомчасъ писалъ къ ней, и умолялъ ея открытъ свое сердце.

Она отвѣчала мнѣ немедленно, но не упомянула ни слова о своей тайнѣ; уведомляла шолько, что получила разрѣшеніе опъ искуса и готовишся принести обшпы. Меня встревожило упорство Амеліи, таинственность въ выраженіи, недоснашокъ довѣренности къ моей дружбѣ.

Бывъ въ недоумѣніи нѣсколько времени о шомъ, что мнѣ должно было дѣлать, я рѣшился отправишся въ Б. и употребиш послѣднія усилія для опвращенія Амеліи опъ ея намѣренія.— Мѣсто моего воспитанія находилось близъ дороги, по коей мнѣ должно было ѣхать. Завидя издали лѣса, въ конхъ провелъ я первыя счастливыя минушпы своей жизни, я не могъ удержатъ опъ слезъ и преодолевъ желанія проспншся съ ними навѣки.

Старшій братъ мой продалъ отеческое наслѣдіе. Новый владѣлецъ не жилъ тамъ. Я подѣхалъ къ замку по длинной

сосновой просади, обошелъ пѣшкомъ опущенные дворы, останавливался и смотрѣлъ на закрытые и въ половину изломанные ставни; на волчець, коимъ заросли стѣны; на листья, лежавшіе кучами въ ворохахъ; на уединенное крыльцо, гдѣ такъ часто видалъ я моего отца и его вѣрныхъ служителей. Слупени были уже покрыты желтымъ мхомъ, который росъ на преснувшихъ и дрожавшихъ камняхъ. Какой-то незвѣстной шорожъ съ грубостію отворилъ мнѣ дверь. — Я колебался, переступишь ли мнѣ порогъ, и онъ закричалъ: „И вы вѣрно такъ, же, какъ одна незнакомка, бывшая здѣсь напередни. Когда ей надобно было, войши, она упала въ обморокъ, и я, принужденъ былъ нести ее до повозки.“ Для меня легко было догадаться, кто была эта незнакомка. Она также, какъ и я, прїѣзжала сюда искать слезъ и воспоминаній.

Закрывъ на минушу глаза платкомъ, я вошелъ подъ кровъ моихъ предковъ; пробѣжалъ съ поспѣшностію звучные покои, въ коихъ ничего уже не было слышно, кромѣ шороха отъ шаговъ моихъ; едва, едва проникалъ слабый свѣтъ чрезъ затворенные ставни. Я былъ въ той комнатѣ, гдѣ скончалась мать моя, произведши меня на

свѣтъ, въ шой, куда уединялся
 опецъ мой, — въ шой, гдѣ спалъ я въ ко-
 лыбели, — въ шой, наконецъ, гдѣ про-
 изнесъ предъ сестрою первые обѣщанья
 дружбы. Никакихъ ушварей не было уже
 въ покояхъ: все было обнажено и па-
 укъ шкаль сѣши въ оставленныхъ ни-
 шахъ. — Я вышелъ поспѣшно изъ
 мѣспѣ сихъ и удалился скорыми ша-
 гами, не смѣя оглянувшись. Какъ радо-
 стны, но вмѣспѣ какъ скоропечны
 минушы, проводимыя въ юности брашь-
 ями и сеспрами подь кровомъ роди-
 телей! — Семейство человека вку-
 пѣ живешъ одинъ день: дуновение Бо-
 жіе разсѣваешъ его какъ дымъ. Едва,
 едва узнаешъ сынъ онца, опецъ сына,
 братъ сестру, сестра брата. Дубъ ви-
 дитъ, какъ его желуди произрастають
 вокругъ его; не шакъ бываешъ съ
 дѣтьми человека.

Пріѣхавъ въ Б., я велѣлъ везти себя
 въ монастырь и пошребовалъ тамъ сви-
 данія съ своею сестрою. Мнѣ сказали,
 что она не принимаетъ никого; я до-
 слалъ къ ней письмо. Она отвѣчала, что
 готовясь посвятить себя Богу, почи-
 таешъ для себя непозволительнымъ ду-
 мать о мірѣ; что я, если люблю ее,
 долженъ стараться убѣганъ ея прису-
 ствія, дабы не обременять своею го-
 рестію. Впрочемъ, если ты хочешь не-

премьнно, прибавила она, бытъ въ церкви въ день моего посприженія, по заспуни мѣсно нашего родишеля. — Вошь подвигъ, достойный швоего мужества, соотвѣтствующій нашей дружбѣ; мое спокойствіе симъ ни мало не нарушится.

Меня привела въ изступленіе эта холодная швердосшь, прошивопоставляемая пылкости моей дружбы. — То хощьль я возврашиться въ свое обиналице, то хощьль оспашься единшвенно для того, чшобы помѣшашь священнодѣйствію. Адъ подспрекаль меня даже до мысли заколошься въ церкви и соединить послѣдніе свои вздохи съ обѣлами, покищавшими у меня сеспру. — Наканунъ посприженія получилъ я опть насшояшельницы монастыря приглашеніе въ церковь, для присупствія при совершеніи обряда, и извѣстіе, что для меня приготошвлено особенное мѣсно.

На разсвѣтъ услышалъ я первый ударъ колоколовъ . . . около шести часовъ повлекся я въ монастырь почти безъ памяти. Нѣшь ничего ужаснѣе подобнаго зрѣлища! кто переживель его, шому нечего уже бояшься другихъ горесшей.

Безчисленное множество народа находилось въ церкви. Меня подвели къ

назначенному мѣсту. Я повергся на колѣна, не зная почти, гдѣ я, на что рѣшился. Священникъ дожидался уже предъ алтаремъ; вдругъ плаинспвенная рѣшешка поднимается, — Амелія выходитъ украшенная всѣми убранными мира. Она была прекрасна, имѣла въ лицѣ своемъ нечто Божественное, всѣ приведенны были въ невольное изумленіе. Я былъ побѣжденъ ея святою печалію; величіе Религіи меня поразило; всѣ мои буйныя намѣренія уничтожились; силы меня оставили; я чувствовалъ, что меня удерживаетъ какая-то могущественная десница, и вмѣсто хуленій обрѣлъ въ своемъ сердцѣ благоговѣніе и покорность.

Амелія спановишся подъ балдахиномъ. Священнослуженіе начинается при свѣтѣ факеловъ, среди цвѣшовъ и куреній, кои должны были содѣлать жертву еще пріяшнвѣйшею. Предъ даропріношеніемъ Священникъ снялъ съ себя всѣ убранства, оставя одну полошннную одежду; взошелъ на амвонъ, и въ простой, но прогашельной рѣчи изобразилъ счастье дѣвы, посвящающей себя Всевышнему. Когда онъ произнесъ сіи слова: она явилась подобно ладону, въ огнѣ снѣдаемому, — по всей церкви, разлились, казалось, небесныя благоуханія; миръ Божій водворился въ серд-

цахъ; всѣмъ видѣлось, что таинствен-
ный голубь горѣ носился; Ангелы нис-
ходятъ на жертвенникъ, и восходятъ къ
небесамъ съ вѣнцами и еиміамами.

Священникъ оканчиваетъ проповѣдь,
облачается снова, продолжаетъ священ-
нослуженіе. — Амелія, поддерживаемая
двумя юными монахинями, спановилась
на верхнюю ступень предъ алтаремъ.
Меня зовутъ для заступленія мѣста
родительскаго при совершеніи обряда. —
Услыша шорохъ отъ колебавшихся ша-
говъ моихъ, сестра моя готова была
лишиться чувствъ. — Меня ставятъ
подъ Священника, коему я долженъ
былъ подать ножницы. — Въ сію ми-
нуту я чувствую, что мое изступле-
ніе пробуждается, яроснь готова об-
наружиться; но Амелія, призвавъ на по-
мощь все свое мужество, устремляетъ
на меня взоръ, въ коемъ видно было
сколько упрека, сколько горести, что
я остался неподвижнымъ. Религія шор-
жествуетъ. — Моя сестра пользуется
моимъ смятеніемъ, и смѣло накло-
няетъ голову. Прекрасные ея волосы
падаютъ на всѣ стороны подъ свя-
щеннымъ орудіемъ; длинная власяница
замѣняетъ для нея свѣтскія украше-
нія, не уменьшая впрочемъ ея про-
гашельности. Изъ-подъ полотняной по-
вязки не видно уже было грусти, на-

чертанной на челѣ ея; таинственное покрывало, двойной символъ дѣвства и Религіи, закрываетъ обнаженную ея голову. Никогда не казалась она столь прекрасною; взоръ кающейся былъ устремленъ на прахъ міра сего, душа парила въ небесахъ.

Между шѣмъ Амелія не произносила еще своихъ обѣщаній; чѣмъ умеренъ для свѣта, ей надобно было пройти чрезъ двери гроба. Сестра моя ложится на мраморъ; на нее накидываютъ гробовой покровъ; чепыре свѣспильника сплываютъ на чепырехъ углахъ его. — Священникъ, съ эпитрахилью на шеѣ, съ книгою въ рукѣ начинаешь опѣваніе; юныя дѣвы продолжаютъ. — О радости Религіи! какъ велики, и вмѣстѣ какъ ужасны вы! — мнѣ велѣли спать на колѣни подлѣ сего плачевнаго подобія. Вдругъ глухой шорохъ выходитъ изъ-подъ погребальнаго покрова; я наклоняюсь и сіи ужасныя слова (я одинъ слышалъ ихъ) поражаютъ слухъ мой: „Боже милосердый! сотвори, да не возстану никогда съ сего смертнаго одра, и излей свои благодѣянія на моего брата, котораго не раздвѣлялъ моей преступной спрасни.“

При сихъ словахъ, исшедшихъ изъ гроба, ужасная истина просвѣщаетъ меня; мой разумъ смущается; я

падаю на смертное покрывало, сжимаю сестру въ своихъ объятіяхъ и восклицаю: „святая невѣста Иисусъ-Христова! прими опть меня послѣднія лобзанія чрезъ хладъ смерти и глубину вѣчности, копорая отдѣляешь тебя опть твоего брата!“ Сіе движеніе, сей крикъ, сіи слезы приводяшь въ смятеніе Священника, и онъ прѣрываетъ совершеніе обряда; монахини опускають рѣшетку; полпа приходитъ въ движеніе, всѣ пѣсняшя къ олтарю; меня выносятъ безъ памяти.

Какъ я недоволенъ тѣми, кои возвратили меня къ жизни! Открывъ глаза, я узналъ, что священнослуженіе кончено, и что моя сестра занемогла горячкою. Она просила меня не стараться болѣе о свиданіи съ нею. Несчастное положеніе! сестра боится говорить съ братомъ; братъ боится говорить съ сестрою. Я вышелъ изъ монастыря, какъ изъ какого-то чистилища, гдѣ въ пламени приготавливаемся мы къ небесной жизни, гдѣ все пошеряно кромѣ жизни.

Можно найдти силу въ душѣ для перенесенія собственнаго несчастія, но бытъ невольною причиною несчастій другаго — несносно. Узнавъ о злополучіи сестры моей, я представлялъ себѣ все, что должна была она вытерпѣть!

погда-шо объяснились для меня многія обстоятельствова, бывшія дошоль непонятными: смѣсь радости и печали, замѣчанная мною при разспаваніи нашемъ, стараніе убѣгать меня по моему возвращеніи, и между шѣмъ слабость, кошорая такъ долго не допускала ее до рѣшишельнаго поступка; — несчастная надѣялась вѣроятно изцѣлиться отъ своей страсти; шайншвенная же переписка, споль много способствовавшая къ моему заблужденію, вѣроятно, имѣла предметомъ намѣреніе удалиться отъ свѣта, получить разрѣшеніе отъ искуса и предоставить имѣніе въ мою пользу.

О друзья мои! я узналъ, что значать слезы, проливаемые о несчастіи дѣйствительномъ. Мои страсти, споль долго не имѣвшія для себя никакой нищи, усипремались съ яростію на сію добычу. Я находилъ даже какое-шо дошоль незнакомое удовольствіе въ полнотѣ своего несчастія, и замѣчалъ съ шайнымъ движеніемъ радости, что гора не лѣзя истощить, такъ какъ можно истощить веселіе.

Я хотѣлъ оставить землю до призванія Всемогущаго; это было великое преступленіе, — и Богъ ниспослалъ ко мнѣ Амелію, чтообы спасти и наказать меня. Такимъ образомъ всякая виновная мысль, всякое преступное дѣяніе, влечеть за

собою безпорядокъ и несчастіе. Амелія просила меня жить, и я не долженъ былъ увеличивать ея скорби. Припомъ (удивительная перемена!) я не желалъ уже умереть съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался дѣйствительно несчастнымъ. Горестъ спала моимъ занятіемъ; такъ окаменѣло мое сердце опъ шокъ и бѣдствій!

Тотчасъ принялъ я другое намѣреніе: я рѣшился оставить Европу и ѣхать въ Америку.

Въ гавани В. снаряжали въ это время флотъ въ Луизиану; я договорился съ Капитаномъ одного корабля, дать знать Амеліи о своемъ намѣреніи и занялся приготовленіями къ отъѣзду. Моя сестра была въ преддверіи гроба; но Богъ, назначивъ ей первую пальму между дѣвами, не хотѣлъ такъ рано воззвать ее къ себѣ; испытаніе ея здѣсь было продолжено. Вторично вступивъ на трудное поприще жизни, героиня, согбенная подъ крестомъ, пошла съ бодростію на встрѣчу несчастіямъ, видя въ бореніи только побѣду, въ ужасныхъ спрдааніяхъ — неувидаемые вѣнцы славы.

Продажа оставшагося имѣнія, услуженнаго мною брату, приготовленіе военнаго конвоя, прошивные вѣтры, долго удерживали насъ въ гавани. Я каж-

дое утро ходилъ освѣдомляясь объ Амелии и каждое утро возвращался съ новыми причинами для слезъ и удивленія.

Бродя безпрестанно около монастыря, построеннаго близъ моря, часто видалъ я въ небольшомъ рѣшетчатомъ окнѣ, обращенномъ на пустынный берегъ, молодую монахиню, сидѣвшую въ задумчивости. Она углублялась въ размышленіе при видѣ корабля, подъ всеми парусами плывшаго на край вселенныя. Много разъ также видалъ я ту же монахиню у той же рѣшетки при сіяніи мѣсяца; она разсматривала небо, озаренное ночнымъ свѣтиломъ, и прислушивалась, кажется, къ ропоту волнъ, кои плескались печально у дикихъ береговъ.

И теперь еще звенить въ ушахъ моихъ колоколь, призывавшій монахинь къ бдѣнію и молитвамъ. Въ то время, какъ издавалъ онъ протяжные звуки, и дѣвы въ молчаніи приближались къ алтарю Всемогущаго, спѣшили я къ монастырю, и тамъ, сидя одинъ при подошвѣ стѣны, слушалъ, въ нѣкоемъ священномъ ужасѣ, послѣдніе звуки пѣснопѣній, мѣнавшіеся подъ сводами храма съ тихимъ говоромъ волнъ.

Я не знаю, какъ всѣ сіи обстоятельства, которыя должны были, кажется, жинать мою грусть, пришумляли ея жало. Мои слезы были не

пакъ горьки, когда я проливалъ ихъ на скалахъ и посреди вѣтровъ. Моя скорбь, безпримѣрная по своему существу, заключала въ самой себѣ какое-то врачеваніе: необыкновеннымъ наслаждаюшся даже тогда, когда оно есть несчастіе. Я началъ почти надѣяться, что состояніе моей сестры въ свою очередь сдѣлается сносно. Письмо, полученное мною ошъ нея передъ отъѣздомъ, еще болѣе утвердило меня въ сей мысли. Она жаловалась съ нѣжностію на мою горесть, и увѣряла меня, что время уменьшаетъ ее. „Я не опчаяюсь въ счастіи“, писала она ко мнѣ. „Самая трудность пожертвованія, теперь уже преодолимая, способствуетъ къ водворенію мира въ моемъ сердцѣ. Просподушіе моихъ подругъ, невинность ихъ обѣтовъ, опредѣленность въ образѣ жизни, все изливается бальзамъ на дни мои. Когда шумъ бури доходитъ до моего слуха, когда морская птица прилетаетъ къ моему окну, и бьетъ въ него крыльями, я, сирая голубица неба, радуюсь, размышляя о найденномъ мною приютѣ отъ грозы. Здѣсь та святая гора, та вершина, съ коей слышны послѣдніе отголоски земли и первые звуки неба; здѣсь-то Религія очаровываетъ чувствительную душу; замѣняетъ неистовую любовь пыл-

кимъ цѣломудріемъ, и соединяешь, такимъ образомъ, дѣйствиельность съ любовью, очищаешь вздохи, превращаешь пыльное пламя въ вѣшльное, и чудеснымъ образомъ согласуешь невинность и миръ, ею же даруемый, съ остаткомъ сладострастія и волненія успокоивающагося сердца и исчезающей мало по малу жизни.“

Я не знаю, что ожидаетъ меня въ будущемъ, не знаю, не хотѣло ли небо слѣдующимъ случаемъ возвѣстить мнѣ, что бури будущъ встрѣчатъ меня на каждомъ шагу. Флотъ получилъ приказаніе опривалиться въ пунъ. Многія суда распустили уже паруса при захожденіи солнца. Я хотѣлъ провести послѣднюю ночь на твердой землѣ, и написать прощальное письмо къ Амеліи. Около полуночи, когда я занимался имъ и обливалъ бумагу своими слезами, ревъ вѣтровъ поражаетъ слухъ мой; я слушаю и между громовыми ударами различаю пушечные выстрѣлы, означающіе тревогу, и звонъ монастырскаго колокола, какой всегда бываетъ по умершемъ, — бѣгу на берегъ — тамъ было все покойно, ничего не было слышно, кромѣ шума волнъ. Я сажусь на скаль. Съ одной стороны клубятся сверкающія волны; съ другой теряющіяся во мракѣ, облекающемъ небо, утрюмья

монастырскія спѣны, слабой огонекъ свѣпился въ рѣшеччатомъ окнѣ. Тыли эшо Амелія, проспершись предъ Распятіемъ, молила Бога бурь о спасеніи швоего несчастнаго брата? — Буря на морѣ, безмолвіе въ пустынѣ, — люди погибающіе въ волнахъ на подводныхъ камняхъ у спѣнъ убѣжища, которое ни чѣмъ въ свѣтѣ возмущено быть не можетъ, — безконечное подлѣ монастырской келліи, качающіеся фонари на корабляхъ, неподвижный маякъ въ монастырѣ, неизвѣстныя судьбы плавателей, — Весталка по одному наслощему дню знающая всѣ будущія дни своей жизни, — съ другой стороны душа подобная швоей, Амелія, бурная какъ океанъ, кораблекрушеніе ужаснѣйшее чѣмъ кораблекрушеніе мореходца: — вся эша картина глубоко запечашлена въ моей памяти. — Солнце новаго неба, настоящей свидѣтель слезъ моихъ! эшо Американскаго берега, повпоряющее воли Рене! Послѣ сей-шо спрашной ночи на другой день, опираясь на шканцы корабля, видѣлъ я свое удаленіе ошъ земли ошечественной. Долго смотрѣлъ я на послѣднія качанія деревьевъ моей родины и на башни монастырскія, кои понижались на небосклонѣ.

Рене, кончивъ свое повѣшпованіе, вынулъ изъ кармана бумагу, подалъ ее

олицу Суелю, и задыхаясь отъ рыданій, бросился въ объятія Шакпаса. Миссіонеръ прочелъ между прочимъ письмо и отдалъ обратно Рене. Оно было отъ настоятельницы монастыря Б. и заключало въ себѣ описаніе послѣднихъ минутъ Амеліи, сестры Милосердія, сдѣлавшейся жертвою своего челоуѣколюбія во время хожденія за подругами, бывшими въ заразительной болѣзни. — Всѣ монахини грустили о ея потерѣ. Амелію почитали святою. — Настоятельница привосокупляла, что въ продолженіи шридацатилѣтняго ея начальствованія симъ монастыремъ она не знавала ни одной дѣвицы, которая съ такимъ бы равнодушіемъ воспоминала о суетахъ житейскихъ.

До сихъ поръ отецъ Суель слушалъ съ важнымъ видомъ исторію Рене, не произносилъ ни слова. Онъ имѣлъ сострадательное сердце, хотя наружность его и показывала характеръ непреклонный. Чувствительность Сакема пробудила его.

„Ничто, сказалъ онъ брату Амеліи, „ничто въ семъ повѣствованіи не заслуживаетъ того участія, которое принимаютъ въ васъ здѣсь. Я вижу молодого челоуѣка, обладаемаго химерами, „которому все не нравится, который „оставилъ общественныя обязанности

„для того, чтобы предашься бесполез-
 „нымъ мечтаніямъ. Не великъ еще
 „шопъ, для кого все въ мірѣ сдѣлалось
 „ненавистнымъ. И опъ чего не навидяшь
 „людей и жизнь? опъ того,
 „что смонрашь на предметы слиш-
 „комъ вблизи. Распространите кругъ
 „вашего зрѣнія, и вы увидите, что все
 „зло, на которое жалуешесь, ничтожно.
 „Вы не можете подумашь объ одномъ
 „дѣйствительномъ несчастіи въ вашей
 „жизни, не покраснѣвъ опъ снуда. До-
 „бродѣтель, Религія, невинность, всѣ
 „вѣнцы Святой, содѣлываютъ едва сно-
 „сною мысль о вашей скорби. Ваша се-
 „спра загладила свою вину; но если
 „должно мнѣ сказашь здѣсь свои мысли,
 „я боюсь, не смутило ли по спрашному
 „правосудію и вашу душу признаніе,
 „яшедшее изъ гроба? — Что дѣлаете
 „вы здѣсь одни въ глубинѣ лѣсовъ?
 „перяете дни свои, небрежете о сво-
 „ихъ обязанностяхъ. Святые, скажете
 „вы, скрывались шакже въ пустыняхъ.
 „Они оплакивали шамъ свои прегрѣшенія,
 „они употребляли шамъ на обузданіе
 „своихъ спрастей по время, которое
 „употребляете вы на возбужденіе ва-
 „шихъ. Надменный юноша! вы думали,
 „что человѣку довольно одного себя. —
 „Уединеніе вредно шому, кто не живетъ
 „въ немъ съ Богомъ. Оно увеличиваетъ

„силы душевныя, лишая ихъ пищи. —
 „Кто получилъ способности, пошъ
 „должень употреблять ихъ на служеніе
 „себѣ подобнымъ; если оны оставишь ихъ
 „безъ пользы, то пошчасъ почувству-
 „ешь въ себѣ шайную нищету, и рано
 „или поздно небо насылаешъ ему спраш-
 „ное наказаніе.“

Смущенный сими словами, Рене
 поднимаешъ униженную главу свою.
 На лицѣ Сакема показываешся улыбка.
 Но сія улыбка на устахъ, безъ улыбки
 во взорахъ, имѣла въ себѣ что-
 то шайнственное и небесное. — „Сынъ
 „мой, говоришь спарой любовникъ
 „Ашалы, опецъ Суель спрогъ къ намъ;
 „учишь спарика вмѣстѣ съ юношею; —
 „онъ правъ. Ты должень оставишь сію
 „необыкновенную жизнь, исполненную
 „непріятностей. — Только на пущахъ
 „общихъ для всѣхъ можно найдти счастье.

„Мешассебе близъ своего источника
 „жаловалась однажды, что соспавляетъ
 „только свѣтлой ручеекъ. Она потребуешъ
 „снѣговъ ошъ горъ, воды ошъ копоковъ,
 „дождей ошъ буръ — выплупаетъ изъ
 „береговъ и опустошаешъ прелестныя
 „свои окрестности. Надменный ручей лю-
 „буешся сперва своимъ могуществомъ, но
 „увидѣвъ, что все пустѣетъ около не-
 „го, что оны спремипъ свои воды, оста-

„вленный въ уединеніи, онъ спалъ жалеть о русль, ископанномъ для него природою, о птицахъ, цвѣсахъ, деревьяхъ, ручьяхъ, нѣкогда крошкыхъ спутникахъ мирнаго его печенія.“

Шакпасъ ужолкъ. Слышенъ былъ голосъ краснаго гуся, который, скрывшись въ просиники Мещассебскіе, возвѣщала полуденную бурю. — Три друга пошли обратно въ свои хижинны. Рене шелъ въ молчаніи между Миссіонеромъ, чищавшимъ молитву, и слѣпымъ Сакемомъ, искавшимъ дороги. Сказываютъ, что по настоянію старцевъ, онъ возвратился къ супругѣ, но не нашелъ тамъ счастья. Спусти нѣсколько времени онъ погибъ вмѣстѣ съ Шакпасомъ въ сраженіи Напчесовъ съ Французами, въ Луизианѣ. И теперь еще показываютъ скалу, на которой сидѣлъ онъ, смотря на заходеніе солнца.

Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ.

Разговаривающіе: Харонъ, Меркурій и Покойники.

Х А Р О Н Ъ.

Послушайте меня, дорогие господа. Вы видите, что челнокъ мой и малъ и гниль; вода насквозь печешь, и если чунь перешанель на спорону, то онъ разомъ попонель. Васъ же вдругъ пришло много, къ шомужь у всякаго тяжелая ноша. Смотриште, чшобъ послѣ не каютъся, а особливо шѣмъ изъ васъ, кошорые плавашь не масшера.

П О К О Й Н И К И.

Чшо же намъ дѣлашь?

Х А Р О Н Ъ.

А вошь чшо, други мои. Войдите нагіе, а все лишнее прошу на берегу ославишь. И вамъ - шо дай Зевесь умъ-спинься въ моей ладьѣ. Меркурій! — швое дѣло — не нагихъ не пускашь, а велѣшь имъ бросишь всю шяжелую клажу, какъ сказаь я. Спань-ка на подмоспки, спрашивай ихъ да принимай, — шолько смотри, чшобъ нагіе были.

М Е Р К У Р І Й.

Правда швоя; шакъ и сдѣлаемъ. Кшо это первый?

Мениппъ.

Я Мениппъ. Вотъ , Меркурій , сумамоя , а палку я бросилъ на берегу. Рубица своего не бралъ съ собою , да хорошо и сдѣлалъ.

Меркурій.

Войди , добрый Мениппъ. Ты лучше всѣхъ , такъ вотъ за то шебъ первое мѣсто на кормѣ возлѣ кормчаго : съ вышины поглядывай на всѣхъ. Кшо эта красавица ?

Хармолея.

Прекрасная Хармолея изъ Мегары : одинъ мой поцѣлуй стоилъ двухъ таланшовъ.

Меркурій.

Сбрось красоту свою , поцѣлуй съ успѣ , и эти густые волосы , и румянецъ съ ланищъ , и вѣжную кожу. Ты и такъ прекрасна , спанъ твоей — чудо. Войди же. Это кто въ украшеніяхъ царскихъ — и такой спрашний ?

Ламбихъ.

Ламбихъ , пиранъ Гелоса.

Меркурій.

Что это ты , Ламбихъ , столько несешь съ собою , да какъ нарядился ?

Ламбихъ.

Что ? Да развѣ пристойно пирану ходишь нагому ?

МЕРКУРІЙ.

Тырану непристойно, а покойнику должно. Ну бросай же все.

ЛАМБИХЪ.

Вошь шебѣ мое богатство.

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ, Ламбихъ, сбрось и гордость и высокомеріе: подь этой ношей челнокъ какъ разъ пошлешь.

ЛАМБИХЪ.

Но, Меркурій, позволъ оспавить украшенія — прошу шебя.

МЕРКУРІЙ.

Никакъ, все долой.

ЛАМБИХЪ.

Нѣчего дѣлать. Ну что же? Я все сбросилъ, какъ видишь.

МЕРКУРІЙ.

А жестокость, дурачество, насліе, гнѣвъ? — Все долой, ничего не надо.

ЛАМБИХЪ.

Ну теперь я совсѣмъ нагъ. Пустни меня.

МЕРКУРІЙ.

Иди. Это кто? Какой толстый да жирный?

Д а м а с і й.

Борець Дамасій.

М е р к у р і й.

А! я, кажешся, часто видалъ тебя на гимнастическихъ играхъ.

Д а м а с і й.

Точно, Меркурій; прими меня, я совсѣмъ нагой.

М е р к у р і й.

А! вѣтъ, мой другъ; совсѣмъ нагіе не бывають такъ дородны. Сбрось-ка свое дородство, а не то, лишь ногу въ челнокъ занесешь, онъ разомъ потонетъ. Брось и вѣнцы твои и народныя объявленія.

Д а м а с і й.

Теперь я совсѣмъ нагой, какъ и всѣ покойники.

М е р к у р і й.

Оно и лучше и легче — ступай. А ты, Кратонъ, кинь свое богатство, вѣгу и роскошь; здѣсь не нужны ни одежды погребальныя, ни достоинства твоихъ предковъ. Оставь родъ и славу и похвалы народныя, если были, — и надписи на ступахъ; не говори о своей огромной гробницѣ: объ эпохѣ и воспоминанія тяжелы.

КРАТОНЪ.

Что дѣлать? — все сбросишь по неволѣ.

МЕРКУРІЙ.

Ба, ба, ба! Ты за чѣмъ вооруженный? — Это не профей ли твой?

ВОИНЪ.

Трофей побѣды, копорымъ за подвигъ меня почтила опчизна.

МЕРКУРІЙ.

Оспавъ и профей на землѣ. Въ аду — миръ вѣчный, и въ оружіи нѣтъ нужды. А это кто? — по виду человекъ важный. Какъ гордь! брови поднялъ выше лба, и что за бороду опраспиль?

МЕНИПЪ.

Это Философъ, а попроспу шарлапанъ, — вѣкъ свой жилъ обманомъ. Раздѣнь его; много смѣшнаго найдешь подъ одеждой.

МЕРКУРІЙ.

Сначала сними личину, попомъ и оспальное. О Зевесъ! сколько въ немъ щеславія, невѣжества, дерзости, честолюбія, двусмыслія, колкихъ словъ, запушанныхъ мудрованій! — а всего больше бездѣля, бредней и болшанья.

Бросай же все — и золото и сладоспра-
 еніе и безспыдство и гнѣвъ и роскошь
 и нѣгу. Какъ ни прячься, опъ меня
 ничего не укроешь. Кинь же обманъ и
 гордоспъ и высокое о себѣ мнѣніе, буд-
 по ты лучше другихъ. — И корабль
 о пяти веслахъ не поднимешь тебя съ
 швоею ношей.

Ф и л о с о ф ъ.

Все бросаю по швоему приказанію.

М е н и п п ъ.

Нѣтъ, и бороду долой, Меркурій.
 Ты видишь, какъ она тяжела да мохма-
 та. Въ ней одни волосы вѣсятъ по край-
 ней мѣрѣ пять минъ.

М е р к у р і й.

Правда, долой бороду.

Ф и л о с о ф ъ.

Но кто же ее обрѣшетъ?

М е р к у р і й.

Да вотъ, Мениппъ, возьми шопоръ
 у Харона и обрубь ее хоть на эспихъ
 подмоспкахъ.

М е н и п п ъ.

Нѣтъ, Меркурій, дай лучше пилу;
 это смѣшнѣе будетъ.

М е р к у р і й.

И шопора довольно.

Мениппъ,

Ну быть такъ! Но ты еще сдѣлалъ ему большое благодаріе. Хочешь ли я и бровей обрублю немножко?

Меркурій.

Сдѣлай милость! Видишь какъ онъ ихъ поднялъ — выше лба! Какъ? Ты еще плакалъ — нечестивецъ? И покойникъ, а все еще шрусъ. — Иди скорее.

Мениппъ.

Онъ ушпалъ одну вещь слишкомъ тяжелую.

Меркурій.

А что такое?

Мениппъ.

Лестъ, копорю въ жизни онъ часто пользовался.

Философъ.

Да и ты, Мениппъ, долженъ кинуть свободу, опкровенность и беззаботное веселіе и храбрость свою; хорошо тебѣ одному надъ другими смѣяться.

Меркурій.

Онътъ, Мениппъ! храни у себя сіи сокровища; онъ легки — и съ ними плыть безопаснѣе. Не худо и тебѣ, Риторъ, оставить твое пустословное краснорѣчіе, антишезы, сравненія, періоды, варваризмы и всю тяжесть словесную.

Р и т о р ъ.

Смотри — я все бросаю.

М е р к у р і й.

Хорошо. — Кормчий! отвяжи челнокъ, долой подмостки, выплѣщи якорь, спусти парусъ, правь кормой — славно! Что вы плачете, безумные? А шизъ Философъ, больше всѣхъ! — Тебѣ бы радоваться должно, что обрубили бороду.

Ф и л о с о ф ъ.

Плачу о томъ, Меркурій, что почитала душу безсмертною.

М е н и п п ъ.

Лжешь, онь не о томъ плачешь.

М е р к у р і й.

Да объ чемъ же?

М е н и п п ъ.

Объ томъ, что не будетъ на пирахъ пировать; ночью украдкой онь всѣхъ, завернувъ голову въ спячку, не пойдетъ предаваться сластолюбію, а утромъ ужь не придуть къ нему юноши деньгами плашнить за лжемудрое ученіе. Вошь объ чемъ онь плачешь!

Ф и л о с о ф ъ.

А шизъ, Мениппъ, развѣ не плакала при смерти?

М е н и п п ъ.

Нѣтъ, я безъ зова спѣшила къ ней. Но что это за шумъ, какъ будто отъ земля раздаются крики?

МЕРКУРІЙ.

Да, Мениппъ, и не съ одной споронны. Тамъ граждане Сикіона превозносятся Рихора Діофанна за надгробное слово эпому Крапону. О Зевесь! и машь Дамасія въ кругу женъ рыдаетъ о сынъ своемъ, а о тебъ, Мениппъ, никакшо не поплачешъ; ты одинъ лежишь спокойно.

МЕНИППЪ.

О совсѣмъ нѣтъ! Не много погоды ты услышишь, какой вой поднимушь псы, какъ враны забьютъ крыльями и закаркаютъ, когда соберутся на пирь моего погребенія.

МЕРКУРІЙ.

Мениппъ, ты всѣхъ великодушнѣе. Мы доплыли; спускайше къ судилищу прямо этой спезею. Мы же съ кормчимъ поѣдемъ за другими.

МЕНИППЪ.

Добрый путь вамъ! А мы поидемъ. Чшожь медлише? Вамъ суда не избьгнушь; а говоряшь, наказанія ужасны! всё колеса, коршуны да камни — всякому по дѣламъ его.

(Изъ Лукіана — съ Греческаго)

С. Шевыревъ.

НАУКИ.

ИСТОРИЯ.

Понятіе о всеобщей Исторіи.

(Изъ Шлецера).

Изучашь Всемирную Исторію зна-
чишь — узнавашь главнѣйшія измѣне-
нія земли и рода человѣческаго, въ ихъ
взаимной связи, съ намѣреніемъ объ-
яснишь себѣ основательно наслодщее
ихъ состояніе. —

И такъ она предполагаетъ частное познаніе
о землѣ и народахъ (на пр. что въ наше
время Египетъ есть разбойничье гнѣздо, (*)
а Германія цвѣтущее Государство, а за Зоо-
лѣтъ это было на оборотъ; что теперь Мон-
голецъ пишеть такъ, Португалецъ иначе, а
Прокезецъ и совсѣмъ не знаеть письменнаго
искусства; что въ Камчаткѣ говорятъ по
Русски, на Двинѣ по Нѣмецки, а въ Испа-
ніи нѣсколько тысячъ жителей употребля-
ють языкъ Индостанскій), и изыскиваетъ
причины и слѣдствія происшествій частной
Исторіи (*causas cognoscere tegunt*) въ дру-
гихъ, часто весьма отдаленныхъ частныхъ
же Исторіяхъ. —

(*) Египетъ опять переименялся при нынѣшнемъ Пра-
вительствѣ. М. П.

I. *Цѣль* ея 1) отличаетъ ее отъ Универсальной Исторіи (*), кою намѣреніе однако же достигается опчастіею; 2) она должна побуждать къ изученію Исторіи и тѣхъ, которые, хотя одарены сильною мыслящею способностью, но имѣютъ слабую память, и 3) определять ея сущность и образъ преподаванія. —

II. *Содержаніе* Всемирной Исторіи составляютъ главнѣйшія измѣненія земли и людей, перевороты, всемірныя происшествія разныхъ родовъ, во все времена у всехъ народовъ бывшія.

Разумѣется, 1) что случилось много такихъ перемѣнъ, особенно въ древности, которыя никѣмъ не замѣчены, никѣмъ не описаны. — При томъ 2) Историкъ, чаюбъ показать гласное происшествіе съ надлежащей точкой зрѣнія, часто долженъ приводить многія постороннія обстоятельствова. — Кто можетъ отвергнуть *facta* (событія) которыя предками нашими тщательно замѣчались, которыя имѣютъ свою относительную пользу, но здѣсь были бы безъ надлежащей цѣли, — кто можетъ отыскать маловажныя

(*) Шлецеръ нападаетъ здѣсь на Исторію, преподававшуюся въ Германіи въ началѣ прошедшаго столѣтія — собраніе именъ и чиселъ годовыхъ, къ какой либо частной цѣли, напр. объясненію древнихъ писателей и проч., направленное. II.

съ перваго взгляду обстоятельства и прозрѣть въ нихъ сѣмя новѣйшихъ временъ, — кто умѣетъ связать происшествія, разнородныя, но видимому не имѣющія между собою никакого отношенія, — и при всемъ своемъ размышленіи ничего не вымышляетъ, — тотъ имѣетъ истинное всемірно-историческое чувство. — Возбуждать сіе чувство въ юныхъ Историческихъ Геніяхъ должно быть первою благороднѣйшею обязанностью наставника.

III. *Форма* Всемірной Исторіи зависить отъ взаимной связи или соединенія Историческихъ матеріаловъ *τη ἀπαιτωμ πρός ἀλλήλα συμπλοκή Ρολυβ.*).

Какъ во всякой частной, такъ и во Всемірной Исторіи, происшествія должны быть соединены, а не составлены. Но есть нѣсколько *способовъ* соединенія; вопросъ состоитъ въ томъ, — который изъ нихъ удобнѣе. Изложимъ предварительнo нѣсколько мыслей о семъ соединеніи:

I. Родъ человѣческой есть единица (*), онъ происходитъ отъ одного прароди-

---

(*) „Безумецъ только можетъ предпринять сочиненіе „Всемірной Исторіи. Цѣю возможно ли, чинюмъ „Историкъ въ семъ безчисленномъ множествѣ предметовъ нашеть сіе необходимо единство? — сказалъ некогда Маблі въ разсужденіи своемъ о способѣ писать Исторію. (Смразб. 1684). Но сей же чловѣкъ, неизъяснимый для Ньмцевъ въ повѣстіяхъ сво-

шеля, обитаетъ на одной планетѣ, сохраняетъ при всемъ своемъ разсѣяніи и перерожденіи однѣ и тѣ же коренныя свойства, и разсѣянныя части его дѣйствуютъ чрезъ великія пространства времени и мѣстъ одна на другую невидимымъ, но для изслѣдователя примѣтнымъ образомъ, посредствомъ завоеваній, путешествій и торговли.

Найдти въ частныхъ мѣстописяхъ сіи взаимныя дѣйствія частей, первой на востокъ, второй на западъ и т. д., по всемъ направленіямъ отъ Запада къ Востоку и проч., объяснить ихъ, собрать и привести въ гармоническій рядъ, — вещь великій предметъ Всемирной Истории (*). —

нхъ о Всемирной Истории, приводитъ намъ въ образъ Флора и Пуффендорфа въ случаѣ, если бы надобно было писать Всемирную Историю.

Точно тоже говорилъ Бюффонъ объ Естественной Истории. См. М. В. N 16.“ II.

(*) Магометъ колобродитъ такъ же, какъ и Розенфельдъ, но никто не обуздываетъ его: въ Меккѣ происходятъ отъ того движеніе, которое сообщается до Туркестана, Китая, Португаліи и Бразиліи. Ралейговы спутники привозятъ, за 200 миль до сего, изъ Виргиніи въ Ирландію новое растеніе, а Ньиды сохраняютъ въ 1772 году чрезъ сто нѣсколько тысячъ рейхсгалеровъ, и множество людей (?). О вліяніи Провенсальскихъ стихотворцевъ на всѣ историческія познанія въ среднихъ вѣкахъ См. мою всеобщую Сѣверную Историю.

Вспрѣчая великое множество произшествій, и вникая въ различныя сцѣпленія ихъ между собою, въ столѣтїяхъ и странахъ, тысячелѣтїяхъ и частяхъ свѣта, всемірный Историкъ осмѣливается наконецъ предложить слѣдующія положенія: Всѣ народы земнаго шара были во связи между собою, хотя большая часть ихъ и весьма посредственно. Всѣ они посредствомъ 10, 100, 1000 среднихъ членовъ дѣйствовали другъ на друга. Даже послѣ сполнолворенія Провидѣніе содержало людей въ непрестанной, хотя часто и непрямѣнной связи между собою. Исслѣдователи Всемірной Исторіи искали прежде вышей сей связи по однимъ большимъ дорогамъ, гдѣ при звукѣ трубъ и литавровъ шествовали завоеватели съ своими ополченїями; нынѣ ищутъ ихъ и по проселочнымъ дорогамъ, гдѣ непрямѣнно пробирались проповѣдники, кушцы, и путешественники. (*)

IV. Но возражь мнѣ: „сію всеобщую связь народовъ и время никакая Всемірная Исторія не можетъ

(*) Съ шумомъ перенесъ Александръ искусства и науки Греціи на берега Окса и Инда; Кадмъ, тихо переправясь въ Віонїю изъ Сидона, научилъ жителей оной письменному искусству. Лукуллъ въ прїумфѣ перевезъ вишню съ береговъ Понта въ Италію; какой-то неизвѣстный тихомолкомъ посадилъ въ Германіи первую виноградную лозу.

представишь обстоятельно. Каждая часть свѣта, во всякомъ извѣстномъ періодѣ, по крайней мѣрѣ до Колумба, раздѣлялась на собственные свои особенныя часни, изъ коихъ у каждой была по видимому только свой кругъ дѣйствія.“ Отвѣтъ: Многие народы могли находиться въ весьма близкой, хотя вмѣстѣ и посредственной связи, о коей не дошло до насъ свѣденія. Изъ которые слѣды сохранились доселѣ въ оставшихся памятникахъ древняго міра. Но если бы у многихъ народовъ время и изгладило слѣды сіи, то я заключилъ бы по аналогіи, подобно мудрецу, говорившему о невидимой для него красотѣ природы: „въ свѣтлыхъ періодахъ Исторіи я вижу связь между отдаленнѣйшими странами, взаимное вліяніе и единство; по сему я заключаю, что сія связь должна быть вѣчная, гдѣ я уже и не нахожу ее.“ (*)

Слѣдовательно во Всемірной Исторіи возможна система, которая отличается отъ ея скопу, Aggregate, (собранія отдѣльныхъ происшествій, суммы всѣхъ частныхъ Исторій). Лишь только

(*) Такъ на прим. я думаю, что Европа имѣла вліяніе на Омагетши, за долго до прибытія на сей островъ перваго Европейскаго корабля. Связь Омагетшианъ съ южными странами Азіи очевидна изъ языка кашелей.

ко всеобщій взглядъ , обнимающей все цѣлое, превращаетъ сумму въ систему. Можно знать порознь всѣ улицы какого-либо города и не быть въ состояніи представить себѣ положенія онаго безъ чертежа или воззрѣнія на оный съ возвышеннаго мѣста. Можно знать перемѣны, происшедшія въ разныхъ Германскихъ Княжествахъ, Графствахъ, Епископствахъ и Имперскихъ городахъ, и не знать Исторіи Германіи. —

Способъ соединенія, какъ отдѣльныхъ произшествій въ главную часть, такъ и главныхъ частей въ цѣлое, по большей части произволенъ, и отъ того происходятъ многіе методы (способы собирать и представлять всѣ избранныя событія). —

Преимущество имѣетъ та Всемирная Исторія, которая содержитъ въ себѣ произшествія, сообразныя съ своею цѣлю и припомъ въ самомъ большемъ количествѣ. Толь методъ кажется мнѣ есть лучшей, посредствомъ коего наиболѣе облегчается учащемуся удержаніе въ памяти сихъ событій, и обозрѣніе ихъ во взаимной связи, которой приготавливаетъ его къ общему взгляду, не требуя отъ него излишняго напряженія разсудка и памяти.

Какой методъ заслуживаетъ предпочтеніе: Хронологическій ли, Синхронистическій, Географическій, Технографическій, или Етнографическій? Не должно ли соединять многіе методы? Какъ лучше избѣгать повторовъ въ оныхъ? — это объяснимъ теперь:

Связь происшествій бываетъ двоякая, или существенная, или хронологическая.

Существенная связь есть естественное, непосредственное, видимое соединеніе такихъ происшествій, которыя относятся къ одному предмету и составляютъ причины и слѣдствіе. Методъ не долженъ прерывать сію связь, но сокращать для памяти цѣпь событій, если она слишкомъ уже длинна, посредствомъ точекъ вдохновенія или искуснаго раздѣленія на періоды. Такъ на прим. говоря о Египтянахъ, не должно Исторію сего народа прекращать Фараонами; она должна простираться далѣе, доколѣ не прервется нить повѣствованія, чрезъ Персовъ, Птоломеевъ, Римлянъ, Византійцевъ, Аравіянъ, Фатимитовъ, Курдовъ и Мамлюковъ до Османовъ. Равнымъ образомъ въ Исторіи Греціи должно обращать вниманіе не только на Елладу, Пелопонесъ и Іонію, но и на Марсель, Ольвію и Александрію.

Хронологическая связь происшествій имѣеть мѣсто, когда онѣ не основаны одна на другихъ, не относясь къ одному предмету, но только современны, т. е. такія происшествія, которыя случились въ одно время, но въ различныхъ странахъ и даже въ различныхъ частяхъ свѣта. Такимъ образомъ находились въ связи Конфуцій и Анакреонъ, Данилъ и Тарквиній древній, Монгольскій Тимуръ и Скандинавская Маргарита. Всѣ они жили въ одно время, но не бывъ въ сношеніи между собою, не имѣли другъ на друга никакого вліянія, — слѣдовательно между ними существуетъ только отношеніе времени, по крайней мѣрѣ по ограниченнымъ нашимъ понятіямъ; ибо, если бы чловѣкъ могъ проникнуть тайный союзъ всѣхъ вещей въ природѣ, то нашелъ бы и между ними существенную, болѣе или менѣе опдаленную связь. —

Когда знаешь, въ какомъ порядкѣ слѣдовали происшествія, такъ что не только заднее не спавилося впередъ (не дѣлаются анахронизмы), но еще обстоятельно опредѣляется пространство времени, отъ одного событія до другаго протекшее, — то знаешь ихъ *хронологически*. Если припомъ знаешь цѣпь современныхъ происшествій и въ

другихъ странахъ, то знаешь ихъ Синхронистически —

Первое познаніе необходимо, ибо безъ онаго не возможно познашь ближайшихъ причинъ всякаго дѣйствія. Второе также нужно; во всякомъ данномъ спольстїи надлежитъ вдруть предспавитъ себѣ положеніе всего свѣта. Только такимъ образомъ можно объяснитъ себѣ происхожденіе и величіе Иппокрапа, Магомеша и Чингисъ - Хана; шолько такимъ образомъ понятъ можно, почему возмущеніе прошивъ Гильдебрандова царспва въ 1200 году не удалось, а въ 1520 напрошивъ того было увѣнчано полнымъ успѣхомъ; почему Орлеанская дѣва произвела переворотъ, а Шев. Д' Еонъ не могла сего сдѣлать.

Хронологіи и Синхронизмъ опвлекли уже многихъ мыслишелей опъ нашего ученія. Они опасались, что имъ должно будеть зашверживать однѣ числа, а эшаго никакъ не дѣлаешь съ удовольспвіемъ.

Въ Хронологіи Ишпорики употребляли числа, и почитали ихъ даже единспвеннымъ пособіемъ; припомъ они употребляли крупныя числа, опъ сошворенія міра, а наконецъ смѣшали средсп-

во съ цѣлю и почитали глубокимъ знакоюмъ Исторіи того, кто обременилъ память свою бѣльшамъ количествомъ шаковыхъ чиселъ.

Числа сіи бывають иногда въ Исторической Криптикѣ споль важны, какъ въ судебномъ мѣспѣ иногда бывають нужно опредѣлишь годъ, день и даже часъ. Но при нашемъ скудномъ познаніи въ Лѣтосчисленіи бѣльшей половинны всемірной Исторіи (ибо часно встрѣчается разногласіе не только въ годахъ, но и въ цѣльхъ синодѣшнѣхъ, и попому не возможно сохранишь Исторической вѣрности), — смѣшно было бы, кажешся, заботишься о сихъ число условныхъ знакахъ, какъ нѣкогда Данціанецъ о своихъ *punctis vocalibus*. Припомъ же здѣсь рѣчь идетъ еще не о Криптикѣ, но о способѣ предложитъ начинающему, кошорый современемъ сдѣлаешся можешъ бытъ Криптикомъ, первыя поняшя объ истинной Всемірной Исторіи легчайшимъ и полезнѣйшимъ образомъ. —

На сей конецъ предлагаю я слѣдуюшя облегчителныя средства, кошорыхъ дѣйствительность многократными опытами испытана мною даже на дѣшяхъ. —

Не обременяя памяти своей изученіемъ чиселъ, можно легко овладѣть Хронологіею и Синхронизмомъ

I. Посредствомъ раскрашенной Хронологической карты, кошорая, на одномъ листѣ, раздѣляясь на 6 полосъ, по числу принятыя тысящелѣтій со времени сотворенія міра, представляеть въкращѣ главнѣйшія измѣненія рода человѣческаго, опличенныя разными цвѣтами въ произвольныхъ опредѣленіяхъ, подобно Географическимъ картамъ. На сихъ послѣднихъ учащійся съ перваго взгляда узнаеть положеніе Мадрида, и можетъ даже измѣрять разстояніе сего города отъ Архангельска; но никакъ не попребуешь, разумѣеши, чтобы онъ тотчасъ же опредѣлилъ разстояніе и положеніе обоихъ городовъ по градусамъ широты и долготы.

Равнымъ образомъ глазъ механически привыкаетъ, при часномъ взрѣніи на Хронологическую карту, почитаетъ довольно современными — пирамиды, Соломона и Гомера, и основательнѣе Магомета измѣряетъ разстояніе времени между сеспирою Моисей и Богомашерью. —

II. Посредствомъ естественной или дѣйствительной связи происшествій, кошорыя по тому самому и почитаются современными. Иппократъ жилъ во

время Пелопонисской войны, ибо Афиняне воздвигли ему статую за услуги, оказанныя имъ въ продолженіе свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. Онъ былъ также современникомъ Персидскаго Царя Артаксеркса, ищечно приглашавшаго его ко двору своему. Такимъ образомъ видно изъ Истории Санхоніагона, Пивагора и Ликурга, что первый былъ современникомъ Судей, второй современникомъ Камбиза, а третий жилъ долго послѣ Гомера. — Такъ имя Еврипида напоминаетъ о томъ, что сей стихотворецъ родился во время занятія Ксерксомъ Еврина (*). —

III. Посредствомъ искусственной связи, которая производится удачнымъ

(*) Я видалъ дѣтей, которые такимъ образомъ, безъ помощи Хронологіи, находили отношеніе времени между двумя лицами, не бывшими даже въ действительной и посредственной связи, только посредствомъ одного размышленія. Зная происшествія, касающіяся до обоихъ, вращали онъ ихъ до тѣхъ поръ, пока открывалось нѣкоторое желаемое отношеніе, на примѣръ: Соловь жилъ ли ранѣе или позже Пророка Исаи? Соловь находился при дворѣ Креза, побѣжденнаго въ послѣдствіи Киромъ, а Исаи при дворѣ Иудейскаго Царя Ахаза; следовательно Иудейское Царство при немъ еще процвѣтало; оно пало уже послѣ, и только Киръ позволилъ Евреямъ возвратиться въ свое отечество. Отсюда заключить можно, что Соловь, современникъ Кирова, жилъ долго послѣ Исаи. Сей же мужъ жилъ во время Фараоновъ, концы существованіе прекратилось только при Камбизѣ, сынѣ Кирова, и долго до Персидско-Греческой войны, начавшейся уже при Даріи. —

сравненіємъ. На пр. Евреи перемѣнили Демократическій образъ правленія на Монархическій, когда Авиняне, жившіе до того подъ Монархическимъ правленіемъ, сдѣлали первый шагъ къ Демокраціи. Слѣдовательно Сауль и Кодръ современники. — Конфуцій въ Китаѣ восплаивалъ противъ пороковъ, копорые въ Греціи воспѣвалъ Анакреонъ, а въ Римѣ показывалъ на дѣлѣ сынъ Тарквинія. Три Эры возымѣли начало свое почти въ одно время: Олимпіады, основаніе Рима и Эра Набонассара. Самсонъ, Тезей и Аргонавты сославляющъ вѣкъ Героевъ, такъ какъ Солонъ, Заевкъ и Харондасъ вѣкъ Законодательей. —

Впрочемъ безъ познанія чисель никто не возможеть сдѣлаться Историкомъ, и поному съ малолѣтства необходимо упражняеть память свою къ удержанію чисель. Для сего сначала избираю я:

I. Крапчайшія числа, рѣдко доходяція до тысячъ. Оспавляю все пространство времени отъ сотворенія міра до пошова, что составляетъ 1656 лѣтъ. Равнымъ образомъ слегка только касаюсь всего періода отъ Ноя до Кира, чѣмъ шакже выигрываю около 2000 лѣтъ. Тогда уже считаю я отъ Рожд. Христу, нисходя до Кира, и самое крупное число у меня есть 555. И такъ память

при семъ приведеніи большихъ чиселъ въ меньшія получаетъ значительное облегченіе; но важнѣйшая выгода состоитъ въ томъ, что посредствомъ сего сокращенія избѣгается различіе Хронологіи Еврейской и Греческой и уничтожается весьма невѣрное лѣтосчисленіе отъ Сотв. Мір., которое, будучи почти во всякой учебной книгѣ различно, производитъ для учащагося затрудненіе (*).

II. Я употребляю дюжину круглыхъ чиселъ и полагаю ихъ по столбціямъ для вдохновенія, какъ бы гранями.

Вошь для опыта такіа легкіа числа. —

До Рожд. Христова.

1790. (**) Жиль Іосифъ и погибъ Огигъ. —

1492. Жиль Моисей. (Сколькоже лѣтъ спусти послѣ Р. Х. жилъ Колумбъ.)

(*) Я могу привести въ примѣръ славнѣйшихъ, особенно иностранныхъ Историковъ, которые по сей причинѣ въ своихъ сочиненіяхъ считаютъ лѣта назадъ отъ Р. Х., а не впередъ отъ С. М. Иначе нельзя поступать до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана справедливость какойнибудь старой Хронологической системы, и пока Европейскіе писатели не согласятся во времени, прошедшемъ отъ С. М. до Р. Х. —

(**) Въ 1790 г. издалъ Шлегель второе изданіе своей Исторіи. Пр. Пер.

888. Роскошествовала Сарданапаль, законодательствовала Ликургъ и основатель Картагенъ (*).

777. Олимпіады начинающъ бытъ извѣстными (черезъ сколько же лѣтъ по Р. Х. явился Карлъ Великій).

555. Царствовала Киръ.

444. Писалъ Иродотъ, отецъ Греческой Исторіи. —

333. Колобродилъ Александръ. —

221. Играли свою роль Аннибалъ и Чи-Гоанги; писалъ Римлянинъ Фабій. —

111. Шумѣли Кимбры и писалъ Киаецъ Семасіенъ. —

III. Наконецъ, при опредѣленіи длины періодовъ, позволяю я себѣ круглыя числа и полагаю на прим. отъ Псаммишиха до Псаммениша 150 лѣтъ, хотя ихъ прошекло только 146. По свойству самаго предмета начало и конецъ періодовъ не лзя назначить именно въ одинъ какой-либо годъ, но весьма часто должно относить оныя къ нѣсколькимъ годамъ, (напр. начало Персидскаго Государства при Кирѣ, а конецъ онаго при Софи).

(*) Другіе говорятъ: въ 9 вѣкѣ до Х. основанъ Картагенъ, въ 3 мѣ игралъ свою роль Аннибалъ и пр. Положимъ, что Картагенъ также легко соединить въ понятіи съ 9 вѣкомъ, какъ и съ 888 г., но въ моемъ выраженіи время гораздо опредѣленнѣе. Тамъ случилось я въ числахъ отъ 900 до 801, а здѣсь только около 888 г.

Изъ 10 сочинителей Историческихъ ручныхъ книгъ, прежде и послѣ меня, едва ли найдешь одного, кошорый бы въ семь случаевъ не позволилъ себѣ шаковыхъ круглыхъ чиселъ. —

Вошь все, что скажешь можно о Хронологической и Синхронистической связи отдѣльныхъ происшествій, или отдѣльныхъ рядовъ происшествій между собою и съ другими. —

Но все сіи происшествія, отъ Сотворенія міра до нашихъ временъ, должна душа воображать себѣ въ безпрерывности; Всемирная Исторія должна быть одною картиною, должна составить одно continuum. Естественно, что здѣсь должно дѣлить на часши, великую картину раздробить на малыя, изъ коихъ каждая будетъ составлять меньшее цѣлое; но и при первомъ преподаваніи должно уже имѣть въ виду, чтобъ послѣ ни одно происшествіе не оспалось оспровомъ, а представилось поначасъ со всѣхъ споронъ въ соединеніи съ другими и наконецъ, по совершеніи труда, изъ многихъ малыхъ картинъ составила бы одна большая. — Здѣсь главное затрудненіе состоитъ въ томъ, какимъ образомъ правила есте-

снвенной или дѣйствишельной связи происшествій соединить съ правилами временной связи или Синхронизма. Такъ на прим. если въ Исторіи Персіи, отъ Кира до временъ Шаха Надира; я не обращаю совершенно никакого вниманія на современные происшества прочихъ частей свѣта, по упущу изъ виду Синхронизмъ. — Если же я раздроблю сію Исторію на малыя части, и въ каждую изъ оныхъ включу извѣстія о другихъ современныхъ народахъ; то все цѣлое состоятъ будетъ изъ частей, и такимъ образомъ, удержавъ бѣдный Синхронизмъ, я потеряю связь дѣйствишельную. Здѣсь вѣшь другого средства, какъ дважды прочесть важнѣйшія всемірныя событія; одинъ разъ по способу Синхроническому или Хронологическому — вдоль, а другой разъ по способу Синхронистическому — поперегъ. — И такъ занимающійся преподаваніемъ Всемірной Исторіи долженъ помышлять о двоякомъ расположеніи своихъ матеріаловъ: Синхроническомъ по народамъ и Синхронистическомъ по спользіямъ. —

Н. Пельтъ.

Шлецеръ едва ли не прежде всѣхъ въ Германіи началъ искашь единства въ Исторіи. Онъ не нашель его, но ему принадлежишь деснигя честь указать другимъ дорогу. Въ предложенной спашь чипашели не прочшущъ Сисдемашическаго мѣтнія объ Исторіи, но встрѣяющъ многія намѣки и матеріалы для онаго. —

Между прочимъ я обращаю здѣсь вниманіе нашихъ учипшелей Исторіи, которые до сихъ поръ забивающъ память несчастныхъ своихъ пациеншвовъ годовыми числами, на облегченія, предложенныя Шлецеромъ. *М. П.*

К Р И Т И К А.

Духъ Карамзина или избранныя мысли и суждѣній сего писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорнѣй и Историческихъ характеровъ. Двѣ части. XV. — 279 — 293 стр. въ 8 ю д. 1827. Москва.

При первомъ взглядѣ на сію книгу родится вопросъ: въ чемъ заключается духъ писателя? — Ошвѣчаемъ кратко; во внутренней его жизни, которая составляетъ содержаніе его твореній. Изобразить духъ писателя значитъ раскрыть внутреннюю жизнь его, весь разнообразный міръ его мыслей и чувствованій, его способъ взирать на предметы — и все это подвесити подъ общее начало, отъ коего происходятъ всѣ произведенія ума его. Въ такомъ случаѣ мы взираемъ на писателя, какъ на особый міръ, ищемъ въ немъ единого закона, всѣ его феномены приводимъ къ ихъ цѣлости и сущности, и писателя дѣлаемъ предметомъ особой науки — и какъ говорится, *изучаемъ* его. — Посмотримъ, такъ ли поступилъ Издатель сей книги, предсавляя Духъ Карамзина?

Къ сожалѣнію — нѣтъ. Онъ избралъ путь обратный и вмѣсто того, чтобы

извлечь сущность из творений Карамзина, и приведши все его мысли и чувства къ одной мысли общей, одушевлявшей сего писателя, — онъ, перебравши все помы его творений, начиная отъ 1-го собранія опдѣльныхъ пѣсъ до XI тома Исторія, произвольно вырвалъ изъ нихъ часпики, собралъ ихъ въ двѣ части и думалъ въ нихъ вмѣстить весь духъ великаго писателя, который въ продолженіи шестидесяти лѣтъ развивался и въ печеніи 55-ти дѣйствоваль для блага Словесности. — Наблюдая живое произведеніе природы и желая постигнуть его душу, уже ли мы для сего станемъ разрывать его на части, разнимать по суставамъ? Душа невольно ускользнетъ во время сего мучительнаго опыта, и что останется? — Одни безжизненные члены. — Эпохъ опыта можно опнеси и къ собираемымъ мыслямъ и чувствованій. Здѣсь, на примѣръ, я не вижу живаго Карамзина, котораго читая, привыкъ воображать со мною бесѣдующимъ и въ порядкѣ излагающимъ свои мысли; нѣтъ, это Карамзинъ разчлененный, разнятый по суставамъ. Онъ и въ членахъ прекрасенъ; имъ и здѣсь плѣняешься, но съ этимъ чувствомъ наслажденія соединено чувство досады на того, кто шакъ немилосливо послушилъ съ его творе-

ніями. Упѣшимся тѣмъ только, что эшошь способъ — перомъ анапомировать писателей и *составлять ихъ духъ* — не у насъ изобрѣненъ, а изъ чужи занесенъ къ намъ, и посѣшуемъ о томъ, что мы до сихъ поръ не умѣемъ пользоваться прудами нашихъ писателей. — Но лучше, чувствуя слабость силъ своихъ, плашншь безмолвную дань благоговѣнія и признашельности почившему Генію и укрѣпляясь въ силахъ нравственныхъ, готовишь себя къ тому, чтобы сказашь о немъ умную и дѣльную правду, чѣмъ хвалишь его громкими и пустыми восклицаніями, доходящими до одного слуха, а не до ума и сердца.

Книга, нами разбираемая, могла бы по крайней мѣрѣ имѣть достоинство порядка. Еслибы собиращель изложилъ опдѣльно мысли Карамзина о различныхъ предметахъ, мы бы могли въ семь собраніи видѣть: вошь что думалъ Карамзинъ о Полипикѣ, о Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, объ Испоріи; вошь слѣдствія, которыя онъ выводилъ изъ своихъ наблюденій Историческихъ; вошь нравственные его мысли, сообразно съ коими онъ дѣйствовалъ. Въ такомъ систематическомъ собраніи мыслящій читатель могъ бы схватишь

и въ которыхъ главные черты, рисующія характеръ сего писателя. На примѣръ, изъ его мыслей нравственныхъ, еслибы онѣ были собраны въ порядкъ, можно бы извлечь слѣдующее замѣчаніе. — Карамзинъ предпочиталъ наслажденія внутренней жизни наслажденіямъ внѣшней. Жить душою — было любимой мыслию души его. До самой смерти онъ заботился о свѣтлой числотѣ приюта души своей, въ которомъ жилъ, и изъ котораго дѣйствовалъ на человѣчество. Вся жизнь его была посвящена тому, чтобъ очистишь, облагородишь, возвысишь душу и уединишь ее отъ суеты внѣшней. Кажется, самую Историю считалъ онъ для сего средствомъ, и живучи въ прошедшемъ, наблюдая жизнь своего опечесива, онъ хотѣлъ всякимъ происшествіемъ, всякимъ характеромъ историческимъ убѣдиться въ истинѣ своихъ собственннхъ правилъ, своего образа мыслей. Опъ этой мысли жить душою — происпекають его любовь къ семейственной жизни, къ созерцанію природы, которое было однимъ изъ любимыхъ занятій его юности и сдѣлало его поэтомъ, склонность къ дружбѣ, любовь къ человѣчеству и непрерывныя заботы о его нравственности, его оптимизмъ числнй и непршворный, его склонность къ ши-

хой задумчивости (*), къ бесѣдѣ съ самимъ собою. Карамзинъ рожденъ былъ не для практической жизни; не внимая внушеніямъ честолубія, онъ свою дѣятельность сосредоточивалъ внутри себя — и въ послѣдніе годы своей жизни какъ будто изъ другаго міра высылалъ къ намъ свои сказанія о нашемъ опечесивѣ. Въ этомъ отношеніи онъ родня современному Поэту нашему, который умолокъ для совершенія дѣлы важнѣйшей.

Обратимся къ книгѣ. Логическаго порядка въ ней нѣтъ. Вторая часть заключается, по словамъ издателя, обзоренія (?) и характеры главныхъ Историческихъ лицъ; но куда же опнести характеры Екашерины II., Петра I., Пошемкина, Румянцова, Суворова, Людовика XVI и другихъ, которые собраны въ первой части, заключающей по словамъ издателя однѣ мысли Философа, Патриота и Историка? Къ чему было разрывать на доскушки предисловіе къ Исторіи? Не лучше ли бы разобрать одно это предисловіе? Такой трудъ былъ бы полезенъ сего школьнаго собранія. Къ чему, напримѣръ,

---

(*) Доказательствомъ тому служить мнѣніе Карамзина, что первоначальной Поэзіей была Элегія. Такая, сладкая грусть, кажется, не ошлучалавъ отъ души его.

опиестя, къ обозрѣніямъ или характеристикамъ, опрывки во второй части собранные на спран. 3, 40, 41, 43, 45, 47, 48, 61, 62, 69, 71, 73, 208, 264 и проч? — Многіе опрывки вырваны такъ немилосердо, такъ оборваны, что жаль смошрѣшь на нихъ. Такъ [на пр. княженіе славнаго несчастіямя и мужествомъ Александра Невскаго и другія. Представьте себѣ гладкую, ровную, крѣпкую лкань, чисто опдѣланную рукою мастера, одареннаго вкусомъ рѣдкимъ: рвите ее руками какъ ни попало на нескладные лоскушы — что вы увидите? — одни мохры, не дающіе даже понятія о достоинствѣ цѣлой матеріи, — и что сказали бы мастеръ, поглядѣвъ на свою исперзанную работу? —

Что наконецъ сказать о примѣчаніяхъ, кошорыми издатель снабдилъ свое собраніе? Мы полагали, что найдемъ въ нихъ матеріалы для будущей біографіи Карамзина. Здѣсь бы можно показатъ, какъ поспешенно развивался его образъ мыслей, — какъ онъ наконецъ въ Исторіи доказалъ то, что прежде неясно носилось въ душѣ его, — не измѣнялъ ли онъ своихъ прежнихъ мыслей и что было причиною сей перемѣны, — какое вліяніе имѣли его мысли на время, въ кошорое онъ являлись и на

крутъ, въ коемъ онъ дѣйствоваль, — какія изъ сихъ мыслей собственно принадлежатъ ему и какія онъ заимчивоваль? — Но что находимъ вмѣсто всего эшаго? — одни пустые комплименты, часно не кешаши приведенные. Эша любезная ошкровенность издашеля совершенно лишняя. Люди великіе при жизни мимо ушей пропускають похвалы многословныя, и по смерти услышатъ ли ихъ они — въ снѣ покая и ошдыха опъ жизни многотрудной перешедшіе? А умные современники, чшители великихъ, умной правды шребующіе опъ кришиковъ, невольной улыбкой ошвѣчаютъ на комплименты неумѣстныя. Что ничтожный лепшъ для обладашеля сокровищъ? Лучше ошдайше его шѣмъ нищимъ въ обществѣ ученыхъ и Лишперашоровъ, кошорые смиреннько собирають подааніе кришики въ просшорныя сумы своего самолюбія.

„Юноши, шпремящіеся на славное „поприще Наукъ и слова!“ восклицаетъ издашель въ своемъ предисловіи, „сія книга принадлежитъ вамъ исключишельно.“ — Въ прошивность Г-ну издашелю, восклицаемъ мы: „Юноши, шпремящіеся на славное поприще Наукъ и Слова! не берите въ руки эшой книги, а возьмите съ благоговѣніемъ цѣлыя шворенія Карамзина, наслаждайтесь ими

и учишься изъ нихъ — прудишься и излагаешь свои мысли, старайтесь чаще повпорять сладкія впечатлѣнія; чтеніемъ такихъ книгъ производимыя; — онѣ созрѣютъ со временемъ и принесутъ вамъ плодъ богатый, который вы достойно, какъ жертву благодарности, возложите на алтарь почившаго наставника вашего, воздвигаемый ему обществомъ и вами.“

Первый Зоилъ.

Александрова, современная Поэма въ 24 хѣтвѣсахъ. Сочиненіе Павла Свѣтина. Часть первая. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1827. 362 с., а съ спискомъ особъ, на оную поэмѣ подписавшихся, 369 с. въ 8 ю д.

Димитрій Донской, или начало Россійскаго Великія. Героническая Поэма. Сочиненіе Александра Орлова. Москва Въ Университетской Типографіи, 1827. 99 с.

Честъ и слава Парнассу Русскому! Вдругъ два Поэты Эпическихъ принесли двѣ Героническія Поэмы на алтарь Музъ и Феба! — Сии два Эпика какъ будто нарочно согласились вмѣстѣ явиться на поприще Словесности, чтобы намъ легче было единымъ взглядомъ обнять ихъ и въ параллели представившъ читателямъ.

Г. Орловъ естъ Поэтъ чистю Эпическій, ибо онъ пишетъ шестиспопнымъ ямбомъ; а Г. Свѣчинъ чистю Лирическій, ибо пишетъ чепырехспоннымъ ямбическимъ размѣромъ и на спрофы раздѣляетъ свои пѣсни. Стихи перваго подобны тяжелымъ размахамъ меча Тапарскаго; въ стихахъ втораго, кажется, слышенъ визгъ пуль, свистъ, прескъ карпечъ, грохонъ пушекъ, *рубленье конныхъ толпъ*; изобрѣшеніе огнеспрѣльнаго оружія весьма помогало воображенію Поэта, его стихи похожи на перепалку боевую; они, говоря его собспвеннымъ выраженіемъ,

Съкутся . . . рѣжутся . . . губятся ? . . .

Мертвятся въ злоехидствѣ дѣль.

Первый описываетъ спокойно, и тихо паритъ надъ своимъ зрѣлищемъ. У него герои произносятъ посреди битвы длинныя монологи. Онъ гурпомъ или поименно описываетъ падающихъ съ какимъ-то мужеспвеннымъ равнодушіемъ. У него

Въ крови валяется Валуевъ Тимошей.

У Г-на Свѣчина другая замашка: онъ какъ будто самъ участвуемъ въ дѣлѣ и стихами палитъ во враговъ опечесива; онъ не гурпомъ, а порознь, ноне именуя, описываетъ смертъ каждаго воина, на пр.

Иный съ прострѣленной спопою,
 Иный съ разсѣченной главою,
 Иный съ разрубленнымъ лицемъ;
 Иный проколошь — слабнуть силы;
 Иному смерть прервала жилы;
 Инаго — растерзала вѣсьмъ!

✱

Иному — сшегно раздвоила,
 Иному — ринулась въ горшань,
 Иному — мышцы раздробила,
 Иному — сокрушила длань;
 Инаго — раздрала ушробу,
 Инаго — въ грудь вонзила злобу,
 Инаго — въ рамена впилаась;
 Иной — въ сосавахъ изможденныхъ;
 Иной — во членахъ пошребленныхъ...!
 О кровь несмѣшна промлаась!

Кто не согласишься, что Г. Свѣчинъ всѣхъ досель извѣстныхъ Поэзовъ превзошелъ въ фигурѣ Единначашія, и кто изъ будущихъ сочинителей Риторики не впишетъ этаго золотого примѣра въ свою книгу? — Г. Свѣчинъ вообще любилъ подробности; онъ этаго онъ и написалъ 24 пѣсни. Вотъ еще примѣръ удачнаго описанія мѣстности:

Въ Шевардинъ — гроза напора,
 Въ Доронинъ — толпами тьмы,
 Въ Алексинкахъ —^аряды собора,
 По Войнѣ сонмы — слымишь умы ...

Корсъ полица пошавилъ зѣлны
 Вокругъ Рыкачева и Ельны,
 Предъ Оомкиной по вѣмъ мѣстамъ,
 У Рахова — въ размогахъ скашыхъ,
 Головина — въ долахъ покашыхъ,
 Въ Вауевъ — Вошель самъ;

Такихъ подробностей не встрѣчаемъ въ поэмѣ Г. Орлова; но онъ за то имѣеть другія достоинства неопшѣемлемыя.

Изъ всего эшаго ясно видно, что Г. Орловъ воспламенялся прошедшимъ, а Г. Свѣчинъ воспѣвалъ настоящее, которое зрѣлъ своими глазами.

Г. Орловъ уступилъ Г. Свѣчину въ числѣ пѣсень, ибо первый написалъ только 4, а второй написалъ въ шестеро его болѣе; но Г. Орловъ имѣеть по преимуществу передъ Г. Свѣчинымъ, что онъ уже кончилъ свою поэму, а этотъ еще выдасъ 18 пѣсень! — Фебъ да надѣлалъ его шерпѣнемъ!

Въ заключеніе скажемъ, что въ первый разъ Зоилы правду говорятъ объ Гомерахъ и воздають имъ должное! —

Первый Зоилъ.

Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго гина Грекороссійской церкви. Санктпетербургъ, въ типографіи Ивана Глазунова, и его иждивеніемъ. 1827, въ 8 д. Томъ I, с. 343, Томъ II, с. 333, LXXVI.

Нѣтъ нужды, полагаю, говорить много о пользѣ и даже необходимости, слишкомъ очевидной, подобныхъ Словарей въ Липшерашурѣ. Они весьма много облегчаютъ труды ученыхъ, занимающихся науками, къ области которыхъ относятся. Такъ съ объявляемымъ здѣсь Словаремъ часшо будетъ справляться при своихъ изслѣдованіяхъ и Историкъ Русскій, и Липшерашоръ, и Филологъ, и даже неученый читатель, и всякой разъ получишь опивѣшь удовлетворительной о нужныхъ для себя лицахъ. — Кромѣ сей пользы, общей сему Словарю со всеми подобными сочиненіями, онъ имѣетъ еще свое особенное достоинство: въ немъ находится множество *новыхъ* матеріаловъ, и множество указаній на новые матеріалы Исторіи Русской Политической, Церковной, Липшерашурной — матеріалы, о коихъ не было у насъ никакаго свѣдѣнія. Сочиненіе его сопряжено было съ великими затрудненіями, и только особенное спешеніе благопріятныхъ обстоятельствъ привело сочинителя въ состояніе со-

спавишь оный. Труды нашихъ духовныхъ хранятся болшею часію въ рукописяхъ; и не имѣя случая пользоваться главнѣйшими библіотеками, нельзя и думать о подобныхъ предпріятіяхъ. И такъ отечественные ученые должны принести благодарность Сочинителю за то, что онъ не упустилъ случая воспользоваться воспользованными средствами. Сколько, къ сожалѣнію, видимъ мы людей, копорые, обладая у насъ драгоценными матеріалами, ни сами не создаютъ, ни другимъ не даютъ создавать! Теперь — объ исполненіи. Два главныя требованія отъ подобныхъ словарей: полнота и вѣрность. Рецензентъ, не имѣя потребныхъ свѣдѣній о рукописной нашей Литтературѣ, не можетъ произнести здѣсь рѣшительнаго мнѣнія, и скажетъ только, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, коихъ содержаніе ему нѣсколько извѣстно (напр. о Кириллѣ и Меѳодіи, Несторѣ), что сочинитель имѣлъ въ виду все извѣстныя изслѣдованія и представилъ ихъ результаты въ предѣлахъ, означенныхъ его цѣлю. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что сочинитель *нерѣзко* опровергаетъ то, что по единогласному рѣшенію нашихъ Критиковъ опровергнуто, напр. Іоакимова Лѣтопись, Словено - Русскія руны, до Христіанства употреблявшія-

ся, рожденіе Несторова на Бѣлѣозерѣ и проч., и одинакимъ, шакъ сказать, тономъ говоришь иногда о мнѣніи какого нибудь Шлецера и о мнѣніи какого нибудь Елагина.

Къ концу приложены списокъ азбучный и Хронологическій духовныхъ писателей.

Изъ онаго видно, что въ печеніи почти тысячи лѣтъ, писателей духовныхъ у насъ было 268 (въ 9 и 10 вѣкѣ 7, въ 11 мѣ 10, въ 12 мѣ 10, въ 13 мѣ 4, въ 14 мѣ 18, въ 15 мѣ 25, въ 16 мѣ 58, въ 17 мѣ 71, въ 18 мѣ 85) (*).

Первыми духовными писателями были у насъ Греки (съ небольшими исключеніями), за ними слѣдовали Малороссіяне, и уже только съ 18го столѣтія являющіяся Великороссіяне.

Главнѣйшіе изъ нихъ, и по своимъ сочиненіямъ и по вліянію на современниковъ, суть слѣдующіе: *Кириллъ и Меѳодій*, Греки, (въ 9 вѣкѣ) безсмертные изобрѣтатели Словенской грамоны и предложители Священныхъ книгъ. *Несторъ*, (въ 11 вѣкѣ) первой Русскій Лѣтописатель. *Стефанъ*, просвѣтитель Перми, (+1396). *Иосифъ Волоколамскій*, (+1516)

(*) Жившіе въ концѣ одного вѣка и началѣ другаго отнесены къ тому вѣку, въ которомъ родились.

пылкій обличитель ересей. *Максимъ Грекъ*, (+1556), знаменитый сочинитель, переводчикъ и исправитель Словено-Русскихъ переводовъ священныхъ книгъ. — *Митрополитъ Макарій* (+1564), примѣчательный въ Исторіи нашего просвѣщенія по участию, которое принималъ онъ въ сочиненіи Чепи-Миней и спененныхъ книгъ и учрежденіи первой типографіи. *Священникъ Сильвестръ*, (+1560) столь примѣчательный въ Исторіи Іоанна Грознаго. *Іоаннъ Федоровъ*, (+1583) дьяконъ, первой нашъ типографщикъ-Энпузіастъ. *Лаврентій Зизаній*, (въ нач. 17 в.) Пропопозъ Липовскій, сочинитель первой Словенской Грамматики. *Іовъ* (+1607) первый Патріархъ Россійскій, другъ Бориса Годунова. *Гермогенъ*, (+1612) в орый Патріархъ, Патріотъ пріавшій мученическую смерть отъ руки Поляковъ. *Архимандритъ Діонисій* (+1632) и *Келаръ Аерамій Палицынъ* между 1621 + и 1629), пріугошовившіе освобожденіе Россіи отъ Поляковъ. *Памва Берында*, (+1632) сочинитель первого Словено-Русскаго Лексикона. *Филаретъ*, (+1633) Патріархъ, отецъ Царя Михаила Романа. *Петръ Могила*, (+1646) славный Митрополитъ Кіевскій, основатель Кіевской Академіи, ревнитель Греческаго православія, сочинитель мно-

гихъ книгъ духовнаго содержанія, — мужъ приснопамятный въ Исторіи нашего просвѣщенія. *Мелетій Смотрицкій*, Архіепископъ Полоцкій (+1663) мужъ весьма извѣстный въ Исторіи Уніи, сочинитель Словенской Грамматики. *Епифаній Славинецкій*, (+1676) Иеромонахъ, мужъ ученѣйшій, предпринимавшій перевести вновь все священное писаніе съ Греческаго языка, переведшій многія сочиненія Святыхъ Отцевъ, собравшій Лексиконъ Греко-Словено-Россійскій по просьбѣ Боярина Рпищева. *Симеонъ Полоцкій*, (+1680) воспитатель Царя Феодора Алексѣевича, преложишель Псалмири въ стихахъ силлабическихъ, и участникъ въ нашихъ духовныхъ распряхъ. *Никонъ*, (+1681) Патріархъ Всероссійскій, исправитель церковныхъ книгъ, игравшій такую важную роль въ Исторіи Царя Алексѣя Михайловича и нашихъ расколовъ. *Иннокентій Гизель*, (+1684) Архимандритъ, благодѣтель и попечитель, по выраженію Петра Могилы, Кіевскихъ училищъ, и сочинитель Синописа примѣчательнаго въ Литшературномъ отношеніи. *Димитрій, Ростовскій Митрополитъ*, (+1709) издатель Чеши-Миней, обличитель раскольниковъ, мужъ достопамятной по своей учености и святымъ добродѣтелямъ. *Братья Лихуды*, (+1717, 1730), уче-

ные Греки, первые Училиши въ Законо-спасской Московской школѣ, основатели Греко-Ладино-Словенскихъ школъ въ Новгородѣ, исправители перевода Библии, много посправавшие въ духовныхъ распряхъ, въ коихъ они принимали многочисленными своими сочиненіями дѣятельное участіе. *Стефанъ Яворскій* (+ 1722) другой сподвижникъ Пепровъ, славный ученый, сочинитель *Камня евры*, бывшего предметомъ жаркихъ споровъ и въ чужихъ краяхъ. *Феофанъ Прокоповицъ*, (+1736) Архіепископъ Новгородскій, знаменитый сподвижникъ Пепра Великаго, участвовавшій во всѣхъ перемѣнахъ, произведенныхъ симъ Государемъ въ нашемъ духовенствѣ, проповѣдникъ, сославившій эпоху въ Испоріи языка Русскаго, сочинитель, почтенный Европою, придворный проицапельной, и наконецъ покровитель Ломоносова. *Феофилактъ Лопатинскій*, (+1741) участвовавшій вмѣстѣ съ Лихудами въ исправленіи перевода Библии, и знаменитый своими спраданіями, и проч. —

Многія изъ сихъ спашей по занимательности своего содержанія и полнотѣ имѣющъ достоинство Біографій. Всѣ написаны слогомъ чистымъ и правильнымъ.

Рецензентъ не можеть не сдѣлать здѣсь жсташи двухъ замѣчаній, къ коимъ подало ему поводъ чшеніе сего Словаря. Горячія прѣнія о Вѣрѣ почти не умолкали между нашими духовными, и между тѣмъ онѣ раздаваясь только въ монастырскихъ оградахъ не имѣли никакого вліянія на мірянъ, (раскольники въ семъ отношеніи сюда не относятся), а въ прочей Европѣ имѣли непосредственное вліяніе на просвѣщеніе, способствуя къ возбужденію умовъ. Опъ чего это?

Въ Русской Исторической Литтературѣ недоспаеть двухъ важныхъ сочиненій: Сисематики-крипической Исторіи нашихъ духовныхъ распрей и такой же Исторіи нашихъ расколовъ.

М. П.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Атласъ Всемирной Исторіи, или собраніе картъ, таблицъ и проч., коими изображаются всѣ важнѣйшія событія въ исторіи міра, начиная отъ самыхъ первыхъ преданій до настоящаго времени. Часть первая: Атласъ древней Исторіи и Географіи Египта и Эіопіи въ IX листовъ съ картами, таблицами и объяснительнымъ текстомъ, Рюля Фонъ Лиліенштерна. 1827. 302 стр. въ 8-ю д. Атласъ въ листъ. *Universal historischer Atlas von Kühle von Siliensfern.*

Въ этомъ Атласѣ мы видимъ начало предпріянія, служащаго новымъ доказательствомъ любви къ наукамъ Историческимъ, господствующей особенно въ Германіи. — Издашель имѣеть цѣлю — представити *видимо* всю Исторію всемірную посредствомъ таблицъ, картъ и другихъ изображеній. Чтобы это не было простымъ собраніемъ картъ и таблицъ, — надлежало для сего принять за основаніе соединеніе познаній Географическихъ и Историческихъ. Въ семъ-то и заключается преимущество новѣйшаго воззрѣнія на Исторію, доказанное трудами многихъ мужей ученыхъ; но всѣ они уступаютъ сему изданію въ объемъ плана. *Предисловіе* заключаетъ въ себѣ составъ сего обширнаго плана и

превосходное разсужденіе о существъ Исторіи и способъ ее размашривающъ: здѣсь рѣшишельно доказано, что она, какъ наука, не одни факты излагать должна, но взаимную связь ихъ между собою — въ прошивность Историкамъ эмпирическимъ. По плану издашеля все его сочиненіе раздѣляется на чешыре главныхъ періода: на первоначальную Историю Миноевъ, объемлющую Египтянь, Ассириянь, Персовъ и проч.; на древнюю или Историю Грековъ и Римлянъ, отъ времянь Гомеровыхъ до переселенія народовъ; среднюю до ошкрышія Америки и Ост-Индіи; новую отъ настоящаго образованія государствъ Европейскихъ до нашихъ времянь. „Цѣль моя, говоришь издашель въ шекспѣ, не новое что-либо представишь, но собрать сколь можно полнѣе частныя ошкрышія и замѣчанія объ Историі разсѣянныя въ трудахъ опдѣльныхъ и мало извѣстныхъ; въ Аншасѣ же хощь я совокупить всѣ досель изданныя карты и шаблицы Историі, опличающіяся какъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ и оригинальностью въ представленіи.“

Довольно о планѣ цѣлаго. Онъ болѣе объяснитса, когда изложимъ содержаніе первой части шекспта и Аншаса, при немъ находящагося. Предметы оной часъ

пи Эѳіопія и Египетъ. Сначала объ *Эѳіопіи*. Издашель, согласно съ Гереномъ, въ долинахъ Нила выше Египта до Мерое ищетъ кореннаго народа Эѳіопянь, въ послѣдствіи населившаго опчастіи самый Египетъ. Для сего приложена первая таблица содержащая: 1) Государство Мерое и Аксумъ по Маннершу. 2) Таблицу горъ Эѳіопскихъ по Ришперу. Сіи два изображенія опличаются искусствомъ опдѣлки. 3) Эѳіопію подревнѣйшему (не Гомерову ли?) описанію. 4) Мерое и Эѳіопію по извѣстіямъ писателей Греческихъ и Римскихъ. 5) Аксумъ по монументу Адуля. Сіи пять изображеній, умѣщенные на одномъ листѣ, довольно велики и совершенно ясны. Опсальная половина эпои части посвящена Египту и раздѣлена на слѣдующія опдѣленія: I. *объ именахъ Фараоновъ и Героглифахъ*. Здѣсь послѣ обзорія Историческаго излагающагося результатовъ изслѣдованій Шамполіона младшаго и разбирается его метода. Таб. IV, V, къ сему приложенныя, изображаютъ объясненныя имъ іероглифы. Кромѣ Шамполіона, издашель пользовался сочиненіемъ Сальша. Имена и пшшулы Царей опъ XVIII династии до XXIX объяснены по мѣнїямъ сихъ писателей. II. *О Лѣтосчисленіи при Фараонахъ*. Здѣсь Издашель, показавъ шрудность сихъ изслѣ-

дованій но недоспадку совершенному аспрономическихъ наблюденій и лѣтописей Египетскихъ, начинается оцѣнкою источниковъ.

Никто не усумнится, что Египетская Исторія по преимуществу основана на памятникахъ; но опредѣлить степень ея опъ ихъ зависимости — предоставлено дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь разбирается всякій дѣписатель, начиная опъ Иродота; но не только одни древніе, но и важнѣйшіе изъ новыхъ опъ Марзама до нынѣшнихъ Историковъ, со всеми ихъ системами. Къ сему принадлежатъ Таб. V. *династіи* по Манешону, Юлію Африкану и Евсеію Памфилійскому и Таб. VI. сводъ различныхъ лѣтосчисленій Египта опъ Персидскаго завоеванія, по разнымъ писателямъ, Синкеллу, Иродоту и Діодору — слѣдуя Ларше и другимъ ученымъ. III. *О Техническомъ лѣтосчисленіи Египтянъ*, о назначеніи года и цикловъ, сопитического и цинического, и періодовъ Феникса. IV. *Синхронизмъ Манетоновыхъ династій* по сочиненію д'Ориньи, въ Германіи мало извѣстному, а именно: *Chronologie des Rois du grand Empire des Egyptiens*, и по Гаппереру. Первому посвящена Таб. IV, послѣднему VII. Также и рядъ Фараоновъ по Шамполіону *Фижаку* представлень въ опъ

дѣленіи таблицы VI. Такимъ образомъ вы имѣете передъ глазами всѣ матеріалы для сравненія системъ. Въ шретьемъ отдѣленіи: о *первоначальномъ народонаселеніи Египта* и соприкосновеніи Египтянъ съ другими народами, изложивъ всѣ различныя о томъ мнѣнія и основанія оныхъ, издатель полагаетъ, согласно съ родословіемъ Ноа, что Нижній и Верхній Египетъ съ разныхъ сторонъ получали своихъ обитателей; первый отъ Суецкаго перешейка, второй — съ Юга. На VIII. таб. остроумнѣйшимъ образомъ представлены въ картинѣ всѣ *входы и исходы народовъ въ Египетъ и изъ Египта*. Рецензентъ замѣтитъ однако, что должно было исключить переселенія индѣйскія, почерпнутыя изъ Вильфорда; вѣроятно неизвѣстно издателю, что Браминъ ошибочными названіями справъ и мѣстъ ввелъ Вильфорда въ заблужденіе, по собственному его признанію. На этой таблицѣ для большей полноты собраны вѣсть баснословныя и Историческія преданія, а въ текстѣ все объяснено подробно. За симъ слѣдуетъ отдѣленіе: 1 *Гиксы* (Цари Пастыри). Издатель, сравнивши сказанія Іосифа и другихъ съ святыми преданіями Моисея, въ таблицѣ *видимо* представляетъ всѣ существующія до сихъ поръ гипотезы

зы, о происхожденіи и времени пришествія въ Египеть. По его мнѣнію всего вѣроятнѣе, что цвѣтущее время Гиксовъ совпадаетъ со временами Авраама, Іакова и Іосифа, ихъ изгнаніе съ угнетеніемъ Израиля, ихъ пришествіе съ возросшимъ могуществомъ Ассиріанъ, которое и подвинуло ихъ къ Западу: они же, сами по сродству племени благопріятельствуютъ Евреямъ. — Мы съ своей стороны принимаемъ за гипотезу это сравненіе Гиксовъ съ Іудеями, и основываемъ рѣшеніе сего вопроса на однѣхъ преданіяхъ Манета и памятниковъ, на коихъ изображены сраженія Гиксовъ и ихъ изгнаніе: по симъ даннѣмъ арабское ихъ происхожденіе, кажется, неподвержено сомнѣнію; вѣрнѣйшее же опредѣленіе времени ихъ пришествія и владычества зависитъ отъ почившаго истолкованія памятниковъ. Но мы согласны со мнѣніемъ Издателя, что время ихъ владычества не должно почитать въкомъ продолжительнаго варварства; въ Исторіи нѣрѣдки примѣры тому, что кочующіе завоеватели замѣтствуютъ свѣтъ образованія отъ побѣжденныхъ народовъ. Къ послѣднему весьма ученому отдѣленію: *о Географіи во времена Фараоновъ*, приложена IX таб., содержащая пять небольшихъ превосходныхъ картъ: 1) нижній Еги-

пепель во времена древня по Реннелю 2). Египетель во время Гиксовъ по Ориньи 3). Тоже по Гаппереру 4). Средня Египетель во время Фараоновъ съ прилежащими странами Ливией и Аравией 5). Египетель раздѣленный на номы съ Египетскими названіями (по сочиненію Шамполіона): обо всемъ эшомъ приложены въ Текстѣ нужные изслѣдованія.

Вотъ планъ и достоянство сего важнаго предпріянія. При столь великихъ успѣхахъ Исторіи, при такомъ множествѣ скопившихся матеріаловъ необходимо имѣть ихъ полное сравнительное обзоріе. Вторая часть Атласа, по извѣщенію издашеля, будетъ заключать Исторію Ассиріянъ, Персовъ, Финикіянъ и отрывки изъ Индійской; третья — общвенную Историю и Географію Вепхаго Завѣша. Если сіе обѣщаніе будетъ съ такимъ же успѣхомъ исполнено, то мы въ правѣ обѣщанъ ученымъ важное пособіе для изученія книгъ Вепхаго Завѣша и въ обязанности — пожеланъ совершеннаго успѣха въ дальнѣйшемъ исполненіи сего общепользнаго предпріянія.

(изъ С. г. А.) III.

Zur Urgechichte des Deutschen Volksstamm's von H. Schulze. 1826 IV u 410 с. Матеріалы для древней Исторіи Нѣмцовъ, соч. Шульца.

О сей книгѣ описывающагося какъ о важномъ Испорико - крипическомъ сочиненіи. Вошъ обзорніе изслѣдованій: *Ибито о Римскихъ войнахъ въ Германіи, и о мѣстѣ Германовой битвы (съ Варомъ)*. Г. Шульцъ полагаешъ, что сія славная въ Нѣмецкой Исторіи битва происходила не близъ Ельзе, а даље, къ Западу, близъ Гамма (Hamm.). II. *Опыты о первыхъ Историческихъ границахъ Нѣмецкаго племени относительно его мнимаго переселенія*. Здѣсь Авпоръ пускаешъ въ Лабиринтъ глубокой древности. Вошъ его основныя положенія: Нѣмцы обитали искони въ нынѣшней Германіи, часпи Италіи и Белгіи, равно какъ и въ Скандинавіи (Аннибалъ нашелъ уже въ Пеннискіихъ Альпахъ Semigegtanos, а Пиееасъ Нѣмцовъ въ Скандіи). Походы Готтеовъ и Кимвровъ указываюшъ на дорогу, взящую Нѣмецкими народами, не съ Востока на Западъ, а къ Западу на Востокъ, къ Пониу. Точно шакъ и Словене не селились, а жили во всей воспочной Германіи и Европѣ съ древнѣйшихъ временъ; Нѣмецкія воинственныя племена (которыя Авпоръ называешъ Вандальскими) по-

селились между ими, какъ побѣдители, какъ Феодальные господа, подобно Франкамъ между Галлами, Лангобардамъ между Италіанцами. Посему среднюю Исторію Восточной Германіи почитаемъ Авшоръ повпореніемъ древней. Сіе доказывается и пѣмъ, что Нѣмцы не имѣли на своемъ языкѣ словъ для означенія рабства, а употребили слова Словенскія (Sklav, Lazzi, Leute, Linci, Lucii). Но такъ какъ имя Словенъ является только послѣ переселенія народовъ, то въ Европѣ Оракіицы (или Азіицы, Азіен) и Словене суть имена одного и того же народнаго племени, искони господствовавшаго въ восточной Европѣ. — Нѣмцы въ древности вели кровопролитныя войны въ Словенскими племенами и во время сихъ войнъ образовалась Феодальная Система, при переселеніи ими повсюду разпространенная. — Рабства въ древнемъ Нѣмецкомъ уложеніи не было, а произошло оно въ слѣдствіе войнъ съ Словенами, кои были первыми рабами. Имя Лазовъ и Луповъ (Lazzen, Lutep) какъ первыхъ крѣпостныхъ дюдей, означаетъ единоплеменниковъ Словенъ, обитавшихъ въ восточной Германіи. Въ древней Нѣмецкой Исторіи должно различать сущность и взаимное вліяніе двухъ различныхъ народныхъ племенъ, составившихъ одно

цѣлое, господствующаго Нѣмецкаго и подвластнаго Словенскаго; почно также и въ развитіи Нѣмецкаго уложенія должно различать основаніе Нѣмецкое отъ Словенскаго, и проч. III. *О началѣ Нѣмцевъ по Тациту, Исторія, три-рода IV Нѣмто къ Исторіи Нѣмецкаго племени.* Въ семь изслѣдованій Авторъ пускается уже во времена предположныя!! —

Приращенія Прусскаго Королевства, съ 12 столѣтія. Карта съ объяснительною книжкою, Соч. Мёллера. 1825 г.

Карта не безъ Историческаго достоинства и очень явственно показываетъ постепенное, по частямъ, разпространеніе предѣловъ Пруссіи. Области означены числами, соотвѣствующими показаннымъ въ текствѣ. Приобрѣшенія означаются разными красками по столѣтіямъ.

Изъ описанія Мёллеровой карты Рецензентъ не видитъ, чѣмъ она преимуществуетъ предъ Картами Ласказовыми. У послѣдняго прибрѣшенія означаются разными красками не по столѣтіямъ, а по Государямъ, и это кажется удобнѣе. —

Такія карты не обходимы для изученія Исторіи не только начинающимъ, которые все видимое гораздо легче

запечатлѣваюиъ въ своей памяти, но и знакомымъ съ наукою, которыми онѣ облегчаюиъ общее обозрѣнiе. Замѣнимъ здѣсь къ спашу, что для подобной Карты Россiйскаго Государства не положено у насъ никакого еще основанiя. — По мнѣнiю Рецензента вотъ какъ должно бы составить ее: За начало Государства должно принять наслѣдiе Великаго Князя Иоанна Даниловича Калиты, (какъ за начало Французскаго Государства принято у Ласказаса наслѣдiе Гуга Капета), и означитъ оное на пеперешней картѣ Россiи какою нибудь краскою и числомъ. Потомъ другою краскою и числомъ означитъ его прiобрѣтенiя, съ объяснительнымъ текстомъ. Далѣе прiобрѣтенiя Симеона Гордаго и проч. до нашихъ временъ. Для Россiйской Истори такихъ Картъ нужно много: карта Кiевскаго Княженiя, Черниговскаго, Тверскаго, Рязанскаго, Новгородской области и проч. —

У насъ, къ сожалѣнiю, при изученiи Истори вовсе не употребляется никакихъ картъ, и намъ сполько же чужды всѣ изобрѣтенiя педагогическiя, какъ большая часть Англiйскихъ машинъ для нашихъ фабрикантовъ. —

Спруве въ Кенигсбергѣ издалъ первую часть сочиненiя *о Полибiевой Ис-*

торіи Етолійскаго союзу. Въ сей первой частіи заключаеяся полько введеніе къ собственному сочиненію, ибо въ немъ нѣтъ еще ни слова объ Епольскомъ союзѣ, а говорится вообще о Полибіи, какъ Историкъ. По сообщеніи необходимыхъ свѣденіи объ опечестивъ Полибія, разсуждаеъ сочинитель о цѣли его Исторіи, о времени сочиненія оной, которое должно бытъ опнесено ко времени, слѣдовавшему за разрушеніемъ Коринѳа и Карфагена, (146 л. до Р. Х.) Поколикъ Полибій *могъ* писать правду, какіе были у него источники? Съ какой точки смотрѣлъ онъ на Исторію и на міръ? Наконецъ, поколикъ *хотѣлъ* онъ говорить правду? Какое имѣлъ опношеніе къ Римлянамъ, къ Грекамъ, къ Арапу. — Можешъ бытъ найдутся возражатели на нѣкоторыя мысли сочинителя, но должно признасться, что многія его замѣчанія очень важны и способствуя къ дальнѣйшимъ изысканіямъ объясняющъ опносительно предметъ, весьма важной въ Исторіи. Желательо скорѣ видѣть вторую часть сочиненія, въ которой будетъ предложено изысканіе объ Эпольскомъ союзѣ по Полибію, — темъ болѣе, что объ этомъ еще не разыскивали исключительно.

Читая сіи и прочія извѣстія о книгахъ Нѣмецкихъ Историческихъ, удивляешся

трудолюбію Нѣмцевъ и тѣмъ успѣхамъ, съ которыми они обрабатываютъ Историю. Въ какомъ видѣ была сія наука въ прошедшемъ столѣтіи и въ какомъ она нынѣ? Замѣтимъ еще, что Нѣмцы обрабатываютъ теперь преимущественно критически матеріальную часть Истории, и хотя на всѣ почти сочиненія распространяется вліяніе новой Теоріи, однако собственно Теоретическихъ сочиненій выходитъ еще мало. Но притакихъ изысканій, при такомъ Критическомъ очищеніи и разпредѣленіи матеріаловъ, Теорія, повторимъ наше прежнее замѣчаніе, сама по себѣ будетъ усовершенствоваться.

Versuch eines Entwurfs zu einer städtischen Gesindeordnung, Опытъ о правахъ и обязанностяхъ челядницевъ въ городахъ. Соч. Ашера. 1826.

Авторъ предлагаетъ въ сей книгѣ планъ успроенія класса служилыхъ, полагая главною мыслію, что на служилыхъ должны смотрѣть какъ на низшихъ членовъ семейства (домочадцы). Съ сей точки онъ разсматриваетъ права и обязанности ихъ и жалѣетъ, что до сихъ поръ въ Германіи смотрѣли только на послѣднія, хотя уже и Іосифъ II думалъ о первыхъ. —

(Изъ разныхъ Иностр. Журн.) М. П.

С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ изъ письма.

. . . . На прошедшей почтѣ получили вы портретъ В. Скопша; мы съ нетерпѣніемъ ждемъ того же отъ Москвитина, который имъ будетъ украшенъ. Этому портрету имѣетъ два достоинства: во-1 хъ, за вѣрность его можно поручиться; во-2 хъ онъ рисованъ съ натуры однимъ изъ известнѣйшихъ нашихъ молодыхъ художниковъ, *Александромъ Брюловымъ* который безпрестанно совершенствуется для славы Русскаго искусства. Вы знаете, что онъ, посвятивъ себя Архитектурѣ, занимался здѣсь подъ руководствомъ Монферрана, которому поручено было строеніе Исакиевской церкви; въ 821 году, благодаря попеченіямъ Правительствъ, онъ получилъ способы отправиться въ Италію. Хотя цѣлю сего путешествія собственно было Зодчество, но его способность къ портретной живописи вскорѣ обратила вниманіе тамошней публики; онъ писалъ портреты многихъ членовъ Неаполитанской Королевской фамиліи; любопытны его снимки съ древнихъ банъ, открытыхъ недавно въ развалинахъ Помпей; теперь онъ на бѣли листахъ литографируется отъ казны въ Парижѣ; любители художества ждутъ ихъ нетерпѣливо. Съ В. Скопшомъ сошелся онъ въ Парижѣ, и въ первый разъ его увидѣлъ, какъ слышно, у Графини Шуваловой, на балѣ, данномъ на очно въ честь Англійскаго Романиста. Изъ Парижа, нашъ художникъ недавно поѣхалъ въ Англію. —

Говоря объ Александрѣ Брюло, или Брюловѣ, (ибо хотя отецъ его выѣхалъ изъ Ганновера, но онъ долго

служилъ при Академіи орнаментными скульпшоромъ, а дѣти его воспитались въ Россіи, и пошому имѣють право на принятое ими Русское окончаніе имени) какъ не упомянуть о меньшомъ братѣ его Карль? онъ, какъ вы знаете, также въ Италіи; послѣ *Итальянскаго утра*, картины которой онъ обизанъ своей раннею и вполнѣ заслуженною извѣстностью, и которая теперь въ комнатахъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, мы не видали здѣсь его работы, особенно примѣчательной. Говорятъ однако, что онъ не страшишь времени; теперь къ важнымъ трудамъ его принадлежишь копривка Афинской школы Рафаэля.

Многата должно ждаться отъ сихъ братьевъ Художниковъ, которые съ истинными дарованіемъ соединяють дѣятельныя силы юности, и припомъ, благодаря щедрости правительства и общества поощренія художниковъ, пользуются славнѣйшими образцами.

1 го Сентября будетъ годичное открытіе Академіи художествъ для публики; на этой выставкѣ надѣемся увидѣть многія отличныя произведенія. Между прочимъ Г. Воробьевъ готовилъ виды Невы, а что еще лучше, видъ Мертваго моря, освѣщеннаго солнцемъ: ландшафтъ, наживушый имъ на самомъ мѣстѣ во время его путешествія въ Палестину.

Посылаю вамъ проспектъ новаго Французско-Турецкаго словаря, который издается въ Петербургѣ Г-мъ Рази. Важное пособие для образованія переводчиковъ столь нужныхъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Европейскими Азіатцами: до сихъ поръ, большею частію Греки и Италіанцы исправляли у насъ должность Драгомановъ. Г. Рази по сей части заслуживаетъ пол-

ную довѣренность: онъ родился въ Цареградѣ, гдѣ долго исправлялъ должность шолмача, и даже переводилъ на Турецкій языкъ нѣкоторыя сочиненія. Между прочимъ Мегмедъ Али, Паша Египетскій, поручалъ ему перевести для себя книгу Арріана: жизнь Александра великаго. Для чего бы вы думали? для ученыхъ свиданій? ни мало: Мегмедъ-Али родомъ изъ мѣстечка находящагося близъ Пеллы, столицы древнихъ царей Македонскихъ: онъ хотѣлъ узнать, нельзя-ли съ помощію Арріана произвести свою родословную отъ Александра Великаго. Похвальный расчетъ!

Здѣсь любопытные ходятъ смотрѣть кочевую кибитку, разставленную на Елагиномъ острову, и привезенную въ даръ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ отъ Джавгира, Хана Букеевской Киргизской ордѣ, кочующей по сую сторону Урала въ Астраханской Губерніи. Она, говорятъ, стоить 10 т. рублей; просторна, въ срединѣ имѣетъ около 6 арш. вышины; устлана мягкими коврами, внутри обита пунцовымъ сукномъ, а снаружи, какъ обыкновенно, войлокомъ. Двери сдѣланы изъ дерева и кости, украшены рѣзьбою и фольгою.

Н. Н.

Петербургъ

31 Авг.

Майоръ Ленгъ. Англійскіе Журдалы въ началѣ сего мѣсяца объявили, по полученному письму изъ Триполя, о горестной смерти неустрашимаго путешественника, который первой проникъ во внутренность таинственнаго города Томбукту. Но по послѣднимъ извѣстіямъ можно еще

пасться, что Паша Триполитский, известивший Англичан о семъ происшествии, самъ ошибся, по неверному донесенію правителя Гадамеса. Въ послѣднемъ засѣданіи Парижскаго общества Географовъ присутствовали были Г-ль Жомаръ, Президентомъ сего, весьма достоверный замѣчатель, который насъ еще больше убѣждаетъ въ несправедливости сего горестнаго извѣстія. „Видно уже въ первый разъ, говоритъ онъ, объявляютъ намъ о смерти сего неуспѣшннмаго путешественника. Въ первый разъ, когда распространилось сіе извѣстіе, Маіоръ Ленгъ вылазъ изъ Гадамеса. Во второй разъ, нѣсколько Арабовъ нашли въ окрестностяхъ Томбукину, оружіе, ему принадлежавшее: заключали изъ сего о его гибели. Въ то же самое время Маіоръ Ренорель получалъ отъ своего друга извѣстіе о его прибытіи въ Томбукину и о путешествіи, которое онъ предпринялъ на Югъ сего города.“ Г. Жомаръ, отрицая вѣроятность предвѣстнаго извѣстія, замѣчаетъ, что письмо, пушенное отъ 5 Апрѣля дошло въ Парижъ въ 24 дня: это несмысленный примѣръ почтовой скорости. Кроме того извѣщаютъ, что 30,000 Фелласовъ или Феллановъ во мучились и пребывали въ Европеекаго путешественника, что Царь города Томбукину объявлялъ себя его защитникомъ, но что не смотря на то, Ленгъ сдѣлалъ жертвою жестокости сихъ 30,000 Фелласовъ. „Въ 1815 г, говоритъ Г. Жомаръ, царствовали въ Томбукину женщины, а теперь рассказываютъ уже о Царѣ. Возмущеніе Фелласова вѣроятно. Какимъ образомъ сіи народы, сіюль благословенно принявшие Англичанъ, вдругъ перемѣнились и стали ихъ непримиримыми врагами, когда слышнншій изъ Начальниковъ

его илемеи послалъ въ Королю Англійскому письмо, гдѣ въ самыхъ дружесственныхъ выраженіяхъ объявляетъ желаніе имѣть Англичанъ при своей особѣ? Конечно всѣ сіи причины, взятыя отдѣльно, неважны, но вмѣстѣ онѣ подтверждаютъ истинность извѣстія. Будемъ же ласкаться надеждою, что извѣстіе, болѣе пріятное, вскорѣ разрушитъ печальное впечатлѣніе, произведенное письмомъ Шейка Гадамескаго.

Вмѣстѣ съ симъ мы получили извѣстіе, что найдена полная рукопись *Эбл-Бануты* и рукописная *Исторія Томбукту*, одного Араба. Къ сожалѣнію, должно еще сомнѣваться въ точномъ существованіи сихъ двухъ рукописей.“

Урангъ - Утангъ исполинскаго роста, * убитый на остр. *Сумаптръ*. Два Англійскіе офицера, Фишъ и Крайманъ, находившіеся на Бригѣ *Маріи-Анны-Софин*, который, стоялъ на якорѣ при Рамбуиѣ, на Сѣверо-Восточной сторонѣ отъ Сумаптры, узнали, что какое-то огромное животное сидѣло на сосѣднемъ деревѣ. Они тотчасъ рѣшились поймать его живаго или мертваго и пригласили съ собой охотниковъ шой страны. Это былъ *Урангъ-Утангъ* самаго большаго рода, который примѣшивъ ихъ, тотчасъ слѣзъ съ дерева и пустился бѣжать на двухъ ногахъ довольно скоро, иногда помогая себѣ руками и вѣтвію дерева. Досигнии другихъ деревъ, онъ показал свое искусство лазить на оныя. Не смотря на вышину свою и тяжесть, онъ хватался за слабыя сучья и пользовался ими такъ же ловко, какъ обезьяны мѣлагаго рода, привозимыя въ Европу. Жители Сумаптры увѣряютъ, что

въ обширныхъ лѣсахъ во внутренности острова, гдѣ большія деревья растутъ очень часто, Урангъ-ушанги перепрыгивающъ съ одного дерева на другое съ скоростью, равною бѣгу лошади. Лѣсокъ, гдѣ укрывался урангъ-ушанги, былъ очень малъ, но движенія сего животнога были столь быстры, что охотники наши съ трудомъ могли въ него дѣлаться и дали нѣсколько промаховъ. Посему они рѣшились срубить нѣсколько деревьевъ, дабы ограничить его немногими. Наконецъ они успѣли, и множествомъ пуль просѣрѣли его. Онъ растянулся на суку, за кошорый крѣпко ухватился, и кровь ручьемъ хлынула изо рта его. Внутренность, выдававшаяся изъ ранъ, представляла видъ ужасный. Истощивъ всѣ свои заряды, охотники рѣшились срубить дерево, на коемъ бѣдный Урангъ еще держался, но лишь только оно упало на землю, какъ онъ бросился на другое, съ такою быстротою, что можно было подумать, что онъ ни сколько не потерялъ силъ своихъ. Опять принялись за шопоръ, и срубили одно за другимъ всѣ почти деревья, и онъ, вынужденный защищаться на землѣ, лишенный силъ, показалъ мужество, достойное лучшей участи. Побѣжденный множествомъ, проткнушый насквозь сильными ударами копьевъ, онъ схватилъ одно изъ нихъ, и по собственнымъ словамъ одного изъ свидѣтелей сраженія, изломалъ его какъ прутикъ. Нельзя было не замѣтить большаго сходства съ человекомъ въ его движенія, въ выразительномъ взглядѣ, въ жестахъ, въ вопляхъ и въ хитрости погибающаго животнога, кошорое, побѣждая ужасную боль, еще мужественно защищало жизнь свою. Но ничто не могло остановить безжалостныхъ убійцъ до послѣдняго издыханія или жершвы. Тогда - то удивились они вели-

чинъ его росла и огромнымъ размѣрамъ членовъ. Сей урангъ-ушангъ имѣлъ въ вышину 7 Англійскихъ фушовъ (около 6 фут. и 7 дюйм. Французскихъ), шло стройное, широкую грудь, голову средней величины, но руки длины несоразвѣрной; глаза большіе, носъ выдающийся болѣе, чѣмъ у другихъ обезьянъ, и ротъ больше человѣчьяго. Короткая и курчавая борода покрывала подбородокъ и доходила до ушей, не обезображивая лица, кошороку она служила скорѣе украшеніемъ. Все шло было покрыто лоснистой и очень мягкой шерстью, темнаго цвѣта. Судя по зубамъ и другимъ признакамъ, должно полагать, что онъ былъ еще очень молодъ, и что, не смотря на ростъ, не достигъ вышины и крѣпости, свойственныхъ его роду. Не лзя было также не подивиться жизненной силѣ сего животнаго. Когда на Англійскомъ кораблѣ разсѣкали его шло для сохраненія, то при каждомъ ударѣ ножа судороги и раздражимость мускуловъ свидѣтельствовали о его жизни. Къ несчастію знойный климатъ сей страны не позволилъ ничего сохранишь, кромѣ кожи и его скелета. Предполагать должно, что сей урангъ-ушангъ какимъ нибудь необыкновеннымъ случаемъ ошдалася ошъ внутреннихъ лѣсовъ, — мѣста его рожденія. Онъ по колыво былъ въ грязи, чего не случается съ обезьянами, живущими обыкновенно на высотѣ деревьевъ. Полагають, что жители острова не задолго до его поимки были на охолѣ въ одномъ изъ лѣсовъ, служащихъ убѣжищемъ урангъ-ушангамъ; сей несчастный, вѣроятно желая избѣгнуть опасности, укрылся въ маломъ лѣсу, гдѣ и погибъ. Докторъ Кларкъ Абель, нынѣшній хозяинъ остатковъ сей замѣчательной обезьяны, сообщилъ

Азіатскому обществу подробное объ оной извѣстіе съ приложеннымъ рисункомъ, размѣромъ скелета и кожи. Досель не наблюдали еще обезьянъ подобной величины.

Остовъ величайшаго изъ животныхъ, жившихъ до потопа. Въ Луизианѣ, на берегахъ Миссиссипи, нашли кости животнаго величины необыкновенной. Хребеть имѣлъ 16 дюймовъ въ діаметръ, а ребра 9 футовъ длины; многіе осташки были длиной въ 20 Англійскихъ футовъ и вѣсомъ болѣе 120 фунтовъ. По сему размѣру костей, можно полагать, что животное сіе имѣло 50 фуш. длины, ось 20 до 25 ф. ширины, и до 20 ф. высоты, и что вѣсъ онаго долженъ былъ быть не менѣе 20 тоннъ (*) или 20,000 килограммъ. Это, безъ сомнѣнія, величайшая рѣдкость природы изъ всѣхъ донынѣ открытыхъ, и сіе животное величиною также превосходитъ Мамонта, какъ Мамонтъ собаку средняго роста.

Животныя сего рода, который исчезъ въ наше время, называются допотопными (antidiluvians). Всѣ Естественныиспытатели согласны въ томъ, что роды, теперь живущіе, не лзя назвать видами тѣхъ, кости которыхъ мы вырываютъ изъ земли. Сколько перемѣнъ должна была претерпѣть земля, чтобы замѣнить другими животными прежнихъ своихъ обитателей. Безъ сомнѣнія царство растительное не менѣе животнаго представляло разнообразіа. Что былъ тогда человекъ? среди сихъ великановъ? существовалъ ли онъ въ одно время съ ними? Должно согласиться, что нѣшь достаточныхъ доказательствъ на существованіе человека въ сіи времена, предшествующія всѣмъ нашимъ

(*) Каждая тонна имѣетъ 2000 фунтовъ.

исчислениямъ. Около 100 лѣтъ тому назадъ, (ученый Епископъ Берклей говорилъ, что еслибъ родъ человѣческій существовалъ шакъ давно, какъ въкоморые предполагають, то необходимо остались бы гораздо древнѣйшія слѣды его вліанія на природу. Вѣрно нашлись бы какія либо орудія художества, камни, металлы переработанные людьми, ибо подобныя памятники ихъ существованія столь же мало подвержены разрушенію, какъ раковины и скалы, усшойшія противъ всѣхъ времени, и общеизвѣстныя глубокою древностію. Наконецъ мы разрывая землю, во множествѣ костей животнохъ, нынѣ испребившихся, не находили никогда остатковъ человѣческихъ. Однако извѣстный сочинитель *сравнительной Анатоміи*, издавшій шеперь въ 3 й разъ важное свое твореніе о вырышыхъ костяхъ, Г. Кювье, выражаетъ: правда, что природа въ своихъ великихъ переворотахъ столь же мало щадила челоѵка какъ и прочихъ животнохъ, но, если мы не находимъ въ землѣ остатковъ челоѵческихъ, то вѣроятно причиною тому брренность кости челоѵческой, которая скорѣе исплѵваетъ, чѣмъ кости другихъ животнохъ.

Н р а в ы.

День рожденія Ванитки.

(Отрывокъ.)

„Подай-ка календарь, Анюшка, вскричалъ Кузьма Демьянычъ, взойшедши въ спальню своей Прасковьи Алексѣевны; давно ужъ я не глядѣлъ въ него, а безъ календаря жить плохо въ свѣтъ. Не шакъ-ли, Маркъ Фомичъ? —

„Точно такъ“, ошвѣчалъ почтительно Маркъ Ѳомичь, который сидѣлъ наединѣ съ Прасковьей Алексѣвной и разсуждалъ о суешихъ сего міра. Это часто бывало предметомъ ихъ уединенныхъ бесѣдъ въ шо самое время, когда Кузьма Демьянычь, послѣ обѣда, ошдыхалъ въ саду или въ кабинетѣ. —

„Ба, ба, ба! да завшра роженіе Ванички! вскричала Кузьма Демьянычь, заглянувь въ календарь; охъ ужъ эша мнѣ ламашь! паоха спала! легколи — забышь роженіе сына? — Завшра ему мнѣшь девятою годочикъ?“

„Ну не стыдно ли, Кузинька? Ужъ пусть бы роженіе, а ты и лѣша-шо сыновни забылъ. Какой же девятой, ему лишь шолько осьмой мнѣшь. Зачѣмъ прибавляшь? Еще успеешь вырасти.“ Такъ говорила Прасковья Алексѣвна. —

„Помвлуй, Параша — да вошь ужъ 15 лѣтъ, какъ мы съ шобой женаны. Наша Катюша (царство ей небесное!) скончалась по шрешьему годочку, а послѣ нее черезъ 4 года родилась Ваня. Ужъ эшаго мнѣ не знать? въ шомъ году я въ ошсшавку вышла.“

„Вошь шо-шо, Кузьма Демьянычь, ты любишь спорить! А помнишь ли, сколько ужъ лѣтъ прошло, какъ умерла шешушка — Марѳа Игнашьевна? Не четыре ли года? Ваничкъ тогда было шри года; еще какъ шеперь гладу, какъ покойница на него любовалась и какъ онъ въ первый разъ пошелъ съ ея подошкой.“

„Ну я л самъ шо помню. Да ему тогда было не шри, а четыре года; вѣдь онъ у насъ долго былъ сиднемъ.“

„Ахъ, ты какой спордикъ! Не мы ли съ ней ѣздили тогда къ Троицѣ Сергію въ день его роженія, а онъ съ шѣхъ поръ сталъ ходить?“

„Все шакъ — да шолько было ему 4, а не три года. Вѣдь вы женщины счету не знаете; какъ разъ обочшетесь.“

„Нѣтъ, ужъ швой нравъ такой — себя въ десяти силупахъ не утолчешь. Какъ завесь свое — шакъ не перешанешь. Ну не въ шоль ли годъ сгорѣлъ нашъ домъ? Про это вси Москва знаетъ.“

„А все шаки было ему шогда 4, а не 3 года. Да вощъ, Маркъ Омичъ, рѣши намъ, сказала Кузьма Демьянчъ, обратившись къ шому мѣсту, гдѣ М. О. сидѣлъ, куда онъ ушелъ? Но вѣдь онъ умной человекъ, споровъ женскихъ не любилъ; какъ разъ улизнешъ.“

„Да скажи, сдѣлай милость, что тебѣ за охота прибавлять лѣша сыну? чѣмъ моложе онъ, шѣмъ для насъ лучше.“

„Ну полно, мамушка, спорить; перешанъ пожалуй-ста, а вощъ что знаю — пора учить Ваньчку, шакъ пора.“

„Ученье не уйдешъ; былъ бм живъ да здоровъ, а учень будешъ.“

„Маминька, маминька! Оедька прибилъ меня, прикажете его высѣчь“ — закричалъ плачущимъ голосомъ вбѣжавшій Ваньчка. Передъ нимъ старая мамка на уздечкѣ скакала впередъ, а дядька въ почтительномъ ошдаленіи ошановился у дверей спальни.

„Кто тебя милаго друга обидѣлъ?“ — спросила встревоженная маминька.

„Оедька, маминька; мы съ нимъ играли въ солдаты, а онъ и прибилъ меня. Еще шеперь боляшъ.“

„Позовите Оедьку. А шмъ что, старый, не шомрѣлъ?“ —

Федька вошелъ. „Какъ ты съѣшь бить барина?“ —

„Иванъ Кузьмичъ играли въ солдашны, а я былъ Генераль. Они не шакъ съѣлали фруншъ, да сами и приказали мнѣ бить себя; а ихъ ударилъ, а они и заплакали.“

„Выпороть его, чѣлобъ впередъ не дрался. Поди, играй, Ваничка; да не ушибись, другъ мой.“ —

„По вѣсѣмъ по шрель, коренной не шронь! пошелъ!“ — закричалъ Ваничка и плетью погналъ шарую маму.

Кузьма Демьянычъ и Прасковья Алексѣевна, помолясь за новорожденнаго, возвращилась отъ обѣдин, Ваничка, въ новомъ красномъ гусарскомъ мундирѣ, разбиралъ игрушки, которыѣ надарили ему дѣлую кучу. Мало по малу съѣзжались дорогіе пріятели и гости поздравивъ съ новорожденнымъ и ошквашъ за его здравіе. Дные спрашивали Кузьму Демьяныча о лѣтахъ сына; но онъ ссылаася на жену и увѣрлялъ всѣхъ, что память ея въ тысячу разъ лучше его памяти, что ему со времени свадьбы какъ будто кто-то ошшибъ ее: спраинное дѣло, прибавлялъ онъ; весьма спраино! — отвѣчали гости.

Тутъ вошелъ Меркуловъ, задушевный, спаривный пріятель и сослуживецъ Кузьмы Демьяныча. „Вошь люблю, братель! все по старинѣ, вскричалъ хозяинъ; спасибо, что всломнилъ Ваню!“ и ухвативъ подъ мышку Меркулова, а барыню свою предавши въ жершву прочимъ гостямъ, Кузьма Демьянычъ удалился въ кабинешъ свой.

„Есть у меня до теба дѣльцо, сказалъ Кузьма Демьянычъ, Ваничкѣ ужъ девашый годъ. Вѣдь что ни

говори, а учить пора. Нѣшь ли у тебя на примѣнь какого учснаго Француза, да чтобъ и по Нѣмецки зналъ? еслибъ вошь эдакой, какъ швой-ша, какъ бншь онъ Мусье“ . . . .

„О мой Мусье Лашуръ — дорогъ! Вѣдь я его изъ Парижа выписалъ! Есть у меня одинъ Русскій, которъй и по Французски морокуеть, ошвѣчалъ Меркуловъ.“

„Нѣшь, нѣшь, нѣшь; брашь! знаю я эшихъ Русскихъ. Онъ и пошелъ съ Ваней все говорить по Русски; а мнѣ надо такого, которой бы ни слова не зналъ по Русски: съ нимъ Ваня, какъ разъ, выучится. Удружи, Иванъ Каримъ.“ . . . .

„Давно бѣ тебѣ за умъ хватаешься. Какъ до сихъ поръ не учишь сына? у меня, брашь, и мамка и дядька все Французы, а дѣти съ ними болшають, да болшають. Шуша будущъ говорить!“

„Вѣдь и уменя, брашь, много эшихъ Французовъ и Нѣмцевъ перебывало. Да чидо? пошь пьяница, другой воръ. Мнѣ хочется имѣть настоящаго, шрех-штысячнаго учителя, которъй бы могъ учить Арихметику, Географію, по Французски, Исторію, по Нѣмецки, да Словесности. — Вошь мнѣ какого надо, а дядекъ-ша пожалуй съ шри пропасты, да что въ нихъ?“ —

„Князь Хвалынскій прѣхалъ“ — сказалъ вошедшій человекъ.

„Милости просимъ!“ —

„Ну вошь съ нимъ поговоримъ-ка, Кузьма Демьянычъ; онъ человекъ ученый; вѣкъ прожилъ въ книгахъ. . . .“

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Кузьма Демьянычъ обратилъ разговоръ на воспитаніе сына — и просилъ совѣта у Хвалынскаго, которъй, спросивъ

ши объ лѣсахъ сына, совѣтовалъ сначала выучить его по Русски.

„Помилуйте, батюшка! Да по Русски-то онъ будешь знать и безъ учителя; вѣдь онъ живетъ съ Русскими; съ матерью и съ оцѣмъ все лепечеть по Русски.“ —

„Пока онъ не швердъ въ правилахъ своего языка, онъ не долженъ за другой приниматься. Вопль мой совѣтъ: учите его языкамъ, но чтобы свой языкъ былъ важнѣйшимъ. Когда минетъ ему 13 лѣтъ, отдайте въ публичную школу — и пусть шамъ онъ наравнѣ съ другими кончитъ курсъ наукъ. Дома вы никогда его никакъ не научите, какъ въ школѣ, гдѣ умы изобрѣются, онгъ сообщенія, гдѣ науки преподаются въ порядкѣ, который облегчаетъ ихъ изученіе.“ . . .

„Все это прекрасно, батюшка Ваше Сіятельство! Но какъ вамъ угодно, а въ школу сына ни за что не отдамъ: это одна порча. Доспатоковъ у меня есть; учителей буду брать по билетамъ. . . .“

„Но вы милліонами не будете имѣть выгоды общественнаго воспитанія; правда, съ нимъ сопряжены неудобства, но за то — сколько пользы! Какъ умъ острится! сколько соревнованія! Въ школѣ мы богачемъ не только науками, но опытомъ; школа, сударь, дѣльный мѣръ: мы въ ней заранѣе живемъ и знакомимся съ людьми, узнаемъ имъ дѣну; въ школѣ образуется нашъ характеръ, а это дѣло не маловажное!“ —

„Правда, правда, батюшка ваше Сіятельство, отвѣчалъ Кузьма Демьянычъ, не понимая словъ К. Хвалынскаго, но вѣдь и то правда, что пора уже кушать.“

Послѣ обыкновенныхъ комплиментовъ гости парно отправились въ столовую — и благословясь, принялись за дѣло. Компания, сначала молчаливая, разговорилась за прѣшнымъ блюдомъ — и шутя по Кузьма Демьянычъ пустился рассказывать о своемъ воспитаніи, какъ его всему учили, и какъ онъ имѣлъ искусство все забыть; пошомъ расхваливъ свою опытность, которую измѣрялъ числомъ изношенныхъ фраковъ, перескочилъ къ старинѣ благословенной, и выхваляя умную расчетливостъ своего родителя, Демьяна Кузьмича, онъ заключилъ шѣмъ, что его покойный батюшка съ намѣреніемъ весьма важнымъ назвалъ его Кузьмою: во первыхъ, чтобъ угодить его дѣдушкѣ, а во вторыхъ, чтобъ именины сына праздновать вмѣстѣ съ своими и избавиться отъ лишнихъ издержекъ.

Начались шесты — и гости поздравляли именинника, сидѣвшаго возлѣ своей маминьки, на высокіхъ кресельцахъ; — подлѣ него лежала маленькая моська, которую онъ кормилъ за обѣдомъ. — „Ваня, здравствуй! вскричалъ Кузьма Демьянычъ, отблагодаривши гостей, — а хочешь ли учиться?“ — Ваня молча глядѣлъ на свою маминьку, которая, утирая платкомъ ему губы и оправдая повязанную на немъ салфетку, сказала ему: „Ну что жъ, Ванячка, ошвѣчай папиньку: хочу - молъ папинька!“ — Хочу - молъ папинька,“ повторилъ Ваня, поглядывая на гостей и облизываясь. — „Умень, Ваня! а кого больше любишь — мамъ или меня?“ — Ваня опять поглядѣлъ на маминьку, которая опять ему подсказала: „Ошвѣчай же, мой другъ, я равно люблю и папиньку и маминьку.“ — И маминьку и папиньку я люблю — ошвѣчалъ Ванячка. — „Ну а кого больше любишь — папиньку или свою моську?“ — продол-

жалъ Кузьма Демьянычъ. — И моську и палиньку люблю — былъ опивъшъ. Вани, который, опасаясь другихъ вопросовъ башюшки, обратился къ дядюхъ въ знакъ желанія, чтобы сняли его со стула. — „Умень, умень, Ваня! На пирожного! а учишь пора — завтраже сыщу тебѣ уишела.“ — Ваня подбъжалъ къ ошду и схвативъ кусокъ пирожного, пустился во всю прышь. — „Ваня, да подьлуй же ручку у палиньки! кричала ему въ слѣдъ Прасковья Алексѣевна. — „Послѣ, Маминька, шепери некогда!“ —

Отечественныя извѣстія.

О Московской школѣ рисованія въ отноше- ннхъ къ искусствамъ и ремесламъ.

Вмѣняемъ себѣ въ обязанность извѣстить чита-
телей нашихъ объ успѣхахъ Московской школы рисо-
ванія, учрежденной Графомъ С. Г. Строгановымъ для ре-
месленниковъ, фабриканшовъ и художниковъ.

15 го Сентября, въ 1 мь часу по полудни проис-
ходило въ оной публичное испытаніе въ приеутствіи
Московскаго Генераль-Губернатора Князя Д. В. Голи-
цына, Князя Н. Б. Юсупова и Графини С. В. Строгановой,
благоволившей изъявить живоеучастіе, уишительное для
учащихъ и обучаемихъ, въ благодушельномъ предпріятіи ея
заяш. Испытанія происходили въ приутошовительномъ
классѣ, гдѣ преподается Практическая Геометрія и
линейное черченіе, какъ начала для всѣхъ родовъ ри-
сованія, и во второмъ классѣ рисованія цвѣшовъ и
украшеній. Ученики весьма удовлетворительное опвѣ-

чали на всѣ вопросы изъ Геометріи и въ присущствіи многихъ зрительей нарисовали на доскѣ, руководствуясь однимъ глазомъромъ, нѣсколько фигуръ отличныхъ правильностію и соразмѣрностію частей. Рисованіе въ продолженіи полушора года достигло въ семь заведеніи до невѣроятнаго совершенства. Ученики, не умѣвшіе провести прямой линіи, теперь безъ помощи употребительныхъ орудій могутъ нарисовать линію длины назначенной, начертить правильный кругъ и показать центръ оного — и наконецъ изъ нѣсколькихъ линій определенной величины составить правильную и красивую фигуру. Посѣщителямъ показаны были, кромѣ очевидныхъ ошибокъ искусства на доскѣ, чертежи учениковъ, отличной оцѣнки. — Не лзя было довольно наглядѣться на порядокъ сего заведенія, на устройство и чистоту класса, на богатство способовъ ученикамъ предлагаемыхъ.

Душевно радуясь успѣшному исполненію сего предпріятія и отъ лица всѣхъ посѣщавшихъ привнесъ живѣйшую признательность благодарному основателю сей школы и попечительнымъ исполнителямъ его благихъ намѣреній, считаемъ за долгу представить читателямъ устройство и пользу сего заведенія.

Кто не знаетъ, что съ усовершенствованіемъ искусствъ и ремеслъ сопряжены всѣ удобства и пріятности нашей жизни? Кто не знаетъ, что наши ремесленники еще слишкомъ пуждаются въ умственномъ познаніи своего дѣла, развивающемъ способность изобрѣтательную, въ любви къ порядку и чистотѣ, безъ коихъ не могутъ процвѣтать художества? ..

Цѣль сего заведенія дать ремесленникамъ теоретическія начала, правила вѣрныя для ихъ ремесла; руководствуясь ими, они не только легче будутъ работать съ моделями, но могутъ сами изобрѣтать, ибо въ школѣ не только изучающъ они правила, но образуютъ вкусъ по образцамъ имъ предлагаемымъ.

Поводомъ къ учрежденію сей школы служила Парижская школа рисованія (*école du dessin*). Но въ Парижской учась только рисовать, тогда какъ здѣсь преподаются другія науки необходимыя для художниковъ разнаго рода. Комплектъ Московской школы — 360 человекъ; пелеръ же обучается 84 человекъ. Двѣ шрени учениковъ получаютъ отъ заведенія всѣ нужныя для класса вещи, а одна шрени вноситъ за нихъ ежегодно по 30 руб. Это сдѣлано съ цѣлью вознагражденія, чтобы школа сія служила какъ для немущихъ, такъ и для штъ, которые безденежное полученіе всѣхъ для класса нужныхъ вещей почли бы для себя неприличнымъ. — Ученики принимающаеся не моложе десяти лѣтъ; при вступленіи они должны умѣть грамоту. Сначала всякій поступаетъ въ общій приуготовительный классъ, гдѣ преподается Практическая Геометрія и линейное черченіе; пробывши въ ономъ годъ, онъ согласно съ своимъ ремесломъ избираетъ себѣ родъ рисованія изъ слѣдующихъ трехъ родовъ, въ отдѣльныхъ классахъ преподаваемыхъ: 1) Практическая Геометрія, черченіе по части Архитектурной и машинъ. 2) Рисованіе цѣтшвовъ и украшеній. 3) Рисованіе фигуръ и живошнытъ. — Последняго класса еще нѣтъ въ этой школѣ, но въ будущемъ году онъ установится. — Ученики ходятъ въ школу только по утрямъ отъ 9 до 11 часовъ, а остальное время могутъ посвящать на механи-

ческую часть своего промысла. Полный курсъ ученія совершается въ 6 лѣтъ; въ избранномъ классѣ ученикъ долженъ пробывать 4 года, а въ послѣдній годъ курса онъ знакомится съ лучшими произведеніями своего ремесла, для чего и будетъ составлено собраніе моделей во всѣхъ родахъ искусства. Сіи образцы будутъ предлагаться имъ въ систематическомъ порядкѣ шакъ, чтобы соблюдена была вся постепенность при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Способъ обученія не ограничивается однимъ механическимъ подражаніемъ разнымъ рисункамъ, но имѣетъ ту важную цѣль, чтобы развить способности юноши, — научить его по глазомѣру судить о соразмѣрности вещей, цѣнить красоту въ предметахъ, и образовавъ въ немъ вкусъ.

Всѣ ревнующіе ко благу отечества да обращаютъ внимательные взоры на сей зародышъ образованія промышленности въ народѣ Русскомъ, а имѣющіе способы да приобщаютъ по возможности даже своего усердія къ жертвѣ, приносимой единымъ! — Ошкренно скажемъ, что мы во время экзамена съ чувствомъ радости и утѣшительныхъ ожиданій смотрѣли на молодое образующееся племя ремесленниковъ - изобрѣшателей въ нашемъ отечествѣ. Да совершатся сіи ожиданія ко благу общему и ко славѣ основателя! (*)

С. III.

(*) Желающіе вступить въ сію школу для обученія могутъ адресоваться къ Инспектору оной, Спашскому Совѣтнику Карлу Ивановичу Янишу, живущему въ самой школѣ на Мясницкой въ домѣ Князя С. Н. Салтыкова подъ № 256.

Пятидесятилѣтній Юбилей

*Г. Доктора Медицины, Дѣйствительнаго
Статскаго Совѣтника и разныхъ орденовъ
Кавалера, Христіана Ивановича Лодера.*

6го Сентября Врачи Московскіе, чтили и друзья Лодера, праздновали пятидесятилѣтній докторскій юбилей его. Никогда еще не было въ Москвѣ, и кажется въ Россіи, ученаго праздника, столь блестящаго, столь примѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ; съ одной стороны мы видали здѣсь мужа, который въ продолженіи цѣлаго полулѣтца, ревностно, съ неутомимою дѣятельностію подвизаясь на славномъ поприщѣ наукъ, оказалъ незабвенныя услуги ученому свѣту и стяжалъ Европейскую славу; — съ другой собраніе знаменитыхъ и достойныхъ гражданъ, которые изъявляли ему торжественно глубокое почтеніе и благодарность въ сей важный для него день.

Подробное описаніе сего праздника вскорѣ будетъ напечатано особо. Мы ограничимся здѣсь краткими извѣстіемъ.

Въ 8 часовъ утра Врачи Московскіе принесли поздравленіе Лодеру въ его домъ и пригласили его на обѣдъ, въ честь его приготовленный; онъ изъявилъ свое согласіе, не зная впрочемъ, что его тамъ ожидаетъ. Въ 2 пополудни, когда всѣ участвовавшіе въ устройствѣ праздника многія поспороннія почетныя особы, Московскій Генераль-Губернаторъ Князь Д. В. Голицынъ, Князь Н. Б. Юсуповъ, И. И. Дмишривъ и прочіе ревнители просвѣщенія собрались въ домъ Князя Юсупова на Никитской, — четыре маршала въ четырехъ каретахъ отправились за Лодеромъ. Онъ пріѣхалъ съ ними въ сопровожденіи Г-на

Броссе, своего соотечественника (изъ Риги). На крыльцѣ его встрѣпили нѣкошорые врачи и лишь только спустиль онъ на лѣстницу, какъ раздалась музыка, коею возвѣщено было въ залъ его прибытіе. При вслушеніи его шуда Докшоръ Пфелеръ, другъ его, старшій изъ докторивъ Московскихъ (*), привѣшествовала его Нѣмецкою рѣчью. Слышавъ пренсущій голосъ Пфелера и видѣвъ пошупленный, слезащійся взоръ Лодера, нельзя было сказать, кто изъ нихъ обомъ былъ болѣе пронуть. Слушатели раздѣляли съ ними ихъ чувствованія. Въ самомъ дѣлѣ, не усладительномъ было видѣшь сихъ двухъ маститыхъ старцевъ, которые проидя вмѣстѣ уже почти всю длинную дорогу свою, съ такою честью для себя, съ такою пользою для своихъ ближнихъ, предъ концемъ ея торжественно привѣшествоють другъ друга, и, вспоминая преодоленные трудности, взаимно отдають себѣ должную честь. По окончаніи сей рѣчи раздалась музыка *тебѣ Бога хвалишь* соч. Гроуна (**). Тронутый старецъ, услышавъ знакомые звуки, доставлявшіе ему столько удовольствія въ юности, прослезился, но онъ не угадывалъ, сколько еще наслажденій предназначено ему было испытать въ эшотъ день! Потому говорена была Лативская рѣчь, сочиненная Докшоромъ Шмицкомъ (***)). Въ прекрасной Русской рѣчи Г-нъ Маркусъ, одинъ изъ

(*) Ему остается шолько 4 года до его Юбилея.

(**) Однажды, въ кругу своихъ знакомыхъ, Лодеръ изъявилъ свое сожалѣніе, что 40 лѣтъ не слышалъ эшой музыки, и желаніе услышать ее еще разъ въ своей жизни. Тотчасъ объ эшомъ написали въ Германіи, — шамъ употребили всѣ усилія отпрыть сію старинную музыку и прислали сюда.

(***) Докшоръ Шмицъ не присушествовалъ на праздникъ по причинѣ внезапной болѣзни.

оплачивѣйшихъ Докшоровъ Московскихъ, изобразилъ идеаль врача, и въ короткихъ, но сильныхъ словахъ показалъ всю важность его сана, и полной кругъ его дѣйствія между согражданами. Кончивъ свое изображеніе онъ съ особеннымъ ораторскимъ искусствомъ обращаясь къ своимъ слушателямъ, и ссылаясь на ихъ собственное сужденіе, утвердилъ, что достигнуть до такого идеала невозможно, — но, сказалъ онъ въ заключеніе, дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ противномъ: Лодеръ, коего юбилей мы нынѣ празднуемъ, доказалъ, что можно приблизиться къ начертанному нами идеалу, и я, только опасаясь оскорбить его скромность, не стану теперь въ его жизни искать положительныхъ тому доказательствъ. — (*) Наконецъ Г. Эйбродтъ, ученикъ Лодерова, сказалъ Французскую рѣчь. — Лодеръ на всѣ рѣчи отвѣчалъ экспромтомъ, на Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, и въ отвѣтахъ своихъ произнесъ обильно похваляясь, съ большою ревностію, остатокъ своей жизни на пользу общую, въ знакъ благодарности за тѣ лестные знаки благоволенія, которые удостоився онъ получать прежде и теперь, отъ Государя, опечиства и друзей своихъ. По окончаніи рѣчей поднесены ему были поздравленія отъ Университетовъ Дерптскаго, Геттингенскаго (въ коемъ онъ получалъ свой докторскій дипломъ въ 1777 году), Рижской Гимназіи (**), общества врачей Пешербургскихъ и Рижскихъ, письмо Короля Прус-

(*) Г. Маркусъ извинилъ Издателя Московскаго Вѣстника, если онъ удержавъ въ памяти мысль его, не могъ удержать его выраженій.

(**) Рижская Гимназія прислала Лодеру списокъ съ похвальныхъ листовъ, данныхъ ему въ оной, за его отличные успѣхи въ юношескомъ возрастѣ.

скаго, при коемъ присланы ему знакъ краснаго Ордена второго класса (*), отъ славнаго Александра Гумбольдта, старца Гуфланда. Въ 4 часа Маршалы пригласили собраніе къ столу. Столъ былъ накрытъ на 120 приборовъ и украшенъ, какъ и вся зала, дѣвками и гирляндами изъ лавровъ. — Лодеръ сидѣлъ между Княземъ Д. В. Голицынымъ и Княземъ Н. Б. Юсуповымъ. Снявъ салфетку съ своего прибора онъ увидѣлъ богашую золотую табакерку съ надписью и своимъ гербомъ; которую ему привоспал, въ память сего дня, Московскіе врачи и друзья его. Тогда же поднесенъ былъ ему высокій серебряный кубокъ (**). Въ продолженіи великолѣпнаго обѣда были пшны тосты: первой за здравіе Государа Императора, Высокаго Покровителя Ученыхъ. Второй за здравіе Лодера и со всѣхъ концовъ залы раздались громогласныя восклицанія, продолжавшіяся нѣсколько минутъ: *vivat, Loder, vivat!* Лодеръ всмалъ и въ то же мгновеніе распространилось по залѣ глубочайшее молчаніе. Дрожащимъ голосомъ благодарилъ онъ присуществовавшихъ за благосклонность ему оказанную, приписывая оную не своимъ заслугамъ и достоинствамъ, а ихъ снисхожденію. Третьй тостъ за здравіе Князя Д. В. Голицына, который съ такою ревностію споспѣшествуетъ въ Москвѣ всѣмъ предпріятіямъ, относящимся къ просвѣщенію и гражданской образованности. Четвертый

(*) Лодеръ представленъ былъ къ 3му классу сего ордена, но Король самъ вмѣсто *третьяго* написалъ *второго*.

(**) Сей кубокъ отдалъ онъ въ Люшеранскую церковь, желая, какъ сказано въ надписи, приношеніе друзей своихъ посвящать Богу, подаваемою всѣхъ благъ.

поспѣ за здравіе хозяина дома, въ коемъ совершалось празднество, Князя Н. Б. Юсупова, и прочіихъ посѣпшителей. Предъ окончаніемъ обѣда Доклоръ Мудровъ воспѣлъ золошую свадьбу Модера съ Медициною въ крашкихъ стихахъ, комъ раземѣшили все собраніе и доставили большое удовольствіе Модеру. По окончаніи обѣда все присутствовавшіе вышли въ прежнюю залу, и увидѣли большую прозрачную картину, представляющую храмъ Эскулаповъ съ Лашинскою надписью.

Модеръ былъ вѣ себя ошъ восхищенія, сѣался, плакалъ; цѣловалъ, и благодарилъ всехъ посѣпшителей. Въ 9 часовъ собраніе разѣхалось.

Дай Богъ нашимъ врачамъ и вообще всемъ нашимъ ученымъ доживать до такихъ Юбилеевъ! дай Богъ имъ заслуживать такіе знаки всеобщаго добровольнаго уваженія!

Намъ остается теперь ошъ лица всей публики засвидѣтельствовать всеобщую благодарность шѣмъ друзьямъ Модера, комъ первые возымѣли мысль починить его такимъ праздникомъ и доставили случай Москвитинамъ видѣть зрѣлище истинно Европейское.

М. П.

При сей книжкѣ приложенъ лорыретъ С. Валтера Скошпа, срисованный сотрудникомъ Москов. Вѣсника И. С. Мальцовымъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XIX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Отрывокъ изъ Мольеровой комедіи
Тартюфъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Чешкина, Людмила, Софья, Викторъ, Искринъ, Марфа и Ульяна.

При открытіи сцены всѣ сидятъ, каждый за своимъ дѣломъ. Искринъ разговариваетъ съ Викторомъ, Марфа и Ульяна стоятъ позади. Чешкина вдругъ вскакиваетъ, бросая свою работу, и всѣ встаютъ.

ЧЕТКИНА.

Пойдемъ, Ульяна, прочь, шерпенье пошерая!

ЛЮДМИЛА (*положивъ свою работу*).

Вы такъ поропнилась, что я отъ васъ отсталъ.

ЧЕТКИНА.

Оставь меня; ийди певѣстущка за мной;

Ей-ей, не нужно мнѣ учтивости такой.

Л ю д м и л а .

Что должно, то всегда исполню передь вами;
Но . . . видно посидѣшь вамъ не угодно съ нами?

Ч е т к и н а .

Такъ! мнѣ у васъ смошрѣшь, какъ все идешь въверхъ дномъ?
Старухъ угождашь — и дѣла нѣшь о томъ!

Нѣшь, лучше безъ грѣха я васъ, друзья, покину:
Все споръ, все поперегъ — чужь только роть разину.
Баякъ мѣлишь про свое, почтенья къ бабкѣ нѣшь;
Крикъ, шумъ! . . . ну хошь бѣги! вскружился бѣлый свѣшь!

М а р ѣ а .

Но . . .

Ч е т к и н а .

Ты голубушка . . . ты знай, что шьм служапка!
Не ксташи ты умна и злая грубиянка;
Вотъ! вмѣстѣ съ барышней дѣвчонку воспитаиай,
Да ты же ошъ нее совѣщы принимаиай!
Нѣшь! другу, не другу я закажу крещьянку
Воспитываать, учишь и холишь какъ дворянку. —
Добро! . . . прикусишь ты свой дмицпой язычокъ?

В и к т о р ѣ .

И такъ . . .

Ч е т к и н а .

А ты — дуракъ! — вотъ и тебѣ щелчокъ!
Я бабушка швоа, а ты еще дмхленокъ. —
Сбылись мои слова: когда ты былъ ребенокъ,
И въ первый разъ еще былъ высъчепъ ошцомъ,
Я предсказала — бышь Викторкѣ сорванцомъ!

С о ф ѣ я .

Позвольте. . . .

ЧЕТКИНА.

Боже мой! а ты, его сестрица,
 Лукавица, скромничать: большая мастерица;
 Но пороховъ лѣвъ полонъ опаснѣ огня;
 Смиреніе швое несочно для меня.

ЛЮДИЛА.

Но мамушка...

ЧЕТКИНА.

Ахши, невѣстка! съ позволенья
 Скажу, что швоего вѣшь хуже поведенья.
 Какой примѣръ даешь ты дѣтямъ? Какъ сравнишь
 Блаженной памяти покойнику ихъ мамъ? . .
 Мотовка! модница! . . я вѣ себя отъ гнѣва,
 Когда разрядишься, какъ будшо Королева! . . .
 Женъ, чшобъ милой бышь для мужа одного,
 Лишь скромность надѣвна, не нужно щегольство.

ИСКРИНЪ.

Сударыня. . . ?

ЧЕТКИНА.

А ны, Людмила! брашь дражайшій,
 Ты всѣхъ унѣ насъ; коллодь щобъ вижайшій!
 Но еслибъ я была хозяйкой здѣсь, мой другъ,
 Всѣ двери отъ тебя я заперлабъ на крюкъ;
 Ты мастеръ всѣхъ учишь; но все швое ученье —
 Предъ Богомъ шажкой грѣхъ и людамъ искушенье.
 Я рѣжу на прамякъ; да чущь коли не щакъ,
 Чшо нѣ сердѣ лежшъ — не выдержу никакъ.

ВИКТОРЪ.

Ужъ Фарисеевъ мамъ, вощъ образецъ! — о Боже!

Ч Е Т К И Н А.

Благочестивый мужъ! . . и я швержу все поже :
 Съ серцовъ хощь шрести ты, — а я его люблю,
 И дураку, какъ ты, не выдамъ. . .

В И К Т О Р Ъ.

Не стерплю,
 Чшобъ онъ тиранилъ насъ ; чшобъ набожникъ лукавый
 Преподавалъ у насъ зашворницѣмъ уставы. . . .
 Ужъ и не снѣй себя ни чъмъ повеселишь,
 Пока не вздумаешь святоша разрѣшишь!

М А Р Ф А.

Но если слушать намъ его нравоученье ;
 То...что ни шагъ — шо грѣхъ, что слово — преступленье ;
 За все порочишь насъ, за все на насъ сердитъ. . . .

Ч Е Т К И Н А.

И дѣльно сердится, и дѣльно васъ бранитъ !
 На пушь спасенія онъ хочешъ насъ наставитъ, —
 И чшмъ его мой сынъ васъ долженъ бы заставитъ.

В И К Т О Р Ъ.

Такъ звайтежь : ни ошедъ, ни бабушка, ни мать
 Ужъ не заставляшь насъ святошу почитать !
 И хощь убей ! ему въ глаза скажу я поже :
 Привыкнушь не могу къ лукавой эшой рожь !
 Нѣшь ! вижу — шрудно мнѣ укишься съ хитредомъ. . .
 Когда нибудъ я все переверну въ верхъ дношь.

М А Р Ф А.

Я каюсь . . . но мнѣ ей богу удивляетъ,
 Чшо пришлый съ улымъ у насъ повельваетъ ;

Бѣднякъ, которій къ намъ пришелъ я нагъ и босъ,
 Въ худой шинелишкѣ, — шею же подыалъ носъ!
 Ужъ спалъ хозяйничашъ, какъ будто намъ въ насмѣшку,
 А мы предъ нимъ молчали и ходимъ по ремешку.

Ч Е Т К И Н А.

Вы были лучше бы, когда бъ васъ въ руки взялъ!
 Ахти, мы грѣшныя! и мѣръ не тотъ бы спалъ,
 Когдабъ. . .

М А Р Ф А.

Сударыня, грѣшно ханжамъ потворство;
 Вѣдь все его дѣла — ей-ей одно притворство!

Ч Е Т К И Н А.

Каковъ языкъ? каковъ!

М А Р Ф А.

Лавреншій же его —
 Весь въ барина! не дамъ я гроша за него!

Ч Е Т К И Н А.

Что мнѣ Лавреншій швой? я объ слугѣ ни слова . . .
 Да барина его считаю за святова!
 Вѣдь знаю, ошъ чего прошивень онъ для васъ:
 Онъ обамчашъ грѣхъ — а правда колить глазъ . . .
 Ошъ только прелести мѣрсїа поряцаешъ;
 Но ревность за Бога его одушевляешъ.

М А Р Ф А.

Пусть шакъ! — да ошъ чегожъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ
 Не шерпимъ закъ гостей и бѣсится за вздоръ?
 Прощивноль Богу то, что въ домъ нашъ вѣдаютъ гости,
 А онъ за нихъ гошовъ насъ разорвать со злости. —
 Сказашъ ли, ошъ чего такъ строгъ и такъ браичивъ?

(Указывая на Людмилу)

Къ невѣсткѣ вашей онъ . . . мнѣ кажешся, ревнивь.

Ч Е Т К И Н А .

Молчи, безбожница! какъ смѣешь? .. нѣтъ шерцильа!

Не онъ одинъ хулитъ всѣ ваши пощенья:

Сосѣди, городъ весь! Знакомства всякой сбродъ,

И ночь и день - денской кареты у ворошь,

Въ передней и въ сѣняхъ — лакейское собранье.

Чтожь прибыли? вездѣ объ васъ же шолкованье.

Положимъ, что грѣха нимаю въ эшомъ нѣтъ;

Но дурио ужъ и то, что замѣчаешь свѣтъ!

Да! . . .

И С К Р И Н Ъ .

И, сударыня! вѣдь пошлия нѣтъ на басни!

Такъ! — мы прѣдалькѣ, какъ скоро изъ боязни

Къ разсказамъ, къ мнѣнію говоруновъ, вралей,

Чтобъ зажимаешь имъ ротъ, должны бросать друзей;

Но еслибъ и во всемъ мы сплешнямъ угождали?

Ихъ не уймешь ни чѣмъ, — шрещетки всебъ шрещали;

Злословью, зависна границъ и мѣры нѣтъ:

Такъ пусть же шѣшится надъ нами глупый свѣтъ,

Лишь каждый бы изъ насъ зналъ самъ свои пороки,

А тамъ, — пусть сплешниды болтають какъ сороки!

М А Р Т А .

Сосѣдка и ея дражайшій муженекъ . . .

О Боже! не оица хопать намъ дать урокъ? . . .

Да шотъ, кто больше всѣхъ погрѣшностей имѣешь,

Пересужаешь другихъ изъ первыхъ подоспѣешь!

Умьютъ подъ шумокъ изъ-за угла схватишь

Словцо, ужимку, взглядъ, чтобъ сплешни заводишь,

Чшобъ разносишь запасъ вѣшей по вѣсьмъ гостиницымъ
 И вредный шолкъ даваешь вѣсьмъ слабосиамъ невиннымъ,
 Пріятно свой порокъ въ другихъ подсперегаешь!
 Киво черенъ самъ, пошь радъ вѣсьхъ сажею марашъ,
 Сосѣдка милая привычкою всегдашней
 Злословишь, хочешь скрыть грѣхи своихъ же шапней,
 И ошь своей стыдомъ покрытой головы
 Отводишь на другихъ позоръ людской молвы.

Ч Е Т К И Н А.

Смощри! дѣлаешь вѣсьхъ, какъ молодощъ колошитъ.
 И преисподняя злодѣйку не поглотитъ!
 Сосѣдка въ Богъ вся, — но ошь ея людей
 Я знаю, что вашъ сѣзлъ давно прошивень ей.

М А Р Т А.

Вошь какъ! . . . благодаримъ ея за поученье.
 Нѣшь спора, что ея примѣрно поведенье!
 Но не подь снарощъ ли такъ сдѣлалась скромна?
 Пришло ей скромничать, какъ спала ужъ дурна.
 Пока была мила и нравишься умѣла,
 Она любила жить и суешу шерпѣла.
 Когда же лобъ ея наморщился ошь лѣтъ,
 И бросилъ свѣшь ея . . . сама бросаешь свѣшь;
 Но строгой святостью, кошорой дѣголяешь,
 Завялыхъ прелестей оспашки прикрываешь.
 Кокешокъ вѣсьхъ одинъ коведъ: — вѣдь грустно имъ
 Оплакивать себя предъ зеркаломъ своимъ!
 Тогда, какъ вѣшь уже истощены приманки,
 Ничто къ нимъ такъ неидеть, какъ выстпука же-
манки.

И этихъ набожницъ такъ смѣшавощъ тонка,
 Чшо имъ въ чужомъ глазу соринка велика.

Спасительныя есъмъ даюшь правоученья,
 Не изъ любви къ другимъ, совсъмъ не для спасенья;
 Но ихъ завистный глазъ не шерпишь шо въ другихъ,
 Чшо время унесло и опьяло у нихъ.

Ч Е Т К И Н А (къ Людмилѣ).

Спасибо! а молчу: словами замешала!
 Ты хочешь, чшобы я и передъ ней молчала,
 И чшобы она одна кричала громче всѣхъ? . . .
 Такъ нѣтъ; шенерь и мнѣ поговорить не грѣхъ. —
 Мой сынъ безкровнаго прикрылъ: свяшое дѣло!
 Нашель сокровище! Да и скажу я смѣло,
 Чшо Божья благодать его послала къ намъ,
 Для назиданья душъ. — Такъ, онъ пропишетъ вамъ;
 Безъ правилъ же его спасшись вамъ не возможно:
 Чшо ненавиждишь онъ, шо ненавиждишь должно.
 Визиты, балъ, театръ и въ танцахъ каждый шагъ —
 Все это выдумаль души проклятой врагъ.
 Не слышу, чшобы когда про святость говорили;
 Все вздоръ, все чепуха . . . а объ душъ забыли!
 Не шо — на счетъ людей другъ друга забавляшь!
 А чшобы блеснуть словцемъ — не пощаждать и мать.
 Ну, всякой голову и память пошеряешь,
 Кшо въ суетъ такихъ собраній побываешь!
 Тьму скалокъ, рассказней разблагговѣстяшь вишь!
 Ну, правду говорилъ про нихъ мой духовникъ:
 Вотъ вавилонской столбъ! вотъ азыковъ смѣшене! . . .
 Смѣхъ, шумъ во всѣхъ углахъ — ну гдѣжь ловиновеце?
 Рчь вотъ съ чего взялась: какъ мужъ покойникъ мой. . .

(къ Искрину).

А вы, сударь, чему смѣетесь? . . . надо мной? . . .
 Пусть кто другой, а я, ей-ей, не для пошѣхи! . . .
 Прощай, невѣстка! вамъ не сдѣлаю помѣхи;

Впередъ, я побожусь, что буду все молчать :
Но если шакъ, то вавъ меня здѣсь не выдашь.

(Даетъ пощечину Ульми, которая задумалась.)

Ты въ пошолокъ гладышь? . . . Творецъ! спаси ихъ души!
Соблазнь да грѣхъ . . . . но я тебѣ расправлю уши. —

*(Уходитъ въ сопровожденіи Людмилы, Софии
и Викторя).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Четкинъ, Искринъ и Марѳа.

Ч Е Т К И Н Ъ.

А здравствуй братья!

И С К Р И Н Ъ.

Ну погулялъ же ты! здорово, очень радъ!
Что въ поля? Что швой хлѣбъ, ужежь не хвалишь льша?

Ч Е Т К И Н Ъ.

Эй Марѳа! . . .

(Къ Искрину):

Дай мнѣ срокъ и подожди ошвѣта.

Чтобъ успокошсья, дай мнѣ поразспросишь
Домашнихъ новостей.

(къ Марѳѣ).

Изволь мнѣ говоришь.

Ну какъ' и что въ два дни? — рапортъ! да слово въ
слово!

Что дѣлаюшь у насъ и все ли здѣсь здорово?

М А Р Ф А.

Нышь-съ . . . . барыня безъ васъ, третьяго дни весь день
Лежала . . . . днемъ ознобъ, а къ вечеру мигрень.

ЧЕТКИНЪ.

А Фарисеевъ мой?

МАРОА.

Кой-какъ, — все понемногу :

Здоровъ, полетъ, свѣжъ, румянъ и веселъ слава Богу.

ЧЕТКИНЪ (съ радостію).

Голубчикъ!

МАРОА.

Ветеромъ бульйонъ ей подала.

Она ошеѣдала, но скушать не могла,

Легла пошомъ . . . . покой больной былъ очень нуженъ.

ЧЕТКИНЪ.

А Фарисеевъ?

МАРОА.

Она велѣла подать свой ужинъ,

И во спасеніе съѣла двухъ большихъ цыплятъ,

Кусокъ телятины — и съ блюда весь салатъ.

ЧЕТКИНЪ.

Голубчикъ!

МАРОА.

Барыня всю ночь не почивала,

И только на зарѣ съ минутой засыпала;

Жаръ, головная боль ей не давали спать —

И мы рѣшились за докторомъ послать.

ЧЕТКИНЪ.

А Фарисеевъ?

МАРОА.

Она . . . ахъ, какъ вы ладобли!

Изъ-за стола шомчасъ пошла къ своей постели;

На мягкой пуховикъ съ отрадою упалъ —
Заснулъ — и до утра онъ какъ убитый спалъ.

ЧЕТКИНЪ.

Голубчикъ!

МАРОА.

Наконецъ мы всё къ ней приступили,
Чтобъ кровь дала пустишь, а кровь ей отворили, —
Что очень помогло... Для подкрепленьяжъ силъ....

ЧЕТКИНЪ.

А Фарисеевъ?

МАРОА.

Онъ . . . позавтракашь спросилъ —
И показалъ къ больной участіе живое:
Чтобъ барышину кровь вознаградишь намъ вдвое,
Покушавъ, осушилъ бутылочку до дна.

ЧЕТКИНЪ.

Голубчикъ!

МАРОА.

Но теперь и другъ вашъ и она
Здоровы. — Я иду скажешь ей въ утѣшенъе,
Какъ мужа радуешь жены выздоровленъе.

Н.

Сельцо Надеждино.

Моск. Губ. Дм. уѣзда.

С у п р у г и.

В о е н н а я л ь с н я.

Не невѣста съ женихомъ
 Бракомъ сочелась : —
 То рука съ лихвымъ мечёмъ
 Схлблая спозналась.

*

Ихъ опчизнушка свела ,
 Слава обручила ,
 Вѣра въ церковь привела
 И благословила.

*

Ужъ какъ свадьбу разыграшъ
 Вышли въ чисто поле ,
 Ужъ какъ стали пировать
 По любезной волю !

*

А гостей-то дѣлый миръ
 Къ празднику созвали :
 То-то былъ веселый пиръ !
 То-то пировали !

*

Не было тамъ музыки ,
 Пѣсенокъ не пѣли ;
 Вмѣсто ихъ все пушечки
 Весело гудѣли.

*

На пиру они загла
 Не изъ вѣску свѣчи :
 Все горѣли фишлы ,
 Бомбы да картечи.

*

Ихъ не хмѣлемъ , не сребромъ
 Сверху осыпали ;
 Жаркой мѣдью да свинцомъ
 Въ молодыхъ кидали.

*

Не вино , а кровь враговъ
 Молодые пили ;
 Сошней вражескихъ головъ
 Другъ друга дарили.

*

Угостили цѣлый мѣръ ,
 Всѣхъ повеселили :
 Славно начашъ брачный пиръ ,
 Плохо довершили.

*

Люшый недругъ набѣжалъ ,
 Руку оторвали ;
 Скрый мечъ на землю палъ , —
 Запоналъ съ печали.

*

Не любовникъ слезы льешь
 О подругъ нѣжной ,
 Злая смерть его грызеть
 Въ грусти безнадежной :

*

Нѣтъ ! то вдовый мечъ грустишь
 О подругъ боа ,
 Злая ржа на немъ лежишь
 И грызеть героя.

С. Шевырскъ.

П Р О З А.

Что пѣна въ винѣ , то сны въ головѣ.

П о в ѣ с т ь .

„Что пѣна въ винѣ ; то сны въ головѣ ,“ сказалъ спарый Баронъ , пропянувши руку къ колокольчику , какъ бы съ намѣреніемъ позвашь Гаспара , который обыкновенно съ свѣчею провожалъ его въ спальню . Въ самомъ дѣлѣ было уже поздно ; холодный , осенній вѣсеръ свисалъ въ щели лѣшняго зала ; Марія сидѣла закушавшись въ шаль свою ; закрывались глаза ея , и она едва , едва могла боронься съ дремотою . — „Однакожь ,“ продолжалъ спарикъ , снова опнявъ руку опъ звонка , выпяпившись изъ кресель и облокотясь на свои колѣна — „однакожь я помню , что въ молодосши видѣлъ я нѣсколько сновъ , весьма удивительныхъ .“ — Ахъ башюшка , воскликнулъ Опмаръ , какой сонъ не удивителенъ ? Но не всѣ дѣйствующъ съ равной силою ; рѣшителное , неоспоримое вліяніе имѣющъ только тѣ , которыя предвѣщающъ какое нибудь необыкновенное явленіе , и , по словамъ Шиллера , какъ духи предшеспвующъ судьбамъ великимъ , — тѣ , которыя насильствено увлекающъ насъ въ шемное шайншвее-

ное царство, рѣдко открываемое ограниченными нашими взорами. —

„Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ,“ повторилъ Баронъ глухимъ голосомъ. — А я, возразилъ Опмаръ, я вижу разительную аллегорію въ этой пословицѣ матеріалистовъ, которые часто называютъ нелѣпнымъ и невѣроятнымъ то, что очень естественное, и естественнымъ то, что по-длинно заслуживаетъ удивленіе. — „Охота тебѣ искашь смысла въ нелѣпой обвѣщанной пословицѣ,“ сказала Марія зѣвая. Опмаръ засмѣялся и окончилъ: „открой глазки и выслушай меня шептливо. Шутки въ спорѣ, любезная Марія, еслибъ тебѣ не шакъ хошлось спать, ты сама догадалась бы, что когда рѣчь идетъ объ одномъ изъ превосходнѣйшихъ явленій въ жизни человѣческой, ш.е. о сновидѣніи, — то при сравненіи его съ пѣною должно разумѣть пѣну въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. — Само собою разумѣется, что здѣсь говорится объ игривой, шипучей и кипящей пѣнѣ Шампанскаго, такой пѣнѣ, которая и тебѣ нравится, какъ я примѣнилъ, не смотря на то, что ты презираешь сокъ виноградный, какъ то и слѣдуешь красной дѣвухкѣ. Взгляни на эти тысячи пузырьковъ, кои какъ жемчужин-

ки поднимаются и пѣною играютъ на краяхъ бокала! это духи, которые не-терпѣливо рвутся изъ земныхъ оковъ; такимъ образомъ въ пѣнѣ живешь и движешься высшее духовное начало, которое, освобождаясь отъ бремени вещественнаго, быстро несется на крыльяхъ въ дальное, для насъ всѣхъ завѣтное, царство неба, радостно бесѣдуешь съ родными высшими духами, и какъ въ знакомую стихію углубляешься въ міръ самыхъ удивительныхъ явленій. Такъ можешь бышь и сновидѣнія рождаются изъ эпой пѣны, изъ коей свободно и весело вылетаетъ духъ нашъ въ то время, какъ сонъ спѣсняетъ нашу жизнь внѣшнюю, и мы пробуждаемся къ жизни высшей внутренней, — въ которой предчувствуемъ всѣ явленія опдаменнаго міра духовъ и уносимся за предѣлы времени и пространства. „Мнѣ кажется,“ прервалъ его старый Баронъ, какъ бы насильно отрываясь отъ томившаго его воспоминанія, — „слушая тебя, мнѣ кажется, что я слышу пвоего друга Альбана. Вы оба знаете, что я непреклонный вашъ противникъ. Все, что ты говорилъ теперь, хорошо сказано, и могло бы очень нравиться многимъ душамъ чувствительнымъ, или, лучше сказать, сентиментальнымъ; но пвое мнѣніе односпорно и потому уже не

справедливо. Если вѣришь тому, что ты бредилъ о сообщеніи съ міромъ духовъ и чего уже я не помню, то надобно бы полагать, что сны переносятъ человека въ самое счастливое положеніе. Но напрошавъ всѣ сны, копорые я называю замѣчательными потому только, что случай доставилъ имъ нѣкоторое вліяніе на жизнь мою, — а случаевъ называю спеченіе обстоятельствъ, совсѣмъ несвязныхъ между собою, — всѣ эти сны, говорю я, были непріятны, мучительны. Иногда я даже занемогалъ отъ нихъ, хотя и не любилъ надъ ними ломать голову; ибо тогда еще не было въ модѣ гоняться за всѣмъ шѣмъ, что природа премудро отъ насъ удалила.“ — Вы знаете, бапюшка, возразилъ Опмаръ, какъ я думаю вмѣстѣ съ другомъ моимъ Альбаномъ о томъ, что вы называете случаевъ, спеченіемъ обстоятельствъ и другими подобными именами. — Что же касается до этой моды во все углубляться; то вспомните бапюшка, что эта мода очень стара, ибо основана на самой природѣ человеческой. Ученики въ Саисѣ. . . . , „Оспановись,“ воскликнулъ Баронъ: „теперь не время углубляться въ разговоръ, котораго шѣмъ болѣе избѣгаю, что я сего дня совсѣмъ не располо-

женъ борюсь съ своимъ пламеннымъ энтузіазмомъ къ чудесному. Признаюсь ошкровенно, что сего дня, болѣе обыкновеннаго, преслѣдуешь меня воспоминаніе, которое ошносится къ лѣтамъ моей молодости и ошъ котораго я не могу избавишься. Еслибы я разсказалъ вамъ это спрванное приключеніе, то Опмаръ вѣрно бы вывелъ изъ него доказательство, что сонъ, шѣсно связанный съ дѣйствительностью, имѣлъ на меня сіе самое злое вліяніе.“ Былъ можешь, любезный бапюшка, вы доставилие случай Альбану и мнѣ умножишь число различныхъ опытовъ, которые подшверждають новѣйшую теорію вліянія магнетизма, основанную на наблюденіи сна. — „Одно слово, магнетизмъ, приводишь меня въ пренепъ,“ возразилъ съ досадою Баронъ „впрочемъ всякій думаетъ по своему, и ваше счастье, если природа позволяетъ вамъ нечистыми руками дергать за ея покрывало и не наказываетъ любопытства уничтоженіемъ любопытныхъ!“ — Любезный бапюшка, возразилъ Опмаръ, не будемъ споришь о предметахъ, которые зависяшь единственно ошъ убѣжденія, — но не ужели вы не можете сообщить намъ этаго воспоминанія вашей молодости? — Баронъ сълъ глубже въ кресла, прижался къ спинкѣ, под-

нялъ къверху вдохновенный взглядъ, — что́ обыкновенно дѣлалъ онъ, когда былъ внутренне расстроганъ — и вошь какъ началъ разсказъ свой:

„Вы знаете, что я получилъ военное образованіе въ Берлинской рыцарской Академіи. Въ числѣ памошникъ училелей находился человекъ, копорый для меня оспаненся навсегда незабвеннымъ; по сихъ поръ не могу вздумать о немъ безъ внутренняго содроганія, и часно мнѣ кажется, что онъ, въ видѣ призрака, входитъ въ двери. — Необыкновенно высокій ростъ шѣмъ болѣе былъ разишелень, что онъ былъ худошавъ и сложенъ какъ бы изъ однихъ мускуловъ и нервъ; въ молодости вѣроятно былъ онъ хорошъ собою; едва можно было выдержать пламенный взглядъ большихъ черныхъ глазъ его; ему было за пятьдесятъ лѣтъ онъ роду, но онъ имѣлъ еще силу и ловкость юноши; всѣ движенія его были быспры и рѣшишелъны. На рапирахъ и эскадронахъ онъ побеждалъ самыхъ искусныхъ фехтмейстеровъ, и самую дикую лошадь сжималъ такъ крѣико, что она подъ нимъ крѣхшѣла. Онъ прежде былъ Маіоромъ въ Датской службѣ, но, какъ говорили, принужденъ былъ бѣжать изъ Даніи, потому что на поединкѣ убилъ своего Генерала. Нѣкоторые увѣряють, что

за обидное слово онъ прокололъ его шпагой, не давъ ему времени защищиться, а не на поединкъ. Словомъ, онъ точно бѣжалъ изъ Дави и былъ опредѣленъ съ чиномъ Маіора къ рыцарской академіи, гдѣ и преподавалъ фортификацію въ высшемъ классѣ. Онъ былъ вспыльчивъ до крайности; одно слово, одинъ взглядъ могли привести его въ состояніе бѣшенства; воспитанниковъ наказывалъ онъ съ самою упорченной жестокостію, и при всемъ томъ всѣ были къ нему привязаны до невѣроятности. На пр. вопреки порядку и правиламъ школы, онъ однажды такъ сурово поступилъ съ однимъ воспитанникомъ, что начальство за него вспурилось и предало Маіора суду; но эпошъ самый воспитанникъ сложилъ всю вину на себя и съ такимъ жаромъ защищалъ его, что Маіоръ былъ оправданъ. Бывали дни, въ которые онъ не походилъ самъ на себя; суровый, полстой голосъ его дѣлался тогда удивительно благозвученъ, а взглядъ такъ привлекателенъ, что отъ него нельзя было оторваться. — Онъ становился тихъ и мягкосердеченъ, прощаль всѣ незначущія ошибки; а если кому-нибудь за доброе дѣло пожметъ бывало руку, то эпошъ знакъ его одобренія, какъ непреоборимая сила волшебства, покорялъ ему душу мо-

лодаго человека: тогда пошли его на самую мучительную смерть — повелѣніе было бы пошчасъ исполнено. За такими днями обыкновенно слѣдовала ужасная буря, опъ которой всякой спарался укрыться. Тогда чуть займется заря, онъ ужъ надѣваетъ красный Датскій мундиръ свой, и цѣлый день безъ опдыха, зимою и льпомъ — бѣгаетъ спрашными шагами по большому саду, который примыкалъ къ главному зданію рыцарской академіи; дикимъ голосомъ говоришь на Датскомъ языкѣ, сопровождаешь рѣчь свою самыми сильными шлодвиженіями; обнажишь шпагу и сражаешься какъ будто съ могучимъ противникомъ, нападаешь, защищаешься, наконецъ расчитываешь ударъ рѣшишельный и низвергаешь своего противника; шупъ раздаются ужасныя ругательства и проклятія, онъ сплужишь ногами объ землю, какъ будто расплывавая шрупъ убиваго. Тотчасъ послѣ эшаго начинается онъ бѣганъ съ невѣроятною быспротою по аллеямъ, влезаетъ на самыя высокія деревья и съ верху такъ язвительно хохочетъ, что его было слышно въ комнашахъ, и у насъ кровь замерзала въ жилахъ. Обыкновенно проводилъ онъ въ шакомъ бѣшенствѣ цѣлыя сутки, и замѣчательного было, что въ равноден-

спивіе всегда случался съ нимъ подобный припадокъ. На другой день, казалось, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что съ нимъ происходило на канунъ; примѣчали только, что онъ былъ неперпѣливѣе, вспылчивѣе, суровѣе обыкновеннаго, — и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ вновь не успокоивался духомъ. Не знаю, откуда взялись спранные нелѣпные о немъ слухи, которые носились между прислужниками академіи и даже въ городѣ между просшымъ народомъ. Увѣрили на пр., что онъ заговариваетъ огонь, и пр. А старый инвалидъ, конторый служилъ мнѣ, говорилъ-бывало явно, что очень хорошо знаетъ о чудесныхъ приключеніяхъ Г. Маіора, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на морѣ, въ сильную бурю, явился ему нечиспый духъ и обѣщаль спасеніе отъ неизбѣжной смерти; что онъ согласился на предложеніе и предался лукавому; что съ тѣхъ поръ часто долженъ онъ вступать въ ужасную борьбу съ эшимъ духомъ, котораго видѣли бѣгающимъ по саду въ видѣ черной собаки или въ образѣ другаго чудовищнаго звѣря, и что рано или поздно Маіоръ непременно погибнетъ страшною смертію. Подобные рассказы и тогда казались мнѣ безумными и нелѣпными; но при всемъ томъ я не

могъ защищиться отъ какого-то внутренняго ужаса; и хотя за особенное расположеніе, которое Маіоръ мнѣ оказывалъ преимущественно предъ прочими, я плашилъ ему искренней привязанностию: однакожь въ то чувство, которое поселилъ во мнѣ эпоть чело-вѣкъ необыкновенный, входило нѣчто непонятное, что безпрерывно меня преслѣдовало и чего я не могъ объяснить себѣ. Непонятная сила меня влекла къ нему, и мнѣ казалось, что еслибы я могъ перестать любить его на одно мгновеніе, то это мгновеніе было бы убійственнымъ. — Правда, присутствіе его имѣло для меня что-то пріятное; но это чувство сопровождалось какимъ-то мучительнымъ страхомъ, чувствомъ непреодолимаго принужденія, которое напрягало силы мои и приводило меня въ пренешъ. Когда онъ бывалъ со мною особенно ласковъ и — что обыкновенно дѣлалъ въ такомъ случаѣ — сильно усмремлялъ на меня свои взоры, крѣпко жаль руку, рассказывалъ чудесныя повѣсти, и если это продолжалось довольно долго, то я изнемогалъ отъ силы впечатлѣній, чувствовала себя больнымъ, разслабленнымъ до крайности. Умолну о разныхъ странностяхъ, которыя случались со мною даже въ то время, когда Маіоръ при-

нималъ участіе въ моихъ дѣтскихъ играхъ и прилѣжно помогаль мнѣ спрощь крѣпость, которую началъ я въ саду по спрожайшимъ правиламъ фортификаціи; — прискупаю къ главному происшествію. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, если не ошибаюсь, въ ночь съ 7 на 8 е въ 17 . . . году видѣлъ я во снѣ — шакъ живо какъ на яву, — что Маіоръ шихонько отворяешъ дверь мою, медленно подходилъ къ моей постелѣ, спрашно успремляешъ на меня впалые черные глаза свои, кладешъ руку мнѣ на лобъ, прикрываешъ не много глаза, шакъ однако, что я могъ его видѣшь. — Я заспеналъ: мнѣ было душно и спрашно — шупъ сказалъ онъ мнѣ глухимъ голосомъ: „Несчастное дитя человеческое! познай швоего владыку. Напрасно шы извиваешся — изъ рабства не выползешъ, не свергнешъ моего ига! я вижу насквозь швою внушренность; все, что шы прежде скрывалъ въ ней, все, что впредъ скрышъ захочешъ, обнажено и ясно предо мною. Чшобъ не дерзалъ шы, о червь земной, сомнѣваться въ силъ моей надъ шобою, я видимымъ образомъ проникну въ самое шайное хранилище швоихъ мыслей.“ Въ шу же минушу увидѣлъ я въ рукъ его оспрую раскаленную иглу, которую пропкнулъ онъ мой черепъ, — я вскрикнулъ ошъ

ужаса и проснулся, обливаясь потомъ и почти безъ памяти. Наконецъ пришелъ я въ себя, но комната была наполнена густымъ тяжелымъ воздухомъ, и мнѣ казалось, что я издали слышу голосъ Маіора, котораго нѣсколько разъ звалъ меня своимъ именемъ. Я почелъ это дѣйствіемъ ужаснаго сна и выпрыгнулъ изъ постели, чтобы открыть окно и отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ. Но какой ужасъ овладѣлъ мною, когда при полномъ мѣсяцѣ я увидѣлъ Маіора, въ красномъ мундирѣ, точно такъ какъ онъ предъставился мнѣ во снѣ, идущаго по большой аллеѣ къ рѣшечкастымъ воротамъ, которые вели въ поле; онъ отворилъ ихъ, вышелъ и захлопнулъ такъ крѣпко, что все застучало — и веревки и занаворы — и спужъ громко раздавался въ тишинѣ ночи. — Что это значило? за чѣмъ ночью идешь Маіоръ въ поле? думалъ я про себя; мучительная робость спѣснила мнѣ дыханіе, какая-то непреоборимая сила понудила меня одѣться и разбудить добраго нашего Инспектора, почтеннаго семидесятилѣтняго старца, единственнаго человека, котораго Маіоръ въ самомъ сильномъ пароксизмѣ боялся и щадилъ. Я рассказалъ все, что случилось со мною и во снѣ и на яву: старикъ слушалъ со вниманіемъ, сказалъ, что и

самъ слышалъ, какъ хлопнули садовые ворѣша, но почелъ это за мечту; что могло дѣйствительно случиться съ Маіоромъ что-нибудь необыкновенное и потому не худо заглянуть въ его комнату. Ударили въ колокольчикъ, подняли учениковъ и учителей, и со свѣчами, какъ бы въ торжественной процессіи, пошли по длиннымъ сѣнямъ къ квартирѣ Маіора. Двери были заперты; напрасно пышались отворить ихъ главнымъ ключемъ, и мы увѣрились, что онѣ изнутри заперты задвижкой. Главныя двери, которыми Маіоръ долженъ былъ пройти въ садъ, были также заперты и заложены, какъ наканунѣ вечеромъ. Звали, кричали, не было отвѣта; наконецъ вломились въ спальню, и чтожь увидѣли? — съ оцѣпенѣлымъ ужаснымъ взглядомъ, съ кровавою пѣною у рта, со шпагою въ скапѣ, окоснѣлой рукѣ, лежалъ Маіоръ мертвый на полу, въ своемъ Датскомъ красномъ мундирѣ! — Всѣ усилія возвратить его къ жизни были тщетны.“ —

Баронъ умолкъ. — Отмаръ хотѣлъ было что-то сказать, но остановился и, побирая лобъ рукою, казалось, хотѣлъ сперва привести въ порядокъ мысли, возбужденныя этой повѣстью. — Марія прервала всеобщее молчаніе. „Какое ужасное приключеніе!“ сказала она;

„мнѣ кажется, я теперь вижу спраш-
наго Маіора въ его Датскомъ мундирѣ,
вижу, какъ онъ успремилъ на меня
взглядъ свой. Ахъ! чувствую, что мнѣ
не спать этой ночи.“ Живописецъ
Францъ Бикерсъ, истинный другъ се-
мейства, который лѣтъ пятнадцать
жилъ въ домѣ Барона, по своему
обыкновенію не принималъ, казалось,
участія въ разговорѣ; но, сложивъ ру-
ки за спиною, ходилъ взадъ и впередъ
по комнатамъ, кривлялъ лице и дѣлалъ
иногда смѣшныя прыжки на паркетѣ.
Наконецъ подошелъ онъ къ бесѣдующимъ
съ своими замѣчаніями. „Баронесса прав-
ду говоришь,“ сказалъ онъ „къ чему
разсказывашь передъ самымъ сномъ та-
кія ужасныя приключенія? По крайней
мѣрѣ, это несогласно съ моею теоріей,
которая основана на нѣсколькихъ мил-
ліонахъ опытовъ. ежели Барону всю
жизнь снилось только страшное, то
единственно потому, что онъ не зналъ
моей теоріи и слѣд. не могъ съ ней со-
ображаться. Говори себѣ Опмаръ, что
хочешь, о магнетическомъ вліяніи, о
дѣйствіи планеты — быть можешь,
онъ не совсѣмъ ошибается; но толь-
ко моя теорія можешь дать человѣку
такой щитъ, котораго не пробьешь
никакой лучъ мѣсячный. . .“ — Хотѣ-
лось бы, очень бы хотѣлось узнать,

что за чудесная теория, сказала Опмарь. „Пускай говоришь наш Француз!“ закричал Баронъ „онъ скоро убѣдитъ насъ, въ чемъ захочетъ.“ Живописецъ сълъ напрашивъ Маріи; съ большими приготовлениями, съ пренебрежной улыбкой понюхалъ табаку и началъ слѣдующимъ образомъ:

„Почтенное собраніе! *Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ* — это старинная, коренная Нѣмецкая пословица (*), но Опмарь такъ хитро расподковалъ ее, что пока говорилъ, я точно чувствовалъ въ головѣ своей тѣ пузырьки, которые онъ вещественнаго спремянся къ началу духовному. Теперь надобно спросить: нашъ ли умъ приготовляетъ эту влагу, отъ которой отдѣляются эти тончайшія части? Ошвѣчаю: вся природа со всеми своими явленіями, не только служитъ человеку, сколько онъ верзаетъ ему поприще, на которомъ онъ, называя себя ея господиномъ, дѣйствуетъ, какъ простой работникъ, для ея же цѣлей. Со всеми внѣшними предметами, со всею природою, мы находимся въ самой тѣсной физической и нравственной связи; отдѣлившись отъ нихъ, — еслибы это было возможно, — мы перешли

(*) Träume sind Schaume.

бы существовать. Наша, такъ называемая, *внутренняя* жизнь зависитъ отъ *внѣшней*; она какъ вогнутое зеркало: въ ней отражаются всѣ явленія, но въ неправильныхъ размѣрахъ и спраннымъ видѣ. И потому утверждаю смѣло: не приходило челоуку въ голову, не снилось ничего такого, что бы своихъ спихій не имѣло въ природѣ: вонъ изъ природы онъ не можеть сдѣлать ни шагу. Исключаю нѣкоторыя внѣшнія, неоправимыя впечатлѣнія, которыя возмущаютъ нашу душу, даютъ нашей фантазіи противоположенное направленіе; таковы на примѣръ внезапный страхъ, сильная горесиль и пр.; но увѣренъ, что если бы нашъ умъ умѣлъ удерживаться въ назначенныхъ ему предѣлахъ, то очень удобно могъ бы изъ пріятнѣйшихъ явленій жизни извлекать шу влагу, изъ которой, по словамъ Опмара, выскакиваютъ пузырьки, образующіе пріятную пену сновъ. По крайней мѣрѣ я, будучи вечеромъ всегда въ превеселомъ расположеніи духа, — чего вѣрно никто не оспоритъ, — я дѣйствительно приготавливаю себѣ сны на ночь, думая о всякихъ дурачествахъ, которыя моя фантазія, во время сна, представляетъ мнѣ въ самомъ забавномъ видѣ. Особенно смѣшатъ меня мои теа-

пурные вымыслы. . .“ — Какъ? спросилъ Баронъ. — „Точно такъ“ опвѣчалъ Бикерпъ: „давно уже замѣшилъ одинъ остроумный стихотворецъ, что во снѣ мы отличные драмашки и отличные актеры: всякой характеръ со всеми тончайшими чертами его мы понимаемъ вѣрно, и опмѣнно вѣрно выражаемъ ихъ. Я держусь эшаго правила: часпо приходяшь мнѣ въ голову разныя комическiя приключенiя, случавшiяся со мной въ путешесствiяхъ, разныя комическiя лица, съ кошорыми мнѣ случилось жить вмѣстѣ: и ночью — моя фантазiя, представляя мнѣ эти лица со всеми ихъ смѣшными качествами и дурачествами, рисуешь для меня презабавное зрѣлище. Вечеромъ я какъ будто сочиняю прошлой очеркъ такой пiесы; ночью все пламенно оживляется по произволу поэта. Я заключаю въ самомъ себѣ и труппу актеровъ, и публику, и стихотворца. — Изъ эшаго рода сновъ, почти произвольно возбуждаемыхъ, исключаются, какъ я сказалъ уже прежде, всѣ тѣ, коими поводомъ служишь какое-нибудь чувство, порожденное внѣшнимъ случаемъ, какое-нибудь внѣшнее физическое впечатлѣнiе. Кому на пр. иногда не казалось, что онъ падаетъ съ высокой башни, что ему рубяшь голову, и пр.? Всѣ такiе

сны происходящъ отъ физической боли, кошорую умъ, дѣйствуя во снѣ независимѣ отъ шѣла, толкуенъ по своему и находить ей причину фантастическую. Я помню, мнѣ когда-то снилось, будто я пуншеваль въ веселомъ обществѣ; удамый офицеръ, мнѣ короршко знакомый, безпреспанно задиралъ одного студента, такъ что наконецъ сей послѣдній швырнулъ ему въ лице стаканомъ; завязалась общая драка, я хотѣлъ мирить, былъ жестоко раненъ въ руку, сильная боль разбудила меня — и чтожь? кровь дѣйствительно текла по рукѣ — я оцарапалъ ее большою булавкою, кошорая была вопкнута въ одѣяло. . .“ — Ага, Франць! закричалъ Баронъ, не совѣтъ же пріятный сонъ шѣи себѣ приготовилъ. — „Увы!“ сказалъ живописецъ жалобнымъ голосомъ, „кто же виновать въ томъ, что судьба иногда посылаетъ намъ въ наказаніе? И я видалъ сны ужасные, мучительные — обливался потомъ, выходилъ изъ себя. . .“ — Разсказывай же скорѣе — прервалъ Опмаръ — хотѣ бы отъ него рушилась вся шѣоя теорія. — Ахъ! ради Бога сжажьтесь надо мною, сказала Марія. — „Нѣтъ! нѣтъ!“ отвѣчалъ Бикерль, къ чоршу вся жалость! Не меньше другихъ я навидался сновъ ужасныхъ. Какъ

же? Разъ приглашаетъ меня къ чаю Принцесса Амальдафонджи; я надѣваю прекрасный кафтанъ съ галунами, шпильный жилетъ; говорю самымъ числымъ Испаліянскимъ языкомъ — *lingua Toscana in bosca Romana*; — какъ наспоющій художникъ, влюбляюсь въ красавицу; употребляю самыя высокія, небесныя, піипическія выраженія; вдругъ она взглянула наискось, и я, къ своему ужасу, увидѣлъ, что, одѣвшись шакъ щегольски, сидѣлъ передъ ней безъ галесуха и грудь на распашку. — Боже мой! мало ли еще другихъ адскихъ сновъ могу рассказать вамъ? Однажды — я мечшою перенесся въ двадцашый годъ своей жизни; давали балъ; я располагался нашанцоваться дѣсыпа съ милыми барышнями; какъ въ хлопѣпахъ велѣлъ выворотить свой старый фракъ, чтобъ онъ казался поновѣе; купилъ себѣ пару бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ; истрапилъ на это послѣднія деньги; — вопть ужъ подхожу къ залу — шамъ сілюшь тысячи свѣчей, кипишь шолпа моднаго народа — опдаю билетъ; вдругъ прокляшый Швейцаръ отворяетъ какую-то заслонку и говоритъ съ убійственнѣйшей учпи-воспїю: „не угодно ли вамъ въ печку? а шамъ пройдете въ залу.“ — Но все это бездѣлки въ сравненїи съ шѣмъ ужаснымъ

сномъ, кошорый мучиль меня вчерашнюю ночь. Предсавьше — я какъ-то вдругъ превратился въ листъ веле-невой бумаги, и кто-то — какъ бишь зовущъ эшаго чорта? онъ преизвѣстный поэтъ — короче, эшотъ кто-то держаль въ рукъ предлинное, предурно очиненное, зубчашое перо Индѣйскаго пѣшуха, писалъ свои гадкіе стихи и нещадно царапаль меня бѣднаго. — А по еще когда-то душегубъ-Анапомъ вздумаль разсѣкаль меня на части и дѣлашь надо мною всякія догадки, на пр. каково было бы, еслибъ на спинь выросла у меня нога, еслибъ правая рука моя приросла къ лѣвой колѣнкѣ.“... Баронъ и Опмаръ прервали Бикерта громкимъ хохоломъ; всѣ развеселились, и Баронъ сказала: „Не даромъ говорю я, что въ нашемъ семейственномъ кругу Францъ насоящій maître de plaisir. Какимъ патетическимъ тономъ началъ онъ свое разсужденіе на шему, нами заданную! Тѣмъ пріяпнѣе, шѣмъ не-ожиданнѣе были шупки, кошорыми кончилась рѣчь его, кошорыя, какъ сильный залпъ, разрушили нашу торжественную важность. Въ одно мгновение перенесъ онъ насъ изъ міра опвлеченнаго къ веселой, живой дѣйствительности.“ — „Не думайте,“ опвѣчалъ Бикертъ, „чтобы я хотѣль бышь

вашимъ паяцомъ и думалъ только развеселишь васъ. Нѣтъ! эти гадкіе сны въ самомъ дѣлѣ меня мучили. Были бы можешь, я самъ виноватъ, самъ себя невольно приготовилъ ихъ.“ . . . Опмаръ прервалъ Бикерша. „Нашъ Францъ“ сказалъ онъ „доказываетъ свою теорію опытами; но мнѣ не нравится его изложеніе: я не вижу связи въ его выводахъ. Къ тому же есть другіе сны рода высшаго.“ . . . „Видишь“ сказалъ Баронъ, „Опмаръ пошчасъ опять поскачетъ въ эту неизвѣстную спрану, которую мы невѣрующіе, по его словамъ, можемъ видѣть только издали, какъ Моисей обывованную землю. Но мы его попросимъ какъ-нибудь повести насъ за собою. — Теперь дурная осенняя ночь; не худо бы намъ еще часочикъ посидѣть вмѣстѣ. Велимъ-ка развесити огонь въ каминѣ, а Марія пусть приготовитъ намъ вкуснаго пуншу: мы его признаемъ за того духа, который сохранитъ нашу веселость.“ — Взоры Бикерша прояснились, онъ возвелъ ихъ къ небу, глубоко вздохнулъ и, принявъ умоляющее положеніе, низко поклонился Маріи. Марія до того времени долго сидѣла въ задумчивости, не говоря ни слова; но, увидѣвъ смѣшную фигуру стараго живописца, разсмѣялась отъ души и пошчасъ вскочила при-

готовились все по желанію Барона. Бикерсъ хлопотливо за все брался, помогаль Гаспару носить дрова, спалъ на одно колено; нагнулся на бокъ, началъ раздувать огонь въ камелькѣ и безпрестанно просилъ Опмара показаться себя достойнымъ его ученикомъ, сри-совалъ его въ этомъ положеніи; не упуская изъ виду дѣйствія огня, который ярко освѣщаль лице его. Старый Баронъ спановился все веселѣй и — что случалось только тогда; когда онъ бывалъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа — велѣлъ себѣ подать свой длинной Турецкій чубукъ; украшенный рѣдкимъ янтарнымъ мундштукомъ. Когда же тонкій дымъ Турецкаго шабака наполнилъ залу, и Марія, наколовши сахару, выжала на него лимонный сокъ въ пуншевую чашу, — тогда всѣмъ показалось, что какой-то благой духъ парилъ надъ ними, наполняя ихъ такимъ живымъ наслажденіемъ; что они чувствовали одно настоящее, забывая и прошедшее и будущее.

„Спранно“ сказалъ Баронъ „что Маріи такъ хорошо удается пригото-вление пунша: другого я почти пить не могу. Какъ она ни объясняетъ состав-ныя его части и пр.; а никакъ шакого не сдѣлаетъ. Однажды при мнѣ дѣлала пуншь наша забавная Капилька точно

по тѣмъ же правиламъ, но я не могъ выпить и спакана. Подумаешь, что Марія нашептываетъ какія -нибудь слова, которыя придаютъ ему такую волшебную силу.“ — „И можешь ли бышь иначе,“ возразилъ Бикертъ, „это очарованіе красоны, которое оживляетъ все, къ чему прикасаешься Марія: спишишь только посмотрѣшь, какъ она готовится пуншь — и пуншь покажется безподобнымъ.“ — „Бикертъ очень учивъ“ прервалъ Опмаръ; „но не совсемъ правъ, съ своего позволенія, сестрица! Я согласенъ съ бабюшкой: что ты ни сдѣлаешь, что ни пройдетъ чрезъ твои руки, все то получается какую-то пріятность, производитъ во мнѣ внутреннее довольство. Францъ находилъ тому причину въ красотѣ твоей; онъ обожалъ тебя еще на осьмомъ году твоей жизни; но я ищу причины болѣе глубокой. . . .“

„Что вы хотите изъ меня сдѣлать сего дня?“ воскликнула Марія веселымъ тономъ: „едва переспали превозмъ меня своими спрашными разказами, и ужъ братъ во мнѣ самой находилъ что-то шайнственное; едва я переспала думать объ этомъ спрашномъ Маіорѣ, и ужъ должна бояться, чтобъ самой не превратилась въ привидѣніе, должна пугаться своего собственнаго изобра-

женія въ зеркаль.“ — „Это въ самомъ дѣлѣ было бы слишкомъ жестоко“ сказалъ, разсмѣявшись, Баронъ „шеснадцатилѣтней дѣвушкѣ не смѣшь посмотрѣться въ зеркало, безъ того, чѣмъ не приняшь своего лица за привидѣніе! — Но опъ чего мы сегодня опспашь не можемъ опъ эшаго мечпательнаго бреда?“ — „И чѣмъ всего спраннѣе, бапюшка“ замѣнилъ Опмаръ „вы сами невольнo подаете мнѣ поводъ распроспраннѣться о такихъ предметахъ, о которыхъ всякое розысканіе почитаете безполезнымъ, даже преспупнымъ. Признайшесь, чѣмъ вы именно за такія разсужденія не любите моего добраго Альбана. Но чѣмъ дѣлаетъ? Сама природа вложила въ насъ эшу спрасп къ изслѣдованіямъ, эшу неушолимую жажду познанія, и чѣмъ сильнѣе въ насъ дѣйствуетъ эшо побужденіе, тѣмъ мы способнѣе достигнемъ совершенства...“

„Да! и когда думаемъ, чѣмъ споймъ уже высоко на эшой лѣшвицѣ зысшаго совершенства“ прервалъ Бикершъ „тогда со спыдомъ съ нее падаемъ, и безчисленные недоумѣнія увѣряютъ насъ, чѣмъ легкій воздухъ эшихъ горныхъ спранъ совсѣмъ негоденъ для нашихъ тяжелыхъ головъ.“ — „Не понимаю, Францъ, чѣмъ съ тобой сдѣлалось,“ опвѣчалъ Опмаръ, „съ нѣкоторыхъ поръ

ны совсѣмъ перемѣнился, и именно съ того времени, какъ Альбанъ поселился въ нашемъ домѣ. Прежде — ты спрассно любилъ все чудесное, старался располковать себя яркія пятна, странное образованіе крыльевъ бабочки, цвѣшовъ, каменьевъ; ты. . . .“ — „Остановись ради Бога“ воскликнулъ Баронъ, „а по мы оныя перейдемъ къ старой машинѣ. Все, что вы съ своимъ мечтательнымъ Альбаномъ ни берете изъ угловъ своей умственной кладовой для сооруженія мудреного зданія безъ всякой прочной основы, все по мнѣ кажется мечтательнымъ сномъ, а сны я сказала уже — по же что пѣна въ винѣ. Нѣтъ въ ней твердости, нѣтъ вкуса. И это высшій результатъ усилій ума вашего! Это спружки, опскакивающія опъ рѣзца шокарнаго: случайно принимающъ онъ извѣстную форму, но никогда не бывающъ цѣлю шрудовъ художника. — Впрочемъ Бикершова теорія шакъ ясна, что я постараюсь испытать ее на практикѣ.“ . . . — „Мы все шакъ не переснаемъ говоримъ о снахъ“ сказала Онимаръ, „шакъ позволете же мнѣ сообщить вамъ одно происшествіе, о которомъ я недавно слышала опъ Альбана. Мой рассказъ сохранишь насъ въ томъ же расположеніи духа.“ — „Съ условіемъ“ опвѣчала Ба-

ронъ „вѣришь словамъ моимъ и позволишь Бикершу прерывать тебя своими замѣчаніями...“ „Я только-что хотѣла просить о томъ же,“ сказала Марія. „Разказы Альбана, если не всегда ужасны, но по большей части такъ странно напрягаютъ вниманіе, что спанованія утомительны.“ — „Сесиръ не за-что будетъ на меня пожаловаться“ отвѣчалъ Ошмаръ „Бикерша попрошу я оставить куда свои замѣчанія, ибо разказъ мой покажется ему подтвержденіемъ его теоріи, а вамъ, бабюшка, докажу я вашу несправедливость въ отношеніи къ Альбану.“ — „Что до меня касается“ сказалъ Бикершъ „но я спанду пуншемъ смываю каждое замѣчаніе, которое будетъ у меня на языкѣ. За то позволите мнѣ дѣлать сполько гримасъ, сколько захочу.“ — „Въ этомъ тебѣ никто не помѣшаетъ“ воскликнулъ Баронъ, и Ошмаръ началъ свое повѣствованіе безъ дальнѣйшаго предисловія:

„Въ Г . . . скомъ Университетѣ Альбанъ познакомился съ однимъ молодымъ человекомъ, котораго благородная наружность неволью плѣняла всякаго и который поному вездѣ былъ хорошо принятъ. Оба учились Медицинѣ; еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ опличались передъ всеми прилежаніемъ; первые

приходили въ классъ; всегда вмѣстѣ сидѣли. Скоро связь ихъ рѣзкая и превратилась наконецъ во взаимную, крѣпкую дружбу. Теобальдъ (такъ называлъ Альбанъ своего друга) предался ей охотнѣе чистаго сердца, всей душою. Съ каждымъ днемъ яснѣе обнаруживался его тихій, почти женскій характеръ, его юный энтузіазмъ къ прекрасному, надъ которымъ смѣялась большая часть его товарищей. Одинъ Альбанъ умѣлъ оценить эту нѣжность нрава: онъ одинъ слѣдовалъ за другомъ въ блестящія цвѣтущія мечтанія; но часто увлекалъ и за собою въ бурное море жизни дѣйствительной, раздувая каждую искру твердости, которая плѣлась въ душѣ его. Онъ это почиталъ своимъ долгомъ; по его мнѣнію, только въ лѣтахъ юныхъ Теобальдъ могъ пріобрѣсти ту силу, которая такъ нужна для борьбы съ несчастіемъ, такъ часто, такъ неожиданно насъ срѣтающимъ. Теобальдъ составилъ планъ своей жизни, и его желанія, согласныя съ его образомъ мыслей, ограничивались предметами самыми близкими. Онъ кончилъ курсъ ученія, получилъ степень Доктора и располагался въ хать на родину, тамъ женился на дочери своего опекуна, съ которою вмѣстѣ выросъ, и, владея значительнымъ имѣніемъ, жилъ

единственно для себя и для науки, не занимаясь практикою. Тогда воскресало учение о живомъ магнетизмѣ; онъ приспирасился къ нему; подъ руководствомъ Альбана ревностно изучалъ все, что было писано о семъ предметѣ, повѣрялъ свои познанія опытомъ и скоро обратился къ древнѣйшей школѣ спиритуалистовъ, опровергая всякое физическое посредство, какъ противное истинному понятію о силахъ природы, дѣйствующей единственно психическими средствами . . .“ Едва Опмаръ успѣлъ произнести слово *магнетизмъ*, какъ лице Бикерта спало измѣняясь, сперва немного, потомъ все больше и больше, такъ что наконецъ задрожали и скорчились всѣ мускулы, и самая спрванная рожа представилась глазамъ Барона, который едва могъ удержаться отъ смѣха. Бикертъ вскочилъ съ мѣста, хотѣлъ уже начать возраженія, но Опмаръ подаль ему стаканъ пунша; живописецъ проглотилъ его съ досадою, и Опмаръ продолжалъ разсказъ свой: „Прежде нежели распространилось учение о Магнетизмѣ, Альбанъ былъ всею душою приверженъ къ Месмеризму, допуская самыя жестокіе кризисы, которые съ ужасомъ опровергаль Геобальдъ. Разность мнѣній часто подавала имъ случай спорить. Альбанъ не могъ оп-

ровергнувъ многихъ опытовъ Теобальда, увлеченъ былъ его высокими мыслями о чистомъ психическомъ вліяніи, мало по малу спалъ переходить на спорону психическаго магнетизма и наконецъ совершенно предался новѣйшей школѣ, соединяющей обѣ теоріи. Теобальдъ, напрошивъ того, никакъ не хотѣлъ опснать оныя своей прежней системы и опвергалъ всякое физическое посредство. Всю жизнь хотѣлъ оныя посвящать изслѣдованію психическихъ дѣйствій; Альбанъ многого ожидалъ оныя своего благороднаго друга, утверждалъ его въ намѣреніи, и, когда настало Теобальду время возвратиться на родину, то послѣднимъ словомъ Альбановымъ было: „опснаться вѣрнѣ своей мыслямъ.“

„Скоро получилъ Альбанъ письмо оныя Теобальда, и недоспашокъ связи показывалъ опчаяніе, внушрнній мѣлежь его сердца. „Все счастье моей жизни рушилось“ писалъ оныя „мнѣ надо на войну. Изъ роднаго края туда лѣляшь мысли шой, копорую люблю такъ пламенно. Развѣ одна смерть ищѣлишь мой мученія.“ Альбанъ немедленно поѣхалъ къ другу. Послѣ многихъ щещныхъ спараній ему удалось нѣсколько успокоить несчастнаго. Мать Теобальдовой любезной рассказала ему,

как все случилось: мужія войска́ проходили чрезъ ихъ землю; въ домъ ихъ остано́вился одинъ Италіанскій офицеръ; съ перваго взгляда пламенно влюбился въ дочь ея; смутилъ ее этой горячностію, свойственною его народу, и, одаренный все́мъ, что пленяешь сердце женщины, въ немногіе дни поселилъ въ ней страхъ такую сильную, что она забывъ бѣднаго Теобальда, смала думать единственно объ Италіанцѣ. Ему надобно было ѣхать за арміею, и тогда образъ возлюбленнаго смалъ всюду ее преслѣдовать. Она безпрестанно его видѣла лежащимъ въ крови на страшномъ полѣ сраженія, умирающимъ, произносящимъ ея имя съ послѣднимъ вздохомъ . . . Наконецъ умъ ея такъ разспроился, что, когда Теобальдъ возвратился, надѣясь прижать къ сердцу радостную невѣсту, она даже не узнала его. —

„Едва успѣвъ нѣсколько облегчить спраданія больнаго Теобальда, Альбанъ сообщилъ ему средство, имъ выдуманное, для возвращенія прежней любви его возлюбленной, и совѣтъ Альбана показался ему столь согласнымъ съ его собственнымъ убвжденіемъ, что онъ ни мало не усомнился въ счастливоромъ успѣхѣ. . . .“

Тутъ Опмарь прервалъ повѣсть свою. „Знаю, Бикерль“ сказалъ онъ, „знаю, что у тебя вернутся на языкъ, чувствую твои мученія, и мнѣ весело видѣшь опчаяніе, съ копорымъ ты хватаешь изъ рукъ Маріи стаканъ пунша. Но умоляю тебя — не говори ни слова: горькая улыбка яснѣе выражаетъ мысль твою, нежели всѣ замѣчанія, всѣ осприя шулки, копорыя ты могъ бы разсыпашъ мнѣ въ досаду. Моя повѣсть занимательна; ты самъ примешь живѣйшее участіе въ моемъ разсказѣ; слушай. А вы, бабюшка, согласитесь, что я исполняю всѣ условія даннаго обѣщанія. Баронъ откашлялся на сіи слова, а прекрасная Марія съ любовнымъ взглядомъ прямо въ глаза Опмару, небрежно опираясь головой на руку, по которой вились длинныя русыя кудри ея и доставали до локтя.

„Если дни этой несчастной дѣвушки были мучительны, ужасны“ продолжалъ Опмарь „но ночи проводила она въ мученіяхъ, еще ужаснѣйшихъ. Призраки, пугавшіе ее днемъ, являлись ночью спрашнѣ. Кровавый вурпъ безпрестанно мечтался глазамъ ея, и всякому раздирала она сердце спонами, тѣмъ жалобнымъ голосомъ, копорымъ призывала имя любезнаго. И когда сіи

ены сопровождали несчастную, мать подводила къ ея постель Теобальда: онъ садился подлѣ, всей силою воли османавливалъ на ней мысли, не сводилъ съ нее усуремменнаго взора. Повпоривъ нѣсколько разъ эпошъ опышъ, онъ замѣшилъ, что впечатлѣнїе сновъ ея спановилось слабѣе. Она уже не шакъ сильно произносила имя Ишаланца; голосъ ея не имѣлъ прежняго тона, пошрясаващаго душу; вздохи спановились тише, продолжилельнѣе, и спѣсненная грудь дышала свободнѣе. — Попомъ Теобальдъ спалъ класпъ на нее свою руку и тихо шепшалъ ей свое имя. Это имѣло надлежащее дѣйствїе. Она называла Ишаланца уже прерывистымъ голосомъ, османавливалась на каждомъ слогѣ; какъ будто нѣчто поспоровнее впѣснялось въ рядъ ея представлений. Скоро она совсемъ перестала говорить и только изрѣдка шевелила губами: казалось, хотѣла что-то сказать, но другое, незапное впечатлѣнїе османавливало ее. Такое состоянїе продолжалось нѣсколько дней, и тогда Теобальдъ, сжимая руки ея въ своихъ, началъ говорить ей тихо, распановочно — напоминалъ прежнее время, переносилъ ея память въ годы ихъ младенчества. — Въ эту счастливую эпоху онъ рѣзвился вмѣстѣ съ Кларою (только леперь

вспомнилъ я имя эпои дѣвушки): въ саду ея дяди: Теобальдъ доставалъ ей лучшія вишни; искусно ошводя ошв нихъ взоры лакомыхъ поварищей; докучалъ спарикку-дядѣ; часто прося у него богатой книги съ изображеніемъ разныхъ народовъ и костюмовъ; получивъ ее, облокотясь на сполъ, прилежно пересматривали они вмѣстѣ всѣ листы ея: — шамъ для изображенія каждаго народнаго костюма всегда представляемы были мужчина съ женщиной, и дѣшамъ казалось, что все эпо были Теобальдъ съ Кларой. Имъ всегда хотѣлось бышь вмѣстѣ въ эпоихъ чужихъ краяхъ, въ эпоихъ спранныхъ одеждахъ... Какъ удивилась мамъ Клары, когда однажды ночью она сѣтала говорить, входя совершенно въ мысли Теобальда. Она сама возвращалась къ восьмому году своей жизни, вспоминала свои игры съ Теобальдомъ, вспоминала такіа обшественельства, которыа особливо выражали характеръ ея дѣшества. Она была своѣшва пылкаго и часто ссорилась съ спаршей сесшрою, которая была немножко зла ошв природы, нападала на нее за всякіа бездѣлицы, и между ними часто происходили праги-комическіа сцены. На пр. въ одинъ зимній вечеръ дѣши сидѣли всѣ прое вмѣстѣ; спаршая вестра была тогда своенравивѣ

обыкновеннаго и не переспавала мучишь бѣдную Клару, такъ что послѣдняя заплакала съ досады. Теобальдъ, по своему обыкновенію, рисовалъ разныя фигуры, хопѣлъ снятъ со свѣчи и нечаянно попустилъ ее. Клара воспользовалась эшимъ случаемъ, чпобы опмешить сеспрѣ за всѣ обиды, и больно ее ударила. Та съ воплемъ немедленно побѣжала къ отцу, жалуясь на Теобальда, который, по словамъ ея, потушилъ свѣчу и прибилъ ее. Дядя Теобальдовъ поспѣшилъ на мѣсто преступленія и бранилъ племянника за его злобу. Теобальдъ зналъ виновашую, но не оправдывался. Сердце Клары раздиралось отъ горести, когда она слышала, какъ обвиняли Теобальда, будто онъ для того, чпобъ всю вину сложить на нее, прежде попустилъ свѣчу, а потомъ уже началъ драться. Но чѣмъ болѣе она плакала, тѣмъ болѣе утѣшалъ ее отецъ, увѣряя, что виноватый найдеть и вся хитрость его осталась тщетною. Когда же Теобальдовъ дядя прибѣтнулъ къ спрогому наказанію — Клара не вытерпѣла, обвинила сама себя и во всемъ призналась; но въ этомъ сознаніи отецъ видѣлъ только слѣдствіе чрезмѣрной ея привязанности къ Теобальду; а швердосиѣ послѣдняго, который почиталъ себя

счастливымъ , что терпѣшь за Клару, казалась ему просто заколеблостію порока. Горе Клары было невыразимо ; съ тѣхъ поръ измѣнился гордый , повелительный нравъ ея, и она вся опдалась въ волю шихаго , скромнаго Теобальда : онъ могъ, не боясь, разсердить ее, располагать ея игрушками и ломать ихъ. Но мѣръ того , какъ приверженность Клары возраспала ежедневно , обида , преперпѣнная за нее Теобальдомъ, спраннымъ образомъ усилила и его къ ней привязанность и превратила ее въ любовь , самую горячую. Дяди все замѣчалъ, и, въ послѣдствіи узнавъ всѣ подробности этого случая , несчастнаго для Теобальда , не сомнѣвался уже во взаимной любви ихъ и охотно благословилъ неразрывную связь , кошую они общали себѣ на цѣлую жизнь свою. — Это самое происшествіе занимало теперь сонную Клару. До тѣхъ поръ она днемъ всегда была молчалива и задумчива ; но въ утро , послѣдовавшее за этой ночью , неожиданно открылась она матери , что съ нѣкотораго времени видитъ сны веселые , видитъ Теобальда , и жаловалась , что онъ такъ долго не ѣдетъ , даже не пишетъ къ ней. Ея желаніе видѣть Теобальда безпрестанно усиливалось , и наконецъ послѣдній рѣшился явиться

къ ней, какъ будто только что прїѣхалъ съ дороги; ибо съ того ужаснаго дня, какъ Клара не узнала его, онъ ни разу ей не показывался. Клара приняла его съ живѣйшими изъявленіями пламенной любви; скоро призналась со слезами въ своей невѣрности, чистосердечно рассказала, какъ чужеземецъ спраннымъ образомъ умѣлъ плѣнить ее, и она, какъ бы увлекаемая шайною силою, совершенно потеряла рассудокъ; какъ наконецъ образъ Теобальда, являясь ей въ веселыхъ снахъ, остановилъ это враждебное вліяніе. Она клялась, что не можетъ уже вспомнить и наружности Италіанца и одинъ Теобальдъ живетъ въ ея сердцѣ. Друзья увѣрились наконецъ, что дѣйствительное расстройство ума Клары совершенно прошло и ничто не мѣшаетъ соединенію.“ . . .

Такъ хотѣлъ кончить Отмаръ свою повѣсть, какъ Марія, вскрикнувъ, упала безъ чувствъ на руки подоспѣвшаго Бикерша. Баронъ остолбенѣлъ отъ испуга, Отмаръ подскочилъ на помощь къ Бикершу, и оба положили Марію на диванъ. Она лежала, покрывая блѣдною смертію; всѣ слѣды жизни исчезли на лицѣ ея, и судорога свела всѣ ея мускулы. „Она умерла!“ опчаянно вопилъ Баронъ, „Нѣтъ!“ говорилъ Отмаръ, „Альбанъ ей поможетъ.“ —

Едва онъ произнесъ сіи слова, какъ дверь опворилась, и Альбанъ вошелъ въ комнату. Съ важнымъ, повелительнымъ видомъ приблизился онъ къ безчувственной Маріи. Баронъ глядѣлъ ему въ глаза съ лицомъ, пламенѣвшимъ отъ гнѣва. Никло не могъ вымолвить ни слова. Альбанъ, казался, обращалъ все свое вниманіе на Марію и вперилъ на нее свои взоры. „Марія! что съ вами случилось?“ спросилъ онъ яснымъ, поржесивеннымъ голосомъ, и все нервы ея задрепешили. Онъ взялъ ея руку, и, не сводя съ нея глазъ, продолжалъ: „Что могло такъ испугать васъ, господѣ? нульсь бѣшь слабо, однако ровно. — Но комната наполнена дымомъ. Опворите окно. Скоро пройденъ эпошь ничшожный нервическій припадокъ.“ Бикершъ опворилъ окно. Тогда Марія опкрыла глаза; взоръ ея встрѣшилъ Альбана. „Оспавъ меня, ужасный человекъ: я хочу умереть безъ мученій“ произнесла она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ и, опвернувшись отъ Альбана, скрывая лице въ подушкахъ, крѣпко заснула, какъ это примѣнно было по ея тяжелому дыханію. Спранная, ужасная улыбка пробѣжала по лицу Альбана. Баронъ вскопиль, хотѣлъ, по видимому, что-шо сказать съ гнѣвомъ; но Альбанъ сильно успремилъ

На него взгляд свой и съ пономъ важнымъ, но въ которомъ отъзвѣчалась насмѣшка презрѣнiя; сказалъ Барону: „Успокойтесь! Ваша дочь немного не терпѣлива; но какъ скоро очнется отъ этого благошворнаго сна — что неминуемо случится въ шесть часовъ утра — пусть приметъ двѣнадцать этихъ капель, и все будетъ забыто.“ — Онъ подаль Опмару спкляночку; которая была у него въ карманѣ; и тихими шагами вышелъ изъ залы.

„Чудо - Докторы!“ воскликнулъ Бикерсъ, когда сонную Марю опнеслы въ спальню; и Опмаръ также удалился. „Этотъ взглядъ глубокомысленный, проникающій въ душу; — эта торжественная поступь; — эта увѣренность даже въ часъ, когда проснется Маря; — эта спклянка съ удивительнымъ лѣкарствомъ . . . я ждалъ уже; что онъ исчезнетъ въ воздухъ, какъ Шведенборгъ; или, по крайней мѣрѣ, вошедши сюда въ черномъ фракѣ, выйдетъ въ красномъ.“ — „Бикерсъ!“ прервалъ Баронъ, который до того времени не могъ вымолвить ни слова; и, какъ вкопанный; сидѣлъ въ креслахъ, „Бикерсъ! вошь какъ кончился веселый нашъ вечеръ! Но я предчувствовалъ; что меня сего дня постигнетъ какое-то несчастье и что я по необыкновенному случаю увижу

съ Альбаномъ, — Не умѣю объяснить себѣ нѣхъ спранныхъ, невольныхъ чувствъ, которыя исполняютъ меня, когда онъ ко мнѣ подходитъ. Глубокая ученость сдѣлала его энтузіасмомъ; его спарашельность, успѣхи, пріобрѣти ему общее уваженіе; но я его уважаю тогда только, пока не вижу: вблизи онъ мнѣ является съ чертами искаженными, наполняющими меня ужасомъ. Опмаръ привезъ намъ въ первый разъ эшаго друга — мѣсяца шри тому назадъ, — мнѣ казалось, что я его гдѣ-то видѣлъ. Его учтивость, ловкость, мнѣ понравились, но вообще я не былъ имъ доволенъ. — Когда онъ поселился въ нашемъ домѣ — ты знаешь, Марія скоро занемогла спранныю болѣзнію, и когда наконецъ призывали въ помощь его искусство, Альбанъ занялся лѣченіемъ съ такимъ безпримѣрнымъ спараніемъ, съ такою любовію, съ такимъ успѣхомъ, что невольно покоришь мою признательность: — я хотѣлъ бы осыпашъ его золотомъ, но тяжело было сказать слово благодарности. Мнѣ иногда казалось, что еслибъ онъ вывелъ меня изъ крайней опасности, то и такой услугой нисколько не выигралъ бы въ моемъ расположеніи. Его самодовольный видъ, его миспической тонъ, его шарлашанство, на пр. когда онъ магне-

шизируешь деревья, или, распростерши руки къ Сѣверу, вбираешь, по его словамъ, новыя въ себя силы — все возбуждаешь во мнѣ и негодованіе и презрѣніе. Но замѣшь, Бикершъ! . . . Спранно, очень спранно, что съ тѣхъ поръ какъ Альбанъ здѣсь, Датскій Маіоръ, о копоромъ я говорилъ сего дня, чаще прежняго мнѣ приходишь въ голову. И шеперьъ еще, когда онъ такъ презришельно, такъ адски улыбулся, такъ сильно успремилъ на меня свои большіе, черные глаза, мнѣ казалось, что предо мною споялъ Маіоръ. Онъ, точно онъ! Сходство удивительное!“

— „Ну такъ разгадалъ же я причину своего отвращенія къ Альбану“ прервалъ Барона Бикершъ „не Альбанъ, но Датскій Маіоръ шебя превожидшь, а бѣдный Альбанъ шерцишь за свой орлиный носъ, да за свои черные, огненные глаза. Успокойся; прогони свои мрачные грезы. Альбанъ энтузіасшь, фанатикъ — пусть такъ! Но онъ хочеть добра, дѣлаеть добро. За это можно проспишь ему хваспливость и шарлапанство — это невредная игрушка. Уважай въ немъ искуснаго, дальновиднаго медика. . .“ Баронъ вскочилъ и, схвативъ объ руки Бикерша, сказалъ: „Франць! ты шеперь говорилъ прошивъ собственнаго убѣжденія: ты хопшь меня успо-

жришь . . . но — въ душѣ моей глубоко врезалось чувство, что Альбанъ враждебный духъ мой. — Францъ! умоляю тебя! будь внимателенъ, совѣшуй, помогай — поддерживай. Если увидишь, что мое зыбкое семейственное счастье колеблется . . . ты поддѣль меня . . . болѣе ни слова.“

Друзья обнялись. Уже давно пробила полночь. Въ задумчивости, съ чувствами безпокойными каждый изъ нихъ пошелъ въ свою комнату. — Ровно въ шесть часовъ проснулась Марія, приняла двѣнадцать капель предписанныхъ, и черезъ два часа съ лицомъ веселымъ и свѣжимъ вошла въ гостиную, гдѣ приняли ее Баронъ, Ошмаръ и Бикертъ. — Альбанъ заперся въ своей комнатѣ и велѣлъ сказать, что нужныя письма задержаны его цѣлый день.

Письмо Маріи къ Адельгундѣ.

И такъ ты наконецъ спаслась отъ бури, отъ ужасовъ военныхъ и нашла безопасное, спокойное пристанище. — Нѣтъ! не могу тебѣ выразить, любезный другъ, всего, что я чувствовала, когда послѣ долгаго, долгаго ожиданія снова увидѣла швей мѣлкой, милый почеркъ. Отъ нетерпѣнія едва не изорвала я письма, слишкомъ крѣпко запечатаннаго. Сперва я его читала, чи-

шала и все не могла понять написаннаго, пока не успокоилась, и тогда съ восхищеніемъ узнала, что твой дорогой братъ, мой любезный Ипполитъ, здоровъ, и что я скоро его увижу. И такъ ты не получила ни одного изъ моихъ писемъ? Ахъ, любезная Адельгунда! твоя Марія была очень, очень больна. Теперь я опять здорова, хотя моя болѣзнь была такъ странна, такъ мнѣ самой непонятна, что я до сихъ поръ ужасаюсь, когда объ ней только подумаю: впрочемъ Опмаръ и Докторъ увѣряютъ меня, что этошь страхъ есть ничто иное, какъ продолженіе болѣзни, которую надобно искоренить совершенно. Не пребуи, чтобъ я тебѣ изъяснила, въ чемъ именно она состояла; — я сама этого не знаю. Я не чувствовала ни боли, ни спраданія, а не смотря на то, мое спокойствіе, моя веселость исчезли. Все измѣнилось въ глазахъ моихъ. — Заговарятъ ли бывало нѣсколько громко, пройдушь ли по комнатамъ — мнѣ колеть въ голову, какъ бы иглами. Иногда казалось, что все, меня окружавшее, даже вещи неодушевленные, все имѣло голосъ, издавало звуки, говорило мнѣ слова удивительныя. Странныя мечты выводили меня изъ жизни дѣйствительной. Повѣришь ли, Адельгунда? всѣ глупыя,

дѣтскія сказки о жарь-птицѣ и пр., которыми шепушка такъ хорошо умѣла забавлять насъ, — всѣ онѣ снова приходили мнѣ на память и ужасно пугали меня: мнѣ казалось, что я сама сдѣлалась жертвою злоспши чернаго волшебника. Смѣюсь, когда подумаю, какъ сильно дѣйствовали на меня эпѣ грезы, но я съ каждымъ днемъ слабѣла и спавивалась хуже. Каждая бездѣлица могла огорчить меня, бездѣлица приводила въ воспоргъ. Многія вещи, на которыя прежде я не обращала вниманія, не только приходили мнѣ на мысль, но и сильно шревожили мое воображеніе. На пр. я получила такое опшращеніе опть лилій, что, увидѣвъ эпощъ цвѣшокъ, всегда падала въ обморокъ. Но напрасно я стараюсь, любезная Адельгунда, дать тебѣ понятіе объ этомъ сосшояніи. Я не назвала бы его болѣзнію, еслибы, изнуряясь и слабѣя болѣе и болѣе, я наконецъ не увидѣла смерти предъ собою. Перейду къ другому предмету и спану говорить о моемъ выздоровленіи. Я одолжена жизнию пречестному чедовѣку, котораго Опмаръ ввелъ въ нашъ домъ и который въ здѣшней сподицѣ славищся тѣмъ, что одинъ изъ докторовъ умѣетъ вылѣчивать болѣзни, подобныя моей. Странно, что прежде во снѣ я всегда видѣла молодого чело-

вѣка, красавца величаваго, который внушалъ мнѣ какое-то къ себѣ почтеніе: одѣтый всегда въ длинный плащъ, съ алмазнымъ вѣнцомъ на головѣ, онъ казался какимъ-то романическимъ царемъ духовъ и избавлялъ меня отъ злаго чародѣйства. Ахъ, любезная Адельгунда, какъ я испугалась, когда съ перваго взгляда узнала въ Альбанѣ эшаго царя сновъ моихъ. Альбанъ пошлъ самый докторъ, пошлъ другъ Отмара, котораго братъ мой привезъ изъ столицы. Сначала я была къ нему очень равнодушна; когда же онъ былъ призванъ лечишь меня, тогда я сама себя не могла дать отчета въ шѣхъ чувстввахъ, которыя онъ произвелъ во мнѣ. Въ своемъ образованіи, въ своемъ обращеніи Альбанъ имѣлъ что-то важное, даже повелительное, что заставляешь его уважать преимущественно предъ всеми. Когда онъ вперилъ на меня сирогій, пронизательный взглядъ, мнѣ показалось, что я *должна* повиноваться ему, что ему для успѣха спобить только швердо пожелать моего выздоровленія. Отмаръ сказалъ мнѣ, что я должна всего надѣяться отъ магнетизма и что Альбанъ извѣспными средствами приведетъ меня въ такое состояніе, въ которомъ я сама узнаю причину своей болѣзни и назначу спо-

собѣ льченія. Эти средства были употреблены и, не смотря на мой страхъ, на мое отвращеніе, имѣли благошворное дѣйствіе. Моя свѣжесть, веселость, возвратились; безумные сны мои исчезли; иногда только мнѣ кажется, что еслибъ Альбанъ потребо-
 вала, я могла бы съ закрытыми глазами различать краски, мешаллы, чашапы и ш. п.; иногда онъ велитъ мнѣ раз-
 смотрѣть мою внутренность и пере-
 сказать ему все, что увижу, и я исполняю это въ тишинѣ; иногда я невольно должна о немъ думать, вижу его предъ собою и впадаю въ глубокую задумчивость. Не знаю, Адельгунда, не кажусь ли я тебѣ спранныю, сумасбродною? Понимаешь ли ты слова мои? не шепчешь ли про себя имени Иппо-
 лита? Ахъ, повѣрь, что я никогда его такъ искренно не любила, какъ теперь, и часто поминаю въ своей молитвѣ. Да отвратишь отъ него Небо всѣ убій-
 ственные удары, угрожающіе ему на полѣ сраженія. Съ тѣхъ поръ, какъ Альбанъ сдѣлался моимъ повелителемъ, мнѣ кажется, что я сильнѣе могу любить Ипполита, могу летѣть къ нему душою, какъ Ангель, осѣнишь его своей молитвой, какъ крылами Серафима, и разрушишь всѣ замыслы смерти. . . И недавно узнала сердце

Альбана, — но, повѣришь ли, когда была больна и до крайности раздражительна, въ умѣ моемъ часто восплавали низкія прошивы, него сомнѣнія. Ахъ, Адельгунда! Овъ ужасно меня мучили. Смысься, сколько хочешь, надъ моей опкровенностью, но мнѣ часно приходило въ голову: „Альбанъ хочешь уловишь тебя въ свои сѣти, подъ видомъ чуднаго дѣченія хочешь возжечь въ тебѣ любовь земную.“ — Ахъ, Ипполинъ! . . . Недавно бапюшка, братъ, спарый Бикерпъ и я, мы всѣ вмѣстѣ сидѣли вечеромъ; Альбанъ, по своему обыкновецію, еще не возвращался съ прогулки. Зашла рѣчь о снахъ; бапюшка и Бикерпъ рассказывали много чудеснаго и смѣшнаго. Опи-маръ также рассказывалъ: какъ по совѣщю и наставленіямъ Альбана, одинъ другъ его успѣлъ поселить къ себѣ любовь въ одной молодой дѣвушкѣ, обращая на себя всѣ ея мысли во время ея сна, посредствомъ магнетизма. Бапюшка и спарый, вѣрный Бикерпъ говорили и противъ магнетизма и противъ Альбана, такъ горячо, какъ я еще не слыживала. Во мнѣ пробудились съ большою силою всѣ мои сомнѣнія. Я подумала: чпѣ если онъ пользуется тайными, злыми способами, для того чпѣобы наложить на меня свои оковы? чпѣ если онъ хочеть, чпѣобы его одного носила я въ мысляхъ и

въ сердце, чтобъ забыла Ипполита? Чувство, доподъ знакомое, обуяло меня мучительнымъ страхомъ; мнѣ представился Альбанъ въ своей комна-тѣ, окруженный спранными инстру-меннами, гадкими живошными, распѣ-ніями, камнями, блестящими мешал-лами; онъ обводилъ руками спранные круги въ воздухъ, вздрагивая въ судо-рожныхъ движеніяхъ; его лице, обык-новенно спокойное и важное, было ужа-сно, и въ кровавыхъ глазахъ быспро-извивались василиски . . . вся кровь во мнѣ застыла. Я вышла изъ эпаго со-стоянія, подобнаго обмороку, и что же? Альбанъ споялъ предо мною; Боже! то былъ не онъ, то было спрашили-ще, порожденное моею фантазіей! — На другое утро, какъ я спыдилась самой себя! — Альбанъ навѣрное зналъ мои мы-сли, но ничего мнѣ не сказалъ о томъ, приписывая мой припадокъ дыму Турец-каго шабака, который банюшка курилъ въ пошь вечеръ. — Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты видѣла, съ какимъ снисхо-дительнымъ, опеческимъ попеченіемъ онъ спарался меня вымъчить! — И не объ одномъ моемъ шѣлъ онъ забошнлся, нѣшъ! онъ и душу возношптъ къ міру высшему.

Ахъ, еслибъ могла ты, Адельгунда, насладиться вмѣстѣ съ нами шой испин-но-счастливейою жизнью, которую мы

проводимъ въ этомъ приютивъ спокойствія! Бикерсъ все такой же веселый старикъ; только Башюшка часто бываетъ въ спиранномъ несогласіи съ Опмаромъ; впрочемъ — эта однообразная жизнь, для насъ пльнишельная, не годится для дѣятельныхъ, безпокойныхъ мушинъ. — Альбанъ прекрасно говоритъ о сказаніяхъ и мѣтахъ древнихъ Египтянъ и Индѣйцевъ. Часто, задумываясь объ этомъ предметѣ, я погружаюсь въ глубокой сонъ, подъ огромнымъ букомъ нашего сада, и, просыпаюсь, какъ будто оживаю снова. Тогда я сравниваю себя съ Мирандою въ Бурѣ Шакспира, которую Просперъ тщетно убѣждаетъ выслушать разказъ свой. — На дняхъ очень справедливо сказалъ мнѣ Опмаръ словами Проспера: *не противься своей усталости, это было бы тщетно.*

Теперь ты имѣешь понятіе объ моей жизни, Адельгунда: я тебѣ все высказала; это облегчило мнѣ сердце. Прилагаемое письмо отдай Ипполисту и пр.

Отрывокъ изъ письма Альбана къ Теобальду.

. . . . . Такъ называемыя добрыя дѣла суть, по большей части, пустой обманъ. Иногда мы стараемся обольстить ими другихъ; еще чаще стара-

емся ослѣпить сами себя этими лучами мнимаго величія. Я презираю нравоченія нашихъ бабушекъ: онѣ только спѣсняютъ свободныя порывы пошока жизни. Бышь власпелиномъ внѣшняго, возвыситъ силы физическія и умствєнныя — вошь прямая цѣль чєловѣка. И не ужєли въ швоей собственнєй груди не пробуждались шакія чувства, копорья не согласуются съ шѣмъ, что по одной привычкѣ ты признаєшь добрымъ, называєшь мудрымъ? . . .

Но я слишкомъ много распрєсрєпращаюсь объ этомъ; я вспомнилъ, что въ послѣднемъ письмѣ описалъ шєбѣ мое положєніє въ домѣ Барона пономъ слишкомъ поржєсшєннємъ; и ты, бышь можєшь, не совсѣмъ меня понялъ. Повшорю кое-что о моемъ первомъ знакомствѣ съ Бароновѣмъ семействомъ: ежели это письмо зашпанєшь мирнаго Теобальда въ порывѣ мыслей, болѣ смѣломъ, ежели онъ обратитъ должное вниманіє на разсказъ мой; то я навѣрное оправданъ.

Опмарь одинъ изъ множєствєннѣхъ людей, копорые не лишєны здраваго смѣсла, одарєны даже нѣкєторєю живєстїю ума и скоро понимаютъ все новое въ областїи науки; но они доволь-

спивуются однимъ познаніемъ. Это конечная цѣль ихъ. Не лѣзя опказаніемъ имъ въ чувствѣ, но оно не имѣеть глубокости. — Ты знаешь, что Опмаръ ко мнѣ прильбился; я видѣлъ въ немъ Корифея нынѣшнихъ молодыхъ людей и въ то же время забавлялся его ребяческимъ просподушіемъ. Онъ входилъ ко мнѣ въ комнату съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будтобы она была самой шайной святынею Саисскаго храма. Онъ добровольно склонился предъ моимъ скипетромъ, захопѣлъ бытъ ученикомъ моимъ: я вѣрилъ ему нѣкоторыя невинныя игрушки, которыя онъ послѣ съ шоржесивомъ показывалъ своимъ поварщикамъ, хвастаясь любовію училеля. — Я уступилъ его неоднократнымъ просьбамъ, поѣхалъ съ нимъ въ деревню отца его и нашелъ въ Баронѣ своеюравнаго спарика, неразлучнаго съ другимъ спарикомъ, живописцемъ, нрава опмѣнно веселаго и насмѣшливаго. Не помню, что я говорилъ тебѣ о впечатлѣніи, которое произвела на меня Марія; но теперь чувствую, что не могу говорить такъ, чтобы ты совершенно меня понялъ. Впрочемъ ты меня знаешь; ты долженъ бытъ увѣренъ, что легкій воздушный станъ, голубые глаза, копорые, обратясь къ небу, ищущь, кажешся, ясной лазури,

закрытой отъ нихъ облаками, — словомъ, что самъ Ангелъ красоты не приведетъ меня въ состояніе нѣжнаго, вздыхающаго любовника. Одно познаніе взаимнаго душевнаго отношенія [между Марією и мною, исполнило меня неопи- саннаго восторга. Но съ внутреннимъ блаженствомъ соединялась досада, произведенная сопротивленіемъ Маріи. Пос- торонняя враждебная сила удерживала мое вліяніе, увлекала за собой ея мы- сли. Напрягая всѣ умственные мои способности на эшаго врага, я скоро открылъ его, и тогда въ борьбѣ съ нимъ, какъ въ зажигательномъ стеклѣ, старался я сосредоточить всѣ лучи го- рячности, которые стремились ко мнѣ отъ души Маріиной. Старый живопи- сецъ замѣчалъ за мною больше прочихъ. Онъ, казалось, разгадалъ внутренній раздоръ, который поселила во мнѣ Марія. Быть можешь, взоры обнаружи- ли мои чувства. Вотъ единственная за- висимость души отъ тѣла: ея малѣй- шія движенія, потрясая нервы, измѣ- няють нашу наружность, по крайней мѣрѣ измѣняютъ взгляды. Какъ я смѣ- ялся потомъ надъ пресподушіемъ жи- вописца! онъ безпрестанно говорилъ о Графѣ Ипполитѣ, обрученномъ женихѣ Маріи, съ гордостію развертывалъ пе- редо мною пестрый списокъ его добро-

дѣтелей, — но для меня не довольно
 нѣхъ отношеній, копорья люди назы-
 ваютъ связію. Духовно соединишь со
 мною Марію, соединишь такъ, чшобы
 разлука ее уничижила — вопъ мысль,
 копорая веселишь меня! Это нѣснѣй-
 шее сочешаніе съ женщиной превосхо-
 дишь блаженствомъ всѣ чувственныя
 наслажденія и достойно жреца Изиды.
 Ты знаешь мою систему: мнѣ не нуж-
 но распространяться. Женщина естъ
 существо спрадательное во всѣхъ сво-
 ихъ склонностяхъ: она добровольно
 опдаешя чужой силѣ, желаетъ един-
 ственно чужаго, вишняго, признаетъ
 свою зависимость — и вопъ въ чемъ
 состоить нравъ ихъ, истинно дѣтскій,
 и верхъ блаженства — обладать ша-
 кимъ правомъ. — Ты знаешь, что я на
 нѣсколько времени уѣзжалъ изъ деревни
 Барона, но душевно я былъ съ Марією.
 Она скоро впала въ состояніе мечпа-
 шельности. Опмаръ принялъ его за нер-
 вическую болѣзнь, и я, какъ докторъ,
 снова былъ призванъ въ домъ. Довольно
 было моего швердаго взгляда, чшобы
 навеша на нее такъ называемый сом-
 намбулизмъ и заспавишь жишь въ моей
 сферѣ. Теперь Марія вся живешъ однимъ
 мною, и покойна и счастлива. Образъ
 Ипполита оспался въ душѣ ея какъ
 слабый очеркъ; и шощъ скоро изгладитъ-

ся! Баронъ и живописецъ смолриашъ на меня непріязненно, но шупь-шо и обнаруживаешся вся сила, данная мнѣ природою. Прошивясь мнѣ, они должны признашъ власшъ мою неволь-но. . . . .

Ипполитъ служишъ въ арміи Полковникомъ. Онъ шеперь на войнѣ. Я не желаю его смерти. Пусшъ прѣдешъ! шѣмъ блистательнѣе будешъ шоржешш-во мое, ибо побѣда несомнѣнна. Если же прошивникъ мой сильнѣе, нежели я думалъ; шо, зная моя силы, будь увѣренъ, чшо и пр. . . . .

Пустынный замокъ.

Гроза прошла. — Солнце заходило и, догарая пурпурнымъ огнемъ, проглядывало сквозь шемныя облака, копорыя бродили по небосклону. Вечерній вѣшерокъ вѣялъ крылами, и шеплый воздухъ былъ наполненъ благово-ніемъ деревъ и цвѣшовъ. Я выѣзжалъ изъ лѣса, и передо мною лежало красивое селеніе, о копоромъ мнѣ говорилъ мой жошаный. Гошическія башни зámка возвышались величаво, солнце опражалось въ окнахъ, и зданіе, казалось, горѣло внутри. До меня долешалъ звонъ колоколовъ и пѣніе; вдали шоржешшвенное погребальное шешивіе шянулось по улицъ опъ зámка

къ церкви. Я подъѣхалъ; но между шѣмъ умолкло пѣніе, паспоръ прочиталъ свою проповѣдь, и собирались на гробъ наложить крышку. Я подошелъ и взглянулъ въ лице усопшему: — то былъ человекъ преславный; лице его было покойно, какъ у спящаго. Старый крестыанинъ стоялъ подлѣ гроба съ видомъ пронухимъ и наконецъ сказалъ тихо: „Такъ-то почилъ добрый Франць нашъ! пошли Господи и намъ шакую кончину!“ Просное шоржесиво казалось мнѣ достойнымъ добраго человека, и когда опустили гробъ, когда съ глухимъ шумомъ посыпались на него глыбы земли, меня объяло горькое уныніе, какъ будто завѣтный другъ моего сердца легъ въ сырую землю. — Я хотѣлъ взобратъся на гору, гдѣ стоялъ замокъ. Паспоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „вы вѣроятно путешествуете; я замѣтилъ васъ на кладбищѣ.“ Я спросилъ его о покойникѣ и узналъ, что умершій былъ живописецъ Бикерсъ, который при года жилъ одинъ въ опустѣвшемъ замкѣ. Я хотѣлъ войти туда: до прибытія уполномоченнаго опъ наслѣдника, пасторъ держалъ ключи у себя, и я не безъ ужаса вошелъ въ обширныя, пустыя комнашы, гдѣ прежде жила веселость, гдѣ шеперь царствовала тишина мертвая. Въ

последніе три года своей жизни: Бикершъ не переставалъ заниматься своимъ искусствомъ. Онъ началъ расписывать верхній этажъ въ готическомъ вкусѣ, и съ перваго взгляда въ фаншазическомъ соединеніи спранныхъ фигуръ, сообразномъ характеру Зодчества готическаго, можно было видѣть глубокомысленныя аллегоріи. Часто вспрѣчалось на стѣнахъ изображеніе діавола, наблюдающаго за спящей дѣвушкой. — Я показалъ паспорту свое полномочіе отъ наслѣдника, поселился въ замкъ, и, въ свободные часы, съ любопытствомъ пересматривалъ бумаги Бикерша. Скоро нашелъ я два листа, гдѣ краемъ замѣчанія, на подобіе дневныхъ записокъ, объясняли несчастную кашаспрофу, погибель цѣлой опрасли знаменитой фамиліи. Предлагаемъ ихъ къ нашей повѣсти. —

Изъ записокъ Бикерта.

Еслибъ Альбанъ могъ чинить во глубинѣ души моей, много прочелъ бы себя въ урокъ и наказаніе! Всѣ черныя настоящаго дьявола, эшѣ черны, кошорыя такъ рѣзко вывела моя пылкая фаншазія. . . . имя искаженъ въ душѣ моей образъ Альбана. — Но онъ живъ! — здоровъ! — цвѣшетъ какъ цвѣтъ Майской — кудри Аполлона — высокое

чело Юлишера — осанка посланника боговъ — Гамлетъ . Шакспировъ . — Но Маріи нѣтъ ! — она въ свѣтлыхъ пространствахъ неба — Ипполитъ и Марія : какая чеша !

Нѣтъ ! не могу ему вѣрить . — За чѣмъ запирается въ своей комнатѣ ? — за чѣмъ тихо бродитъ ночью , какъ убійца коварный ? — не могу довѣрять ему ! — Иногда хотѣлось бы , какъ можно скорѣе , въ одно мгновеніе ока пронзить его шпагой и сказать насмѣшливо : pardonnez ! — не могу ему вѣрить !

Спиранный случай ! — Въ одну ночь много говорилъ я съ другомъ моимъ ; мы говорили ошъ чистаго сердца ; иду за нимъ по корридору въ его спальню ; вдругъ сухая фигура , въ бѣломъ плаф-року , съ свѣчей въ рукахъ , мимо насъ промчалась . Баронъ закричалъ : Маіоръ ! Франць , это Маіоръ ! — Но я увѣренъ , что это былъ Альбанъ : свѣшь , падая на лице его снизу , дѣлала его шарымъ и ужаснымъ . — Онъ выходилъ , казалось , изъ комнаты Маріи . Мы пошли шуда съ Барономъ . Она спала покойно , какъ Ангель Божій . — Завтра наступитъ наконецъ желанный день ! — Счастливыи Ипполитъ ! — Но это явленіе наполняетъ меня ужасомъ , хотя и спарюсь

увѣришь себя, что по былъ Альбанъ. — Не уже ли злой духъ, превоживъ юность Барона, долженъ снова явиться ему въ жизни и разрушить его счастье? — Но оставимъ эти мрачныя мысли! Увѣрься, Францъ! страшные призраки сушь часто произведеніе испорченнаго желудка. . . .

Боже мой! — она умерла — я долженъ васъ увѣдомишь, какъ это случилось. — Но я не имѣю таланта Историка; — могу сказашь вамъ просто: въ ту минушу, когда Ипполишь хотѣлъ веспи ее къ алтарю, она мершвая пала на землю. — Все кончилось! — Все разсудишь Судія Вышній.

Ты, ты виновникъ! — Альбанъ! — коварный сапана! ты умершвилъ ее своими адскими обаяніями. Самъ Богъ открылъ глаза Ипполишу! — Ты бѣжалъ — бѣги, скройся въ средоточіи земнаго шара: найдешь, найдешь тебя мщеніе.

Нѣтъ! не могу проспишь тебѣ, Ошмаръ! ты вдался въ сѣни злодѣя, отъ тебѣ востребуешь Ипполишь возлюбленной своего сердца! — Они сегодня слишкомъ горячо говорили другъ съ другомъ: дуэль неминуема!

Исполнишь палъ! — Счастливы! онъ съ нею увидѣлся. — Бѣдный Олмаръ! — Бѣдный овецъ!

Вѣчный мѣръ усопшимъ! — сегодня въ полночь умеръ другъ мой на рукахъ моихъ. — Ошъ чего я шакъ ушѣщенъ? — ахъ! я чувствую, что скоро съ нимъ увижусь. — И Олмаръ высокимъ подвигомъ наказалъ себя за вину свою: онъ геройскою смертию погибъ въ сраженіи: — это извѣстіе разорвало послѣднюю нить, которая къ землѣ еще привязывала духъ мой. — Оспанусь здѣсь въ замкѣ; буду бродить по комнатамъ, гдѣ они жили и любили меня, — часто будешь мнѣ слышишься ихъ голосъ — прозвучишь иногда ласковое слово милой Маріи, опкровенная шутка незабвеннаго друга, и эти звуки, какъ призваніе Ангеловъ, поддержать меня крѣпко на ногахъ моихъ, и я перенесу бремя жизни. — Для меня нѣтъ уже настоящаго: только счастливые дни прошедшаго примыкають для глазъ моихъ къ опдавленной спранѣ новоселья, опкуда въ чудесныхъ снахъ часто улыбаются мнѣ дорогіе друзья мои, одѣтые крошкимъ сіяніемъ. — О! когда же водворюсь съ вами!

И нѣтъ Бикерша!

(Изъ Гофмана).

НАУКИ.

РИТОРИКА.

Мысли о Краснорѣчїи.

Мысль, облеченная въ одежду языка, составляетъ рѣчь: отсюда слѣдуетъ, что наука Краснорѣчїи необходимо предполагаетъ двѣ другія науки, относящіяся одна къ другой, какъ безконечное къ конечному, какъ душа къ плѣду. Первая изъ нихъ будетъ Логика, опредѣляющая неизмѣнные, всѣмъ временамъ и народамъ общіе законы правильного мышленія; вторая Грамматика, наблюдающая свойства каждаго особаго языка, какъ особой формы, въ которой мысль осуществляется и которая ее необходимо составляетъ принявъ характеръ, сообразный съ духомъ какого-нибудь опредѣленнаго народа, либо времени. Такъ точно, какъ соединеніе мысли съ словомъ производитъ рѣчь живую и полную, такъ и Логика съ Грамматикой находящъ свое слѣянїе въ Риторикѣ или собственно наукѣ Краснорѣчїи. Сїя наука въ себѣ сосредоточиваетъ обѣ предыдущія, и пошому раздѣляется на науку *изобрѣтенія*, которая учитъ данную мысль развивать по общимъ законамъ мышленія и Логики; на науку *изложенія*, которая соб-

снвенно принадлежишь Риторикѣ и показывается, какимъ образомъ располагаешь изобрѣшенныя мысли въ разишельстѣишемъ соопвѣщенствѣи и порядкѣ, — и наконецъ на науку *украшенія*, гдѣ говоришь ся исключительно объ умѣннн выражаешь свои мысли согласно съ требованіями языка, на коемъ пишемъ, и съ расположеніемъ народа, симъ языкомъ говорящаго. Сія послѣдняя часть науки Краснорѣчія заимствуется опѣ Грамматики, и подобно ей не имѣешь законовъ постоянныхъ. Смѣлыя украшенія Романпиковъ показались бы спранными для проспопы Грековъ, и холодность Европейская не можетъ вкушать роскошной игры Восточной фантазіи.

Многіе новѣйшіе, слѣпо слѣдуя примѣру Грековъ и Римлянъ, опредѣляли Краснорѣчнѣ умѣннѣмъ представляешь данную мысль въ убѣднтельномъ видѣ: извѣсно, въ какія погрѣшности вводило сіе опредѣленіе Греческихъ діалектиковъ и Софистовъ; извѣсно также, что древніе всю Риторику ограничивали однѣми Ораиторскими рѣчами; но въ наши вѣка позднѣйшіе, когда множество новыхъ открытій распроспранило кругъ прозаическихъ сочиненій за предѣлы общественныхъ потребностей, и когда успреніе Полипическихъ обществъ менѣе способствуешь развитію

ораторскаго дара, — убѣжденіе въ рѣчи дѣлается достоинствомъ произвольнымъ, и мы, окидывая взглядомъ болѣе общимъ всю область Краснорѣчія, опредѣляемъ его просто, какъ умѣніе прилично выражать правильное мышленіе.

Общая форма нашего мышленія есть силлогизмъ, въ которомъ частное понятіе посредствомъ сужденія сводится на общій законъ ума, и такимъ образомъ рождается умозаключеніе. И здѣсь примѣчаемъ вездѣ господствующій законъ двухъ противоположныхъ, разрѣшаемыхъ въ одно общее единство. Сего закона, который видимъ въ каждой особой мысли, должны мы искать въ цѣломъ объемѣ человѣческаго мышленія; но такъ какъ вмѣстилище онаго есть Краснорѣчіе, взятое въ обширномъ значеніи, то сіе послѣднее необходимо раздѣляется на два главныхъ рода, совершенно противоположныхъ, и между собою относящихся какъ первая посылка силлогизма и вторая или какъ частное явленіе и общая истина.

Первый родъ будетъ *повѣствовательный*, посвященный описанію явленій, съ коими знакомятъ насъ память или чувства, разумѣется въ той мѣрѣ, какъ оныя заслуживаютъ наше вниманіе. Такъ какъ важнѣйшій предметъ для

насъ во всей внѣшней природѣ естъ человѣчество, съ коимъ всего болѣе знакомилъ насъ его развитіе во времени; по всеобщая Исторія будетъ вѣнцемъ всего повѣствовательнаго рода. — И въ изложеніи мыслей и въ самомъ порядкѣ словъ онъ долженъ существенно различаться отъ Краснорѣчія *учебнаго*, который общую истину водворяетъ въ частныя явленія, и даже если оспанавливаешься на описаніи послѣднихъ, по для того шокмо, чшобы шѣмъ яснѣе показать разрѣшеніе ихъ въ одну, надъ всѣмъ господствующую мысль. Такимъ образомъ Исторія, прагматически описанная къ одной гравной мысли, принятой за начало Историковъ, переходить сама въ родъ учебный.

Но сими двумя родами еще не удовлетворяются всѣ потребности мышленія и слѣдственно Краснорѣчія. Мы видѣли въ родѣ повѣствовательномъ преимущество частнаго явленія, въ учебномъ — господство общей мысли; должны искать шакого рода, въ которомъ бы законъ ума и предметъ внѣшній, подобно какъ въ полномъ силлогизмѣ, разрѣшались въ одно, обоямъ принадлежащее и обоихъ чуждое умозаключеніе. Сіе мы находимъ въ родѣ *ораторскомъ*.

Коренное и различельнѣйшее отличіе собственно такъ называемой оратор-

ской рѣчи опъ другихъ родовъ Красночія есмь то, что она дѣйствуетъ не токмо на теоретическія способности души, но также и на волю. Съ перваго взгляда непонятно, почему ей приписывается исключительно практическое на насъ дѣйствіе; но оно приписывается ей не потому, чтобы другіе роды совершенно лишены были вліянія на волю, но потому, что сіе вліяніе только обнаруживается въ ней предпочтительно. Въ самомъ дѣлѣ нельзя себѣ представишь явленія въ мірѣ внутреннемъ или во внешнемъ, которое бы не возбуждало въ насъ ощущеніе пріятнаго или непріятнаго: чей умъ не воспламенялся при возвышенной мысли, тотъ не могъ совершенно понимать ее; — о явленіяхъ же внешнихъ мы большею частію и судимъ по первому впечатлѣнію, что значить иными словами, по первому пріятному или непріятному дѣйствію предмета на наше практическое расположеніе. Всѣ явленія какъ чувствительныя, такъ и разумныя, можно себѣ представишь въ видѣ градусовъ, которыми соотвѣтствуетъ внутреннее повышеніе или пониженіе термометра души нашей — сердца. Духъ нашъ непрестанно стремится достигнуть того единства и гармоніи, къ которой онъ чувствуетъ себя перво-

начальнѣ назначеннымъ: какъ скоро явленіе обнаруживается на себѣ слѣды сей первородной гармоніи внѣшняго и внутренняго міра, оно возбуждаетъ вошпортъ въ душѣ неспорочной; на семъ основано очарованіе Поэзіи. Замѣтимъ также, что въ семъ должно искать причины: почему Проза и Поэзія, не смотря на спаранія положивъ имъ взаимныя предѣлы, всегда будутъ соединяться въ исполненіи; ибо съ одной стороны Исторія, окидывая взоромъ всеобщимъ все событія человѣчества, въ копорыхъ видимъ руку Промысла, въ ненарушимомъ порядкѣ направляющую все дѣйствія къ единой цѣли, — или представляя намъ одинъ доблестный подвигъ во всемъ его величіи, необходимо приводить насъ къ созерцанію всемірной гармоніи, и чрезъ то возбуждаетъ въ нашемъ сердцѣ ощущеніе изящное; съ другой, истинная Философія, развивая намъ первоначальную идею назначенія человека и вселенной и приводя нашъ духъ въ созерцаніе первороднаго его величія, споль же неизбежно переснуаетъ въ предѣлы высшей Поэзіи. Единственный родъ Краснорѣчія, по самой своей цѣли прошивный существенно пому духовному единству и самодовольствію, въ копорое приводитъ насъ Поэзія, и по сей причинѣ

заслуживающій названіе Краснорѣчія по преимуществу, есть родъ Орапорскій: ибо цѣль Орапора — возгнать въ душу присушествующихъ внутреннее проповѣдье, которое погасить они могутъ шокмо въ дѣйствіи, къ которому онъ стремится побудить ихъ; и тогда какъ карпины Поэта всѣ наши спрасти, всѣ ощущенія разрѣшаютъ въ единое чувствование всеобщей гармоніи, — карпины Орапора подчиняютъ нашу душу одной особой спрасти, которой сильнѣйшая степень и вмѣстѣ удовольствованіе — есть самое дѣйствіе.

Подобно какъ вся система Краснорѣчія раздѣлилась у насъ на два главные отдѣла, — такъ и Орапорскія рѣчи должны раздѣлиться на *учебныя* и *повѣствовательныя*, потому что на волю могутъ дѣйствовать явленія сколько внутреннія, сколько и внѣшнія. Къ первому роду рѣчей должны относиться такъ называемыя *духовныя*, потому что въ нихъ обыкновенно разсмаприваются религіозныя или вообще теоретическія истины въ своемъ примѣненіи къ человеческой жизни и дѣйствіямъ; къ сему же роду справедливо причисляются и рѣчи Каедральныя или Академическія, которые могутъ имѣть на волю рѣшишельное дѣйствіе, какъ напр. лекція Фихте о назначеніи чело-

вѣка. — Ко второму, т. е. къ рѣчамъ повѣствовательнымъ, можно кажется причислить *похвальные слова*, посвящаемыя разсмотрѣнію благихъ свойствъ какого либо человѣка, или даже государства, какъ на пр. Аѳинъ въ Панегрику Исократовомъ, — съ особеннымъ намѣреніемъ поселить къ оному привязанность или уваженіе.

Но истинное совершенство Краснорѣчія орапорскаго находится тамъ, гдѣ вполне сливаются общая, убѣдительная мысль и прогашельный частный рассказъ, — къ возбужденію одного сильнаго чувства и къ произведенію одного рѣшительнаго дѣйствія! Къ произведенію поступка рѣшительнаго спремлялся одинаково рѣчи Сенапскія и Судебныя, народныя и воинскія; но онѣ между собою различествуютъ тѣмъ, что однѣ достигаютъ своей цѣли болѣе чрезъ возбужденіе спраспей, другія болѣе чрезъ убѣжденіе разума. Въ совѣщаніи государственномъ, Орапоръ преклоняетъ умы на свою сторону точностію доказательствъ и беспрарспнымъ изложеніемъ дѣла; но передъ строемъ воиновъ, онъ подчиняетъ себя души, возбуждая въ нихъ одну великую мысль, одно геройское желаніе такимъ образомъ, когда Наполеонъ говорилъ Египетскимъ воинамъ, что сорокъ

въковъ на нихъ взирають съ вершины пирамидъ, — сіе разительное представленіе славы, ихъ ожидающей, безъ доказательствъ побудило ихъ къ подвигамъ.

Средину между пылкостью воинской и спокойствіемъ Сенапской рѣчи занимаетъ у народовъ, самими собою управляемыхъ, Краснорѣчіе народное, отъ котораго Судебное различествуетъ тѣмъ, что предметъ его есть настоящая участь чуждаго лица, тогда какъ предметъ перваго — настоящее и будущее благосостояніе цѣлаго общества; впрочемъ сіи два вида Орапорскихъ рѣчей въ своей Теоріи не могутъ быть спорого разграничены, и правила одного съ немногими отпѣнками всегда могутъ примѣниться и къ другому. —

Народными рѣчами замыкается вся цѣль сочиненій прозаическихъ, кою при званіи первоначальныхъ слѣд. суть Краснорѣчіе Историческое, Философское и Орапорское. Въ нашихъ учебныхъ книгахъ причисляюща къ симъ прѣмъ единственно возможнымъ родамъ Прозы *Разговоры и Письма*. Но явно, что они суть не иное что, какъ формы, установленныя самимъ существомъ предмета. Разговоръ удобенъ для предмета

учебнаго; нѣтъ однако причины, почему онъ не могъ бы послужить и для Историческаго. Въ видѣ письма предсшавишь можно — какъ разсказъ, такъ и разсужденіе; прокламаціи же, столь упопробишельныя въ наши времена, доказываютъ, что и письмомъ передаваемое можетъ имѣть и дѣйствіе и цѣль рѣчи Орашорской.

7.

К Р И Т И К А.

Апологическія Стихотворенія Николая Остолопова, съ присовокупленіемъ его же сочиненія поэмы: Привидѣніе. С. П. Б. въ Тип. Ден. народн. Просв. 63 с. въ 8-ю д.

Одинъ изъ издашелей Альманаховъ (не помнимъ имени: ихъ слишкомъ много завелось между нашими Липшерапорами) сказалъ утвердительно, что дурные стихи между хорошими даже необходимы въ Альманахахъ, какъ пѣни въ карпинѣ. Въ предисловіи къ Апологическимъ Стихотвореніямъ вспрѣчаемъ ту же мысль, выраженную въ баснѣ: *Снигирь и Малиновка*. Снигирь опвѣчаетъ Малиновкѣ, которая ему запрещала пѣть:

Но я и самъ чего вѣбудь да спою :
Я больше Соловью дѣны даю собою.

Оставивъ испытателямъ природы доказывать, что Снигирь и всѣ другія пщицы, даже ворóны и сороки — необходимы въ цѣпи швореній, въ отношеніи къ Липшерапурѣ скажемъ, что всего бы лучше было, еслибы въ дубравахъ Поэзіи пѣли болѣе соловьи, и еслибъ дѣло могло обойтись безъ сорокъ, воронъ, снигирей и другихъ пщиць, опъ которыхъ кромѣ крика, щелканья и писку ничего не услышишь.

Да не подумають чинапели, что это сравненіе примѣняется къ Апологическимъ стихотвореніямъ: мы хотѣли только доказатьъ неправильность мысли, выраженной въ предисловіи; впрочемъ не безъ удовольствія прочли эту книжку — и предлагаемъ чинапелямъ какъ пріятный подарокъ ошь скромнаго автора.

Намъ показалось страннымъ заглавіе. — Если можно сказать *Апологическія стихотворенія* вмѣсто *Апологи*, то пожалуй иной баснописецъ увлечется подражаніемъ и свои басни назоветъ *басенными стихотвореніями*, хотя впрочемъ многія новѣйшія поэмы достойныя этого названія. Мы думаемъ, что этому виною все таки скромность Автора, который не захотѣлъ дать своему произведенію имени уже извѣстнаго изданія въ нашей Имперіи.

Изъ 40 Апологовъ, помѣщенныхъ въ этомъ собраніи, нѣкоторыя отличаются новосью, примѣненіемъ *убѣдительнымъ* и живосью слога. Мы не даромъ сказали — *убѣдительнымъ*. Содержаніе Басни, входящей въ область Дидактической Поэзіи, есть простая истина, олицетворенная въ какомъ нибудь явленіи природы обыкновенной, пріступной взорамъ простолюдина. Басня не доказываетъ истины, ибо

доказательство не есть дело Поэзии, и тогда бы басня не имела в ее области правъ гражданства; но она убѣждаетъ посредствомъ сравненія, не только позволеннаго, но необходимаго въ Поэзии. Напрасно иные писатели возставали пропивъ этого рода сочиненій. Басня, которая будучи взята въ высшемъ значеніи есть Аллегорія, имѣетъ начало свое въ общемъ источникѣ Поэзии — въ согласіи міра нравственнаго и физическаго. Вникнувъ въ эту мысль, сначала нѣсколько спривную, мы убѣдились, что изъ сего источника почерпаются всѣ сокровища Поэзии. Еслибы какой нибудь новый геній, постигнувъ совершенно законы этой сокровенной гармоніи, воспѣлъ ее въ Поэмѣ; то совершенная басня была бы опривкомъ изъ шаковой безконечной Поэмы мірозданія. Сія великая поэма передъ нами; нѣкоторые изъ насъ едва разбираютъ ее, другіе читаютъ, а иные смотря ничего не видятъ въ ней; эта поэма — вселенная, которой художникъ — Богъ, а мы вмѣстѣ и лица ея и членцы бѣдные, немисленные.

Одно изъ любопытныхъ и неразгаданныхъ явленій въ Исторіи Русской Словесности есть Басня. Впрочемъ сколько у насъ подобныхъ загадокъ, — да и самая учебная книга Словесности Гре-

ча и всѣ Риторикѣ и Пинтиѣ врядь ли не загадки, еще не опгаданныя нашею несмышленною кришикой. Но шушки въ спорону; появленіе Басни совпадаетъ почши съ началомъ Поэзіи собственно Русской, и если хопимъ видѣшь въ Поэзіи нашей духъ народа и языкъ его, то найдемъ эпо въ Баснѣ; въ ней одной до сихъ поръ существуесть народная Русская Поэзія — и пошому она такъ слышна сердцу, такъ близка чувству и поняцію нашему. Чеснь Баснописцамъ, которѣе первые подслушали любимыя слова народа и такъ искусно подражали имъ въ пекучихъ, полныхъ, памятныхъ спихахъ нашихъ басенъ, Сколькo вопросовъ предлежитъ будущему Историку Русской Литтературы объ одной только Баснѣ? Перескажемъ ихъ для любопытныхъ: перенесенъ ли къ намъ эпошь родъ Поэзіи вмѣстѣ съ другими родами изъ Франціи, или онъ происшекаетъ изъ духа народа? Если онъ перенесенъ, то почему преимущественно предъ прочими вкоренился у насъ, скорѣе достигъ совершенства и въ себѣ показалъ первый примѣръ національной Поэзіи? Почему не Комедіи, не Поэмъ, но именно Баснѣ суждено бышь первымъ образцемъ Поэзіи собственно Русской? Любопытные читатели потребують бышь

можешъ опть насъ разрѣшенія сихъ важныхъ вопросовъ; опказываясь опть сего, мы довольствуемся шѣмъ, что ихъ предложили. Спрашивашъ значить возбуждаешъ любопытство, сѣ похвальное свойство дѣятельныхъ Европейцевъ, въ копоромъ мы грѣшные иногда нуждаемся, — и если мы возбудили его, то половина нашего дѣла исполнена.

Не поному ли Басня такъ согласна съ духомъ нашего народа, что она владеетъ простою силою убѣжденія яснаго, или, лучше сказать, что она по силамъ нашего ума младенчествующаго, при образованіи коего сначала развивается простое понятіе или здравый смыслъ? Басни весьма довольно для убѣжденія младенца — и поному ея совершенствование не доказываетъ ли младенчества Липпературры? Возмужавши, мы не довольствуемся убѣжденіемъ дѣтскаго разума — примѣромъ; мы вникаемъ въ самую сущность истины: — даемъ наукѣ самобытность; постигаемъ красоту чувствомъ и фантазіей: — творимъ отдѣльное искусство, тогда какъ для ума младенчествующаго искусство и наука сливаются во едино и вмѣстѣ учають и забавляютъ слабое понятіе дитяти - народа. Тому примѣръ мы видимъ въ Баснѣ: не съ эпой

ли почки должно смонрѣшь на нее въ Исторіи нашей Словесности (*)?

Удѣлы Басни Русской уже разобраны. Никпо не сравнился съ Крыловымъ въ изобрѣшеніи, въ народности; съ Дмишріевымъ — въ изяществѣ ошдѣлки; съ Хемницеромъ — въ простиошѣ вымысла и разсказа. Чшожь оспалось Г. Ослолопову? — Если не соединшь всѣ сіи достоинствя, шо подслушашь оригинальные звуки прежнихъ Поэшовъ и по нимъ наладить свои. Онъ и сдѣлалъ послѣднее. Наши шворць-баснописцы писали по внушреннему побужденію; Г. Ослолоповъ, пошому что чиналъ съ удовольствіемъ ихъ произведенія. Говоря басеннымъ, слогомъ, можно сравнить поэшовъ-подражашелей съ шѣми пшницами, копорыхъ собственная пѣснь очень однообразна, но копорыя иногда искусно подражають чужимъ звукамъ.

Немногія басни опличаются новостью изобрѣшенія. Лучшія изъ нихъ: *Наказанная Лисица, Арабъ и Бѣлой, Осторожный Слѣпецъ, Возы съ сѣномъ,*

(*) Едва ли: мы видимъ, что у многихъ народовъ, бывшихъ, въ разные времена, на одинакой степени образованія съ нами, Поэзія наталась не баснями, слѣдовательно не въ дѣйствѣ народа должно искать причину удачи въ этомъ родѣ. У насъ же — не скривается ли эта причина въ близости нашей къ Востоку и родству съ нимъ? М. П.

Слабая подпора. Хотя Авторъ въ оглавленіи признается, что при шолько басни сущь подражанія, но врядь ли ихъ не болѣе. Скромность и смиреніе *Фіалки* въ копорый разъ уже шорже-ствуешь надъ дубами и подсолнечниками? Въ *Силачѣ Осмѣ* кто не узнаешь чудеснаго Метаморфоза (кажешся) Езоповой лягушки? Вольнодумцы *зяблики* не въ первый разъ убѣждаютъ въ шомъ — какъ опасна воля. *Круговая порука* давно ужъ оправдала свое имя между Баснописцами. *Ландышь, Ребенокъ и Липочка* не первые доказывающъ необходимость ободренія шаланшовъ. *Садовникамъ* давнымъ-давно сказаю, что вмѣшшь съ репейникомъ не надо губишь левкоевъ; а *мѣлководіе Леты*, хопя и оригинальное произведеніе, однако вѣрно не убѣдишь *новошкольничковъ Романтиковъ - Поэтовъ* (да и никого) въ шомъ, что *присокупленная къ Апологическимъ Стихотвореніямъ Поэма Привиденіе* есть удачное имя подражаніе, и что она по своей легкости не пошонешъ въ Лешъ, не смотря на множество классическаго и романшическаго сору, въ ней погруженнаго. Басни: *Няня, Дитя и Бритва, Арабъ и Бѣлой*, хопя и весьма однообразны по главной мысли, но давай намъ Фебъ поболѣ шакихъ, ибо онъ доказывающъ пользу просвѣщенія, хопь

и не математически, а убедительно для младенцев. Если бы иные утвердились в этой истинѣ, то не стали бы открыто объявлять гоненіе на Романтизмъ, коего имя невинно спрраждать отъ невинныхъ криптиковъ.

Въ иныхъ басняхъ, какъ сказали мы, примѣненіе весьма убедительно и точно, — за то въ другихъ оно слишкомъ неясно, и изобрѣшеніе нескладно. На пр. въ Баснѣ *Нерѣшительность* рассказана *Исторія* о чудесномъ *Ослѣ*, который въ богатой *палатѣ*, *убранной коврами*, гдѣ были *ворохи ячменя*, *пшеницы*, *проса* и *оса*, улыбался таинственно и сладострастно, думалъ цѣлый день и наконецъ въ *раздумьи*, умеръ съ голоду. Въ *лѣтописяхъ* ослевъ, дошедшихъ до насъ отъ *Баснописцевъ*, не находимъ, чѣмъ ихъ такъ честили, чѣмъ кормили просомъ какъ куръ, чѣмъ ослы улыбаются таинственно и сладострастно и были глупы даже до неумѣнья поѣсть, когда имъ хочется и когда кушанья вдоволь. *Федры*, *Ла-Фонсени*, *Крыловы* давно называли ослевъ *лѣтписями*, а *Г. Остолоповъ* рассказываетъ намъ объ одномъ изъ нихъ, который берется везти кладъ не по силамъ: въ такихъ случаяхъ не худо справляться съ *лѣтописями* басенъ. Еще примѣры: какой-то *Дамонъ* на шеръ на ногахъ мозоли, отъ

часпой перемены сапогъ. Какое-жъ примѣненіе? У просителей понабились мозоли отъ непосполнства одного воеводы, которъ смѣнялъ секретарей: воевода — Дамонъ, секретари — сапоги, а просители — по не ужь-по ноги? — Какому-то Филашу, въ театръ, *Декорации* издали весьма понравились, его подвели къ нимъ послѣ спектакля и Филашъ не могъ повѣришь, чѣмъ эта намалеванная пестропта могла плѣнишь его. Такъ точно, выводимъ отсюда Авторъ, люди намъ кажутся издали гениями, а взглянешь вблизи — необпесанные болваны. Еще какой-то сельскій дьячекъ въ баснѣ *Знай время* разсуждаетъ объ электричествѣ, звѣздахъ падающихъ съ неба, и просными мужикамъ Архипу и Сидору читаетъ лекцію физическую. Да впрочемъ какихъ чудесъ не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?

Слогъ басенъ довольно живъ, хотя и не вездѣ исправенъ. По разсказу особенно хорошо начало въ баснѣ *Знай время*, *Быкъ въ огородѣ* и другія. Во многихъ случаяхъ выраженія какъ будто не сказывались у автора; примѣнно, что приема, спихъ заспавляли его иногда задумывашся, а это не позволено въ Баснѣ. У хорошаго сказочника не говорятся, а льются сказки; еслижъ онъ ищетъ слова, и задумывашся,

то не мудрено ему поперясть нить
разказа и произвешти неприятное впе-
чательнїе на слушащелей.

Вопшь примѣры: мужикъ возишся
до припадка (стр. 45), осель пово-
рошилъ *зѣнцы* (стр. 34), *тихошень-
ко* вм. *тихохонько*, на *гладѣ* вм. на
глазу, *мошка ткнула* и *Карпъ* не
езвидѣлъ ничего (стр. 27). Скажи-
те: ошгоняя комара, выразишся ли
Карпъ Силычъ такимъ образомъ?

„Ошстань, ошстань пскувь! со мной не бышь
добрѹ!“

Ужь дамъ ли укусашь себя я комару?«

Ну скажешъ ли щегленокъ — *спо-
знала высоту?* (стр. 12).

Что скажашъ о Поэмѣ *привидѣнїе?*
Это не поэма, а басня на Романтизмъ,
попому что въ ней Козель играешъ
главную роль. Сїе, по словамъ самаго
автора, *творенїе безсонницы* можно
употреблять вмѣсто лѣкарства про-
тивъ той самой болѣзни, плодомъ ко-
порой оно являешся, по Ганнеманову
способу лѣченїя: *цѣмъ ушибся, тѣмъ
и лѣчись*. Сверхъ того; оно имѣешъ
достоинство крашкости, котораго
весьма неблагоуразумно чуждающся всѣ
наши новѣйшія классическія поэмы.

Романтикъ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ

Histoire de Don Juan d'Autriche, par Alexis Dumesnil, auteur de l'Histoire de Philippe II. Paris 1827.

Исторія Донъ Жуана Австрійскаго. Сот. А. Дюмениля.

Донъ Жуанъ Австрійскій — побочный сынъ Императора Карла Пятого. Крашковременная, но блистательная жизнь сего несчастнаго Принца, есть прекраснѣйшій Эпизодъ въ живой Эпопее рода человеческого, Исторія сохранила для насъ славныя дѣянiя сего искуснаго воина; но важнѣйшимъ изъ нихъ надобно, безъ сомнѣнiя, назвать знаменитое сраженiе при Лепанто, рѣшительное и кровопролитное, каковое когда либо происходило на морѣ во времена Христіанскаго льшосчисленiя. Сей великій подвигъ юнаго Героя, удержавъ Ошшомановъ на границахъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи, обезопасилъ колебавшіяся тогда швердыни нашей части свѣна: съ тѣхъ поръ перестали уже страшиться внезапныхъ нападений варваровъ, которые за сполѣтіе предъ тѣмъ, раскинувъ побѣдоносныя шашры свои на берегахъ Босфора, угрожали конечною гибелію всему Христіанству. Дальнѣйшія событія дока-

зали, что ежели бы Донъ Жуанъ имѣлъ возможность дѣйствовать по собственнымъ предначертаніямъ и образу своихъ мыслей, то гордые и варварскіе Османлысы навсегда принуждены бы были удалиться во внутренности Азіи. Впрочемъ, какъ бы то ни было, и сколь ни мало дѣйствительныя послѣдствія сей битвы соотвѣтствовали справедливымъ ожиданіямъ современниковъ, — подвигъ при Лепанто навсегда пребудетъ такимъ достопамятнымъ событіемъ на морѣ, которое безстрашному попомку Карла V предоставило одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ Испоріи временъ новѣйшихъ. —

Изложеніе Авшора достойно избраннаго имъ предмета: оно кратко, потому что такова была жизнь описываемаго героя, потому что дѣянія, прославляющія сего послѣдняго, немногочисленны; — требовалось при томъ догвременныхъ усилій, чтобы извлечь ихъ изъ пылы забвенія. Сверхъ того Г. Дюмениль, основательно изучившій источники своего предмета, и смотрѣвшій на него съ возвышенной точки зрѣнія, долженъ былъ ограничить себя только тѣми существенными чертами, которыя наиболее и лучше обозначаютъ нравственный характеръ Героя. Авшоръ употребилъ на представленіе

оныхъ не болѣе двухъ сошь страницъ ; но едвали можно указать на другое историческое сочиненіе , въ которомъ былобъ болѣе дѣйствія , болѣе испи- ны , въ которомъ описанные подвиги обнаруживали бы сколько жизни и бы- ли бы такъ очевидно - выразишель- ны. — Г. Дюмениль , писатель исполнен- ный силы и выразишельности , живо и плѣнительно представляющъ читателю важнѣйшія событія съ ихъ необходи- мыми или вѣроятными послѣдстві- ями , не покоряясь никакой систе- мѣ. Онъ краснорѣчивъ и увлекателенъ при очевидной бережливости въ сло- вахъ.

Совокупность сего историческаго повѣствованія сама по себѣ столь за- нимательна , что плѣняетъ и умъ и воображеніе читателя ; въ послѣднемъ отношеніи особенно примѣчательны : таинственное рожденіе Донъ Жуана , его совершенно рыцарскія лѣта юности , на- конецъ очаровательная картина пыл- кихъ и благородныхъ его наклонностей. На дванадцатомъ году жизни Донъ Жуана , Филиппъ II. рѣшился привести въ исполненіе послѣднюю волю покой- наго отца своего Императора , и пуб- лично призналъ его своимъ братомъ : сіе происходило во время охоты , въ присушествіи Двора и первыхъ вельможъ

Государства. Юнаго Принца привезли послѣ того въ Мадридъ, дабы предоставить ему наслажденіе преимуществами своего званія; но обольщенія счастья не имѣли разрушительнаго вліянія на его сердце: вскорѣ обнаружилъ онъ высокую душу, и внимая однажды изображеніямъ подвиговъ Карла V., оказаль столь пламенное чувствованіе воспорага, что оно дослапочно свидѣтельствовало, сколь будешь онъ нѣкогда любить славу.

Въ послѣдствіи Г. Дюмениль показываетъ намъ своего героя со стороны весьма любопытныхъ и вмѣстѣ прогательныхъ отношеній его къ молодому Фарнезу и къ несчастному Донъ Карлосу. Узнавъ о гибельномъ рѣшеніи участи послѣдняго, онъ спарался спасти его и умоляль Филиппа о прощеніи.

Донъ Жуанъ покориль османски жившихъ въ Испаніи Маврскихъ поколѣній. Послѣ многихъ блистательныхъ сраженій, принявъ начальство надъ многочисленнымъ морскимъ ополченіемъ, представлявшимъ нѣкошорый родъ Кресповаго похода, онъ выступилъ противъ Турокъ, укрьпившихся на водахъ Лепанскихъ, — насигъ и уничтожилъ ихъ при Лепанто.

Въ наступившей за тѣмъ годъ Донъ Жуанъ снова отправилъся въ Средизем-

ное море, но сіе второе покушеніе не произвело ни какихъ новыхъ послѣдствій: Турки опсупили. Упоминившись щестными усиліями вызвать непріятеля на битву, онъ вскорѣ потерялъ слѣды его и возвратился для опдохновенія въ Мессину. Опшуда опплылъ въ Африку, гдѣ завоевалъ Тунисъ и Бисерту, а при Кароагенѣ обратилъ невѣрныхъ въ бѣгство. Въ это время былъ онъ 31 го года опъ рожденія. Филиппъ опозвалъ его въ Испанію и поручилъ обратишь къ повиновенію возмутившіяся Нидерландскія провинціи. Въ слѣдствіе сего онъ опправился въ Белгію, гдѣ продолжалъ войну съ счастливыми послѣдствіями: онъ выигралъ сраженіе при Гемблу, но наконецъ, послѣ тысячекратныхъ усилій, долженъ былъ поколебашься.

Донъ Жуанъ умеръ въ Намурѣ опъ яда, на шридцать шрешьемъ году своей жизни, среди великихъ происшествій. Ужасное приказаніе Филиппа II., посвидѣтельству нѣкоторыхъ Испориковъ, приведено въ исполненіе однимъ Іезуитскимъ священникомъ.

Въ жизнеописаніяхъ историческихъ лицъ всегда особенно пріятно находишь что-либо собственнo ими начерпанное, гдѣ они говорятъ или о себѣ, или о своихъ современникахъ. Слѣдующія за симъ

четыре письма приписываются Донъ Жуану. Утверждаютъ, что онъ писалъ ихъ изъ Парижа, къ вдовѣ Квиріады, на пути своемъ въ Нидерланды по повелѣнію Филиппа. Донъ Жуанъ путешествовалъ въ одеждѣ одного изъ служителей Октавіа Гонзаго, Кавалера его собственной свиты.

„Октябрь, 1576.“

„Очень желаю я увидѣть эту славную и знаменитую Королеву, Екашеринну Медицисъ, падчерицу Франца I., вдову Генриха II., племянницу двухъ Папъ, мать трехъ Королей Французскихъ и мачиху Королей Испанскаго и Наваррскаго; но при всемъ томъ любопытство мое менѣе возбуждено столь многочисленными великолѣпными шиплами, нежели злополучною знаменитостію, которая пятошѣетъ надъ главою ея. Ежели повѣришь тому, что говорили въ Неаполѣ про сію чрезвычайную женщину, то она въ продолженіе всей жизни была сама орудіемъ своего злого жребія. При ея рожденіи Астрологи угрожали столь великимъ бѣдствіемъ Государству, въ которое она нѣкогда отдана будетъ въ замужство, что даже собственное ея семейство гоново было въ то время лишись ее жизни. Но обрати ли и снова въ чертахъ лица ея признаки злаго духа? Вѣчное проклятіе

обозначило ли на нихъ печать злобѣщую, или сія великая Королева изучила ужасное искусство — даже опъ глазъ предупрежденнаго наблюдателя укрывавъ слѣды своихъ пресупленій и щайну своего мщенія? “

„Октябрь, 1576.“

„Сего дня упромъ подъ покровительствомъ Гонзаги былъ я въ Лувръ. Король Генрихъ III предсѣдательствовалъ въ собраніи. Мы нашли его въ кабинетѣ, посреди полдюжины маленькихъ собакъ, съ Келюсомъ и Сен-Мегренемъ, съ нѣсколькими попугаями, копорые опшрашилельно кричали, и съ одною небольшою обезьяною, прыгавшею по плечамъ и головѣ его. Приказано было унести собакъ, а мы и попугаи оспались.“

Генрихъ не великъ ростомъ, но спроень; взоръ его весьма кропкокъ и ярившлнвъ; движенія благородны, исполнены приличія и привлекательности; овъ носинтъ серги и румянипся, подобно женщинамъ; волосы у него причесаны лщательно, а на полсѣ висяптъ длинныя челки. Въ лакомъ видѣ предспавился намъ побѣднтель при Монн-Коншурѣ. Тщелно усиливался Гонзаго обратнть разговоръ на предметъ гораздо важнѣйшій; мы привужденн

были отъ начала до конца выслушивать рассказы его объ маскарадахъ и благочестивыхъ упражненіяхъ, взаимно мнѣющихся въ жизни сего Государя, должны были удивляться благовѣрнымъ распоряженіямъ его въ духовныхъ процессіяхъ или восточной роскоши его придворныхъ праздниковъ. — О когда бы я могъ ойкрыться! Какой прекрасный случай представился бы тогда Генриху учредить балеты и карусели. Раскланявшись съ нами, Король съѣлъ въ карету съ своимъ возлюбленнымъ, и ойправился въ Сен-Шапель на молитву. Гонзаго просилъ второй аудіенціи: ожидаемъ повелѣній его Величества.“

„Октябрь. 1576.“

„Я опять былъ въ Лувръ съ Гонзаго и Посланникомъ. Ожидали Короля съ немерпѣніемъ. Наконецъ увидѣли мы его, когда онъ облеченный въ одежду кающагося, возвращался въ свой дворецъ, неся въ рукѣ бичъ и огромныя четки. Дабы удостоиться получить отъ Григорія XIII опущеніе грѣховъ, раздаваемое по случаю Юбилея, онъ вспустилъ въ орденъ бичующихся (*des battus*). Генрихъ долженъ обойти теперь съ брашней своею все улицы Парижа и въ

каждой церкви благовоино опправляють молишвы. Онъ положилъ на сполъ ящичекъ съ мощами и свои четки изъ кошей усопшихъ; потомъ началъ съ нами бесѣдовать о дѣлахъ своего Королевства, не переставая въ тоже время ласкать то собакъ, то попугаевъ. Его Величество желаетъ, по видимому, начинать ссоры съ партією Гутеношовъ, которыхъ не безъ причины онъ опасается. Нашъ Посланникъ говорилъ отъ имени Каполическаго Союза, а Гонзаго съ своей стороны спарался испросить позволеніе для перехода вспомогательныхъ войскъ чрезъ Францію. Явившійся въ сіе время къ Королю съ обыкновеннымъ посвященіемъ Папскій Нунцій объявилъ, что престоль Его Святейшества никогда не поперпитъ свободы совѣсти и чужаго богослуженія, слѣдствія которыхъ, сказалъ онъ, могутъ быть весьма вредны для церкви. Сіи слова, произнесенныя съ величіемъ, по видимому, воспоржествовали надъ нерѣшимостію Монарха: онъ далъ обѣщаніе снова возстановить примирительный эдиктъ и удалилъ изъ своего совѣща всѣхъ некаполиковъ. Его Величеству угодно, чтобъ мы опложили свой опъѣздъ еще на два дни для присутствія на праздникъ, который она даетъ Королевѣ матери; и такъ я уви-

жу Екатерину, увижу ее посреди двора, въ полномъ блескѣ ея прелестей.“

“Октябрь 1576.“

„Екатерина Медицисъ, будучи пятидесяти лѣтъ, все еще есть одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего Королевства. Благородною выразительностію лица и обворожительною осанкою, она шеперь еще помрачаетъ юныхъ красавицъ, раболѣпствующихъ предъ нею. Можно бы сказать, что въ ея душѣ господствуетъ счастливое смѣшеніе всего того, что только могущество имѣетъ поразительнаго, и все это въ соединеніи съ Французскою ловкостію. Видно однакоже по временамъ, какъ она, въ совершенномъ разсѣяніи и задумчивости, обращаетъ свои взоры прямо къ небу, какъ бы желая незапно исполниться однимъ только помышленіемъ о чудесномъ своемъ жребіи; но, можетъ быть, эта мгновенная унылость дѣйствительно происходить отъ нѣкопрыхъ призраковъ, перзающихъ будшобы ея душу. Намъ сказывали, что она, указывая однажды съ ужасомъ на одно мѣсто, вскричала; *Я вижу парящую тѣнь покойнаго Кардинала Лотарингскаго!* — Боже мой? кто знаешь, сколь много такихъ спрашныхъ видовъ, нривиднѣй,

которыя наименованъ, можешь бышь, она не осмѣлился, являющя ея испуганному воображенію, когда она въ молчаніи проходитъ длинныя покои своихъ чертоговъ. Впрочемъ спокойствіе быстро возвращается въ ея сердце; печаль исчезаетъ, подобно легкому облаку, и Екатерина въ тоже время окружаетъ себя забавами и удовольствіями. Придворныя фрейлины, надъ которыми она въ высочайшей степени преисправуется, ожидаютъ одного только знака своей Королевы, чтобы, расшоргнувъ ряды придворныхъ кавалеровъ, распространить повсюду веселіе, радость и сладкое упоеніе воспора. Но и среди сего любезнаго безпорядка умѣють онѣ — соразмѣрять удовольствія, искусно обращая свои стрѣлы на врага, котораго желаютъ опустить своими дѣпами. Самъ Король не совсѣмъ безопасенъ отъ обольщенія, и я видѣлъ, что Екатерина внимательно наблюдала капризы своего сына. Между тѣмъ въ шумѣ подобныхъ праздниковъ не забываютъ здѣсь молишься до чешкамъ и подмѣщивать яду! —

Читая книгу Г. Дюмениля, не лѣзя не полюбить всѣмъ сердцемъ возвышенной оспради великаго въ Исторіи Карла, не лѣзя не пожалѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что судьба, раскрывъ своему

любимцу столь блистательное поприще, совокупила всю славу его въ пошлѣнствѣ — въ одномъ только крапковомъ мгновеніи жизни человѣческой. Событія, описанныя въ семь твореніи, не смотря на то, что основаны на непреложныхъ свидѣтельствахъ и спростой исторической критикѣ, представляющъ однакоже читателямъ всю прелесть самаго занимательнаго романа.

1. *Les principaux monumens Egyptiens du Musée Britannique etc. d'après le système phonétique, par Charles Yorke et Maria Leake. London. 1827.* Главныя памятники Египетскіе, по системѣ фонетической, соз. Юрка и Лейка.

2. *Seconde lettre sur les Hiéroglyphes, adressée à M. de S*** par M. I. Klaproth. Paris. 1826.* Второе письмо объ Иероглифизмѣ къ Г. С*** соз. Клапротъ.

3. *Brevis defensio Hieroglyphices inventae a Fr. Aug. Guil. Spohn et G. Seyffarth. Scripsit G. Seyffarth. Leipzig. 1827.* Краткое защищеніе Иероглифики, изобрѣтенной Фр. Авг. Вильг. Шпономъ и Г. Зейффартъ, соз. Г. Зейффарта.

Помѣщаемъ извѣстіе о сихъ трехъ сочиненіяхъ, дабы показать въ какомъ неопредѣлительномъ состояніи находится еще теперь важный предметъ

исполкованія древностей и Иероглифическихъ писемъ первобытныхъ Египтянъ. Безспорно, что въ последнее время Европейскіе ученые сдѣлали въ семъ отношеніи великіе успѣхи и открытія, объясняющія почти навѣрное разрѣшеніе сей многотрудной задачи цѣлыхъ столѣтій; безспорно, что голоса такихъ знаменитыхъ мужей, каковы Клапротъ, Шамполіонъ, Зейффартъ и другіе, имѣющіе рѣшительный вѣсъ въ области наукъ и знаній, и достойны всякаго уваженія: но когда и сіи великіе умы взаимно не соглашаются, возстаютъ и опровергаютъ другъ друга, то не имѣютъ ли право благоговѣно-внимающіе имъ слушатели сказать съ нѣкоторою справедливостію, что древній Египетъ есть все еще для насъ въ отношеніи къ Иероглифамъ terra incognita?

Сочиненіе подъ No 1. заимствовано Французскимъ переводчикомъ изъ первой части записокъ Королевскаго (Англійскаго) общества Литтературы *Memoirs of the Royal society of Literature* и содержитъ въ началѣ описаніе и объясненіе сорока памятниковъ древняго Египта, съ литографическими рисунками оныхъ, частію цѣлыхъ статуй или отрывковъ, частію саркофаговъ, фризъ, вазъ и. п. п.; имена Царей, которымъ оне принадлежали, означены Иеро-

глифическими письменами въ рѣзбѣ или въ оправкахъ. Объясненія сихъ именъ сдѣланы по системѣ Шамполліона и Сальша. Сообразно съ первымъ письмомъ Шамполліона Фижака къ Герцогу Блакасу, рядъ Царей осмнадцатой династїи помѣщенъ впереди, съ соблюденіемъ того порядка въ расположеніи именъ, какой встрѣчается на древнихъ памятникахъ, съ показаніемъ числа лѣтъ царствованія каждаго и лѣтъ до Рождества Христова. Первый описанный здѣсь памятникъ есть статуя изъ Фивскаго граниша, найденная въ Карнакѣ. Она разломана на три части, которыя впрочемъ весьма легко могутъ быть соединены. По рѣзной работѣ или по именованнымъ щипамъ, находящимся на плечахъ, можно заключить, что она изображала Рамезеса Сетоса, перваго Царя девятнадцатой династїи по Манешону, или Сезострыса Грековъ (1473 г. д. Р. X.). Рѣзная работа или щипы послѣдней описанной здѣсь вещи, крышки Саркофаговъ содержащъ, по исполкованіямъ, имя и шишуль Рамезеса - Мейамона, шестнадцатаго или предпослѣдняго Царя осмнадцатой династїи (1559 г. д. Р. X.).

Таблицы : XVII. XVIII. XIX. заключающъ 29 именныхъ щиповъ Египетскихъ Царей, снятыхъ со многихъ дре-

внихъ памятниковъ: — всѣ они объяснены подробно. Послѣ таковыхъ объясненій помѣщено двойное прибавленіе: 1.) Отрывокъ изъ письма Шамполіона къ Броуну, члену Кембриджскаго Университета, объ Іероглифической надписи на крышкѣ одного Саркофага, найденнаго Белзоніемъ въ Фивскихъ царскихъ гробницахъ и переданнаго Кембриджскому Университету. Статья весьма любопытная и занимательная; въ ней Шамполіонъ доказываетъ между прочимъ, что на крышкѣ сего Саркофага означено имя помянутаго Рамезеса — Меймона. 2.) Нѣкоторыя греческія надписи на памятникахъ древняго Египта, недавно открытыя: показаніе не менѣе достойное вниманія. — Таблица XX. содержитъ рисунки и объясненіе Фонетическихъ Іероглифовъ по системѣ Шамполіона и Сальпа.

Поводомъ къ составленію статьи подъ No 2. послужило слѣдующее обстоятельство; первое письмо Г. Клапропа, въ которомъ онъ объявлялъ о сдѣланномъ Г. Гульяновымъ открытіи *Анрологическихъ* іероглифовъ, подкрѣпляя оное свидѣтельствами изъ Коптскаго языка; разбиралъ Г. Шамполіонъ въ рецензіи, помѣщенной въ журналъ: *Bulletin Universel des sciences*, гдѣ между прочимъ спорая показавъ, что Г. Клапропъ, во-

все неимѣлѣть основательныхъ свѣденій въ нарѣчїи Копшовъ, что онъ обнаруживаетъ даже совершенное невѣденіе свойствъ сего языка. Къ подкрѣпленію своего приговора Г. Шампол. приводитъ не менѣе *двадцати четырехъ* примѣровъ, долженствующихъ объяснить, что Г. Клапротъ ссылается частію на такія слова, которыя вовсе не были извѣстными Египтянамъ, частію придаетъ Коптскимъ рѣченіямъ неправильное значеніе.

Теперь Г. Клапротъ въ свою очередь бросаетъ полемическія стрѣлы въ своего противника. Въ подлежащемъ письмѣ онъ перебираетъ по порядку всѣ обвинительныя его пункты и всѣ представленные имъ возраженія возвращаетъ ему съ прибавленіемъ. Вошь что сказано у него между прочимъ въ примѣчанїи: „Что касается до меня, то прочитавъ со всѣмъ вниманіемъ сочиненія Г. Шамполіона, я не могу воспротивиться собственному чувству увѣренности въ томъ, что онъ никогда не имѣлъ и поверхностнаго свѣденія въ языкѣ Коптскомъ; думаю даже, что онъ весьма бы затруднился въ переводахъ съ онаго, ежели бъ не существовали на Лашинскомъ языкѣ истолкованія Зета и другихъ ученыхъ мужей, сколько скромныхъ, столькоже прудолюбивыхъ.“

Г. Клапротъ въ объясненіяхъ Коптскихъ словъ весьма часто ссылается на Коптско-Арабскій Словарь, изданный Кирхеромъ, подъ заглавіемъ: *Lingua Aegyptica restituta*, но припомъ не иначе, какъ исправивъ прежде значительныя ошибки онаго двумя рукописями. Опъ сего послѣдняго обстоятельствова и вообще по многимъ превосходнымъ замѣчаніямъ опносительно значеній словъ языка Коптскаго, къ чему подали ему поводъ возраженія Шамполіона, сіе второе письмо, безъ сомнѣнія, составишь драгоценный источникъ къ улучшеніямъ Словаря Коптскаго.

Другой не менѣ важный соперникъ Шамполіона излагаетъ мнѣніе свое противъ него въ Латинскомъ сочиненіи, означенномъ подъ No 5. — Г. Зейффартъ защищаетъ въ немъ изобрѣтенную прежде Шпономъ и потомъ имъ самимъ дальѣ развѣшную систему Иероглифики, противъ опроверженій Г. Шамполіона, сдѣланныхъ имъ въ посланіи къ Герцогу Блакасу, касательно справедливости оной системы. Прежде всего опровергаетъ онъ ложное обвиненіе, заимствованное Шамполіономъ безъ всякой повѣрки у одного Французскаго Журналиста, будто Шпонъ и самъ авторъ, разбирая одинъ Парижскій папирусъ, читали на немъ Гимнь Солнцу, по-

гда какъ найденный въ послѣдствіи Греческій переводъ онаго открылъ въ этомъ мнимомъ Гимнѣ — простое условіе между двумя частными лицами. Зейффаршъ показываетъ, что сдѣланное Шпономъ исполкованіе Египетскаго текста въ существѣ дѣла совершенно сходно съ Греческимъ и что Шпоново членіе и объясненіе многихъ Египет. словъ вполне подтверждается почти одинаковыми словами, еще существующими въ языкѣ Коптскомъ. Слѣдовательно заключеніе Шамполіона, что Шпоно-Зейффаршова система Іероглифики есть ложная, а его, имъ проинивная, вѣрная — имѣетъ весьма зыбкое начало и основано на невѣрномъ показаніи.

Столь же несправедливо, по мнѣнію Автора, утвержденіе Г. Шампол. будто привезенныя въ Европу въ послѣдніе четыре года Египетскія надписи съ греческими переводами опровергають систему Шпона и Зейффарша. Ничтожность подобнаго утвержденія, говоритъ онъ, показываетъ уже не только вышепомянутый папирусъ, но и объясненіе нѣкоторыхъ отрывковъ надписи на Розеттскомъ камнѣ, совершенно сходное съ Греческимъ текстомъ, сдѣланное имъ и товарищемъ его Шпономъ. Г. Шамполіонъ повидимому не знаетъ

еще, прибавляетъ Зейффартъ, что первыи образецъ (Specimen) Шпонова творенія заимствованъ изъ сей надписи, между тѣмъ какъ по его Г. Шамполіона системѣ не лзя объяснить даже ни одной ея спрочки.

Дальнѣйшее обвиненіе Шамп. состоитъ въ томъ, что Шпоно-Зейф. система изобрѣдена a priori; но и это не правда, восклицаетъ Авторъ; ибо опровергается уже самымъ бѣглымъ обзорѣніемъ началъ моихъ, въ которыхъ я ссыдалъ Клименту Александрійскому. Сверхъ того развившая мною система согласуется съ описаніемъ Египетскаго письма вообще и іероглифическаго въ частности у того же древняго писателя. Справедливость системы моей подтверждается еще сравненіемъ многихъ Египетскихъ памятниковъ, содержащихъ одинаковой текстъ, написанный различными родами письменъ и нарѣчій. За сѣмъ Авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію пяти главныхъ доводовъ, высказанныхъ Шамполіономъ въ опроверженіе Шпоно-Зейфарти. системы, и доказываетъ, какъ мало сія послѣдняя попрысается ими. Скажемъ только о важнѣйшемъ изъ сихъ доводовъ. Шампол. утверждаетъ, будто по системѣ Зейф. одни и тѣ же іероглифы означаютъ часто многія буквы, что одна

фигура выражается иногда два, три и более звуковъ. Сколь ни поразительнымъ кажется сіе обвиненіе при первомъ взглядѣ, однако же оно вовсе уничтожается, говоришь Авторъ, ежели сообразимъ и напомнимъ Г. Шамполіону, что по системѣ Зейф. Іероглифы суть знаки буквъ. Разнообразіе демократическихъ буквъ весьма велико, а Іератическихъ еще болѣе. Весьма многія изъ послѣднихъ пакъ сходны между собою, что едва могутъ бытъ различаемы; слѣдов. одинаковыя іератическія буквы могутъ бытъ одинаковымъ образомъ означаемы и. ш. д. Авторъ распространяется довольно подробно о семъ предметѣ, присовокупляя весьма любопытныя замѣчанія; но не входя далѣе въ разборъ его сочиненія и желая ограничить себя только сказаннымъ, долгомъ считаемъ въ заключеніи рекомендовать сію книгу всемъ тѣмъ, которые берутъ участіе въ подобныхъ полезныхъ и много общающихъ изысканіяхъ. —

Изъ представленныхъ извѣстій особенно о послѣднихъ двухъ твореніяхъ, читатели усмотрятъ, въ какомъ Литтературно - непріязненномъ отношеніи другъ ко другу находятся теперь прое опличнѣйшихъ Аншикваріевъ; весьма любопытно узнать, чѣмъ

кончился подобная переспрѣлка и ка-
кимъ образомъ выберется знаменитый
Шамполіонъ изъ лабиринта опровер-
женій и задачъ, заданныхъ ему его опа-
сными прошивниками. Подобныя ссоры
полезны и назидательны.

Намъ оспаривается съ удовольствіемъ
прибавилъ давно уже извѣстное заклю-
ченіе, что *du choc des opinions jaillit
la vérité.*

* *

Précis de l'Histoire générale des Jesuites, depuis la
fondation de leur ordre, le 7 Septem. 1549, jusqu'en
1826, par A. J. B. Натертаніе всеобщей Исторіи
Иезуитовъ. Парижъ, въ 2 часяхъ, 1826.

Хотя приспращеніе руководствовало
Авторомъ, — что видно изъ самаго эпи-
графа: *Jesuitae sunt pestis Religionis et ter-
ragum*; — но сочиненіе сіе примѣчательно
по краткому изложенію важнѣйшихъ
событій, собранію многихъ частныхъ
обстоятельствъ, и оживленному сло-
гу, кошорой часно напоминаетъ Вольт-
ерову иронію. Оно раздѣляется на
четыре части. Въ первой части Авторъ
повѣствуетъ объ основаніи Ордена Иг-
натіемъ Лойслою, и полицію сего
Генсрала, правилахъ и цѣли, внушен-
ныхъ имъ въ членовъ Ордена; и по-
казываетъ, какъ орденъ, возмѣвъ
самыя общія цѣли, распространился

не только по Католической Европѣ, но и въ Индіи, Японіи, Китаѣ, и руководствуясь тѣми же правилами, благопріятствоваль учрежденію Инквизиціи въ Гоа. — Во второй части описывающія усилія Іезуитовъ водвориться во Франціи, и успѣхъ ихъ. Въ третьей — эпоха высочайшаго могущества и вліянія Іезуитовъ на всѣ дѣла государственныхъ; ужасная роль, которую играли они во время Лиги, царубійства, совершенныя большею частию въ слѣдствіе ихъ побужденій, и наконецъ изгнаніе изъ Франціи за многія государственныхъ пресупленія. Генрихъ IV призываль ихъ снова съ условіемъ, чтобы при дворѣ всегда находился одинъ изъ членовъ Ордена аманомъ, который долженъ опвѣчать за всѣ поступки Іезуитовъ въ государствѣ. Однако въ сей самой мѣрѣ предосторожности Іезуиты нашли средство утвердиться еще крѣпче во Франціи. Во время распрей, вновь возникшихъ съ Университетомъ и Парламентомъ Парижскимъ, сіе общество, всегда честолюбивое и властолюбивое, прямо напало на своихъ непріятелей — Протестантовъ, Гугеновъ, Янсенистовъ. Въ четвертой части показывающія главныя причины, приготовившія паденіе Ордена, разныя частныя происшествія, въроломства,

противозаконныя преребованія, насильственныя мѣры, злоупотребленія и проч. Сочиненіе оканчивается разрушеніемъ Ордена, но между тѣмъ Авторъ мимоходомъ дѣлаешь замѣчаніе, что обществѣ сіе возраждается вновь на своихъ развалинахъ. — Авторъ приводитъ вездѣ документы. —

Объ этомъ же предметѣ вышло во Франціи другое сочиненіе: *Histoire des conspirations des Jesuites contre la maison de Bourbon de France*, par MM. Eugène de Montglave et Prosper Chalas.

Сдѣлаемъ кстади одно замѣчаніе: какъ соединяются во Франціи науки съ практическою жизнію! Едва лишь начинаются полковашъ въ Палатахъ объ Іезуитахъ и потчасъ являющся цѣлыя книги объ нихъ, въ коихъ ясно излагаются все facts, до нихъ относящіяся. Хотяшъ ли устанавишь цензуру Газетамъ, полагая изъятіе ихъ ошъ цензуры вреднымъ, и Дарю издаешь полную Спашиспическую книгу о книгопечатаніи, исчисляеть все гражданскія пресшупленія, за которыя наказаны Редакторы, сравниваетъ число сихъ пресшупленій съ другими и выводитъ свои слѣдствія. . .

Изъ Нѣмецкихъ газетъ. М. П.

С М Ъ С Ъ.

Отечественныя извѣстія.

Карлъ Гампелль, Глухонѣмый.

Съ большимъ удовольствіемъ поспѣшаемъ исполнить предъ нашими читателями одну изъ пріятныхъ обязанностей Журналиста, извѣщая ихъ о недавнемъ появленіи въ Москву отличнаго Гравера и Живописца-художника, Глухонѣмага Карла Гампелля. Сей рѣдкій молодой человекъ, доскопривычательней уже по своимъ талантамъ, кромѣ того показываетъ намъ разительный примеръ, до чего въ состояніи дойти изобрѣтательность ума человѣческаго; ибо, будучи отъ природы глухонѣмымъ, онъ доведенъ до того, что можетъ уже нынѣ весьма внятно объясняться на письмѣ по Нѣмецки и довольно хорошо по Русски. Вотъ нектошрмъ о немъ подробности:

Гампелль родился въ Москвѣ, но еще въ малолѣтствѣ былъ отправленъ въ Вѣну, дабы посредствомъ благотѣльнаго человѣчества образованія, физическіе его недостатки замѣнить нравственнымъ возрожденіемъ. Образованіе сіе, исполненное въ прѣвосходномъ заведеніи для глухонѣмыхъ, подъ руководствомъ достойнаго Директора Мая, имѣло столь удачныя успѣхи, что раскрыло въ немъ отличныя дары къ изящнымъ искусствамъ; въ слѣдствіе чего онъ поступилъ въ число воспитанниковъ Вѣнской Академіи Художествъ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, обезпеченный въ нуждахъ попечительностію родителей, безмятежно занимался рисованіемъ, живописью, особенно же гравированіемъ. Но внезапное общее несчастье жителей нашей столицы постигло и его среди

мирныхъ занятій; пожаръ Москвы, озарившій Европу свѣшлывкомъ свободы, истребилъ все имущественно родителей: вскорѣ пошомъ отецъ его умеръ, а мать осталась въ крайней бѣдности. Съ того времени прекратилась надежда на всякое пособіе изъ отечества для бѣднаго глухонѣмаго юноши, и одно только чело-вѣколюбіе почтеннаго наставника Мая ограждало его отъ дальнѣйшихъ гонимій судьбы, замѣняя для него любовь и благодѣанія родителей. По крайней мѣрѣ онъ могъ, хотя и не безъ опасенія о будущее, непрерывно продолжать свои занятія.

Счастье снова просіяло для Гампелна не прежде, какъ по прибытіи въ Вѣну Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государынь Великихъ Княгинь, Екатерины Павловны и Маріи Павловны; онъ удостоился поднести имъ одну изъ большихъ гравированныхъ имъ картинъ, изображающую Св. Семейство, которую ея Высочество Марія Павловна дозволила ему посвящать Ея имени; сверхъ того объ Высочія Особы наградили его тогда щедро. — Благошворное покровительство Великихъ Княгинь, а еще болѣе пріѣздъ Е. В. покойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Вѣну, привели его въ состояніе уплатить долги, доверивши образованіе свое въ Академіи и помысливъ о возвращеніи въ Отечество, въ которомъ видѣлъ онъ открытое поприще своимъ дарованіямъ. Мудрый Монархъ, обращавшій вниманіе на всякой талантъ, могущій содѣйствовать благу его народа, былъ пронутъ сугубымъ несчастіемъ юноши и его удивительнымъ образованіемъ. А. Л. Нарышкинъ, вручивъ тогда же Гампелну отъ имени Е. В. 1500 гульденовъ, объявилъ ему дозволеніе продолжать ученіе въ Академіи, порадовавъ надеждою о

призрѣнн въ отечествѣ и приказаль относительно
опѣзда изъ Вѣны обратннсь въ свое время къ та-
мошнему начальству: такимъ образомъ обезпечилась
его будущая участь. — Императрица Елисавета Алек-
сеевна, когда представленъ былъ Ей при посѣщеніи Ин-
ститута Глухонѣмыхъ столь образованный Русскій
глухонѣмый, удостоила его также милостивымъ
Своимъ вниманіемъ. Исторія его ученія, несчастій
и избавленія отъ оныхъ, возбудила въ крошкѣмъ
сердцѣ Монархини участіе къ его положенію. Благо-
склонно разсматривая поднесенныя произведенія Гам-
пелна, Императрица выбрала изъ нихъ двѣ миниатюр-
ныя картонны, особенно Ей понравившіяся, изъ коихъ
одну (Божію мащерь) выгравировалъ Алларія. Е. В.
повелѣла предстать къ себѣ Гампелну по прошествіи
уже нѣкотораго времени, но и для сего Ангельская де-
бюта души ея избрала съ намѣреніемъ день св. Кар-
ла — имениннъ Глухонѣмаго, которой, вмѣстѣ съ бла-
госклоннымъ пріемомъ, удостоилась получить отъ Е. В.
сто червонцевъ.

Въ 1818 году Гампелнъ окончилъ художественное
воспитаніе свое въ Вѣнской Академіи, и за шестилѣт-
нее прилежаніе, ревность и превосходные успѣхи, по-
лучилъ отъ оной въ награду золотую медаль, назна-
ченную Императоромъ Австрійскимъ отличнѣйшему
изъ воспитанниковъ. Въ сѣмъ же году, вспомошество-
мый щедротами своего Монарха, прибылъ онъ въ Пе-
тербургъ, и послѣ былъ опредѣленъ при Институтѣ
Глухонѣмыхъ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ
обучалъ Рисованію. Во все время пребыванія въ Пе-
тербургѣ, онъ ревностно продолжалъ дальнѣйшее усовер-
шенствованіе дарованій своихъ въ Живописи, и никог-
да не упускалъ представлявшихся ему случаевъ къ прі-

обръшенію большихъ успѣховъ и свѣденій: отличительная черта истиннаго таланта, всегда недовѣрчиваго къ собственнымъ силамъ! Импер. Академія художествъ и Эрмитажъ были любимыми мѣстами его художнической дѣятельности; а главнѣйшею цѣлю благородныхъ усилій — Живопись мизантропная, въ которой дѣйствительно достигъ онъ до значительной степени совершенства. Прекрасныя произведенія его въ семь родъ обратили на себя благосклонный взоръ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ТЕОДОРОВНЫ, которая дважды удостоила Гампелла своею МОНАРШЕЮ наградою. Многіе изъ жителей Петербурга знаютъ Гампелла и умѣли достойнымъ образомъ цѣнить его дарованія: а пріятность въ обхожденіи и образованность, открывъ ему входъ въ лучшія общества, заставили полюбить въ немъ не только художника, но и любезнаго молодого человѣка. Остаемся увѣренными, что и жители нашей столицы, кои будутъ имѣть случай узнать его лично, оправдаютъ нашъ объ немъ отзывъ.

Въ дополненіе извѣстій нашихъ, обязанностію считаемъ сказать еще, что Гампелль, кромѣ вышепомянутыхъ достоинствъ, удѣленныхъ ему природою, можетъ быть полезенъ обществу и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ, по видимому, она отказала ему при рожденіи. Неšťастнымъ, — подобно ему, Глухоньмымъ, — въ состояніи онъ совершенно передавать Пониманію, собственныя познанія въ Русскомъ, Французскомъ, и Нѣмецкомъ языкахъ, Аріеметикѣ, Исторіи, Географіи, въ Рисованіи, живописи, гравированіи (*) и

(*) Въ сіи извѣстія собраны отъ разныхъ почтенныхъ Особъ, коротко знающихъ Гампелла и подтверждаются иностранными публичными листами: *Tagblatt* 1815 и *Wiener Zeitung* 1815. 1818 гг.

Архитекшуръ. Доказательствомъ сему служатъ многіе изъ отличныхъ учениковъ его, находящихся нынѣ начальниками при благотворительныхъ заведеніяхъ для Глухонѣмыхъ, какъ то: Графъ Скаліоти въ Миланѣ, священникъ Рейлеръ въ Линцѣ и проч.

Мы видѣли нѣкоторыя изъ его гравюръ и нѣсколько портретовъ, писанныхъ съ натуры, и должны признахся, что изъ числа первыхъ намъ мало удавалось встрѣчать подобныя, гдѣ бы такъ удачно соединены были нѣжность рѣза съ превосходствомъ оцѣлки; а послѣдніе, кромѣ поразительнаго сходства съ оригиналами, имѣютъ характеръ художественнаго произведенія, отличающагося вѣрностію рисунка и тщательною отработкою подробностей: все это особенно привлекало насъ въ миниатюрномъ портретѣ Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника, писанномъ Гампелномъ съ натуры. Замѣтимъ еще, что скорость, съ какою сей художникъ совершаетъ свои работы, почти невѣроятна.

Повторимъ въ заключеніе нашу увѣренность, въ томъ, что узнавшіе лично Гампелна останутся довольны знакомствомъ сего молодого человѣка, несчастнаго по рожденію, но своими рѣдкими дарованіями и любезностію равно способнаго приносить обществу и пользу и удовольствіе.

N. N.

Процессъ Г-на Кокрена о зубахъ. Между тѣмъ, какъ знаменитый Лордъ Кокренъ пожинаетъ лавры на водахъ Архипелага, жертвуя собственнымъ благомъ и жизнью на пользу Греціи, братецъ его Г. Кокренъ отличаетъя во Франціи въ битвахъ совсѣмъ другаго рода, которыя хотя гораздо менѣе опасны, но въ га-

строномическомъ отношеніи великой для него важности, ибо дѣло шло — о *тѣлостяхъ благороднаго Британца*. Г. Кокренъ заказалъ въ Парижѣ извѣстному зубному врачу Дезираборду искусственные зубы — *au naturel*. Договорная цѣна роковыхъ зубовъ состоялась 800 франковъ, съ такимъ обоюднымъ условіемъ, чтобы достальную половину сей суммы заплатить мастеру при полученіи товара, если сей послѣдній окажется годнымъ, — въ противномъ же случаѣ мастеръ обязанъ возвратитъ полученную имъ впередъ первую половину. Сказано — сдѣлано: зубы готовы и вставлены; но, (увы, какое несчастіе!) Г. Кокренъ потчасъ замѣчаетъ, что имъ нельзя быть и что они безобразятъ его физиогномію. Не желая однакоже, по милости ихъ, ни быть уродомъ, ни отказатся навѣки отъ пріятныхъ сластей бифштекса и ростбифа, джентльменъ припоминаетъ условіе и поспѣшавъ съ необыкновеннымъ проворствомъ переселилъ свою неудачную обновку изъ рта въ карманъ, требуетъ отъ Дезираборда уплаты отданныхъ ему прежде 400 франковъ — *sine qua non*. Завязался жаркой процессъ; — адвокатъ Г. Кокрена говорилъ по сему случаю рѣчь въ судѣ первой инстанціи, въ которой весьма прогательно изложилъ критическое положеніе своего беззубаго кліента, сильно настаивалъ, чтобы Судъ предоставилъ обоимъ тяжущимся обратиться къ извѣстному числу знатоковъ, по приговору коихъ дѣло сіе должноствовало уже получить свое дальнѣйшее теченіе. Присутствующіе единогласно изъявили свое согласіе, вопреки всѣмъ возраженіямъ и противорѣчіямъ Дезираборда, который крѣпко и упорно стоялъ на томъ, что *рѣченные* зубы, его собствен-

ное издѣліе, не могли и не должны были *не въ пору* расчелпанному Бришанцу. — Не извѣстно, въ какомъ состояніи находятся теперь челюсти Г. Кокрена; но то вѣрно, что безъ апелляціи процессъ не кончится.

Журналъ на Арабскомъ языкѣ въ Парижѣ. Поздравляемъ любителей воспочной Липшерашуры съ Арабскимъ Журналомъ, и желаемъ имъ отъ чистаго сердца какъ можно скорѣе дожидаться плодовъ отъ такого важнаго предиріяшя, досель неслыханнаго на бѣломъ свѣтѣ. Издашеля сего Журнала, илюющаго выходить каждый мѣсяць, суть извѣстные оріеншалисты Гарсенъ де Тасси и Бабинѣ; подписка открыша въ Парижѣ по 50 и 30 франк. ежегодно (послѣдняя цѣна для Воспочныхъ читателей). Главною цѣлю онаго будутъ: сообщеніе жителямъ невѣжественнаго Востока на Арабскомъ языкѣ нѣкоторую часть нашихъ успѣховъ и открытій по всемъ родамъ умственнаго совершенствованія, имѣя преимущественно въ виду распространеніе полезныхъ знаній. Впрочемъ и Европейскіе читатели найдуть здѣсь предметы, достойные ихъ любопытства, хотя ученныя изслѣдованія и извѣстія о Востокѣ не будутъ составлять главнѣйшихъ занятій редакторовъ. Вотъ полное заглавіе сего журнала: *Mémorial scientifique et industriel, recueil mensuel redigé en Arabe et publié par M. M. Garcin de Tassy et Babinet.*

Кстати о Востокѣ: мы получили подробнѣе извѣстіе о скоромъ появленіи въ свѣтъ Словаря Французско-Турецкаго, составленнаго Г. Рази, чи-

новнякомъ для переводовъ съ восточныхъ языковъ при Г. Главноуправляющемъ Новороссійскими Губерніями и Бессарабскою Обласшю. Словарь сей будетъ заключаться въ одномъ большомъ томѣ in 4, на хорошей веленовой бумагѣ. Почтенный Авторъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ занимающійся восточными языками, и по роду своей службы имѣвшій всякую возможность довести до совершенства столь важное Литтературное предпріятіе, рѣшился нынѣ заплаштить дань восточнымъ Музамъ, и, приступая къ изданію сего Словаря, имѣетъ цѣлю преимущественно пользу науки и пособіе переводчикамъ и драгоманамъ Христіанскихъ Державъ въ разныхъ частяхъ обширной Турецкой Имперіи. Трудъ его будетъ имѣть всѣ качества классическаго, испинно — ученаго и удовлетворительнаго творенія: онъ заключаетъ въ себѣ 12,000 словъ или сташей, обогащенныхъ примѣрами и фразеологією; къ объясненію каждой сташей съ Французскаго языка на Турецкомъ, присоединится показаніе — откуда заимствовано слово, Турецкое ли оно, Арабское или Персидское. Авторъ въ этомъ случаѣ руководствовался употребленіемъ и прочными справками. Слова Турецкія писаны будутъ Арабскими буквами; сверхъ того выговоръ оныхъ покажется на языкѣ Французскомъ.

Награда Доктору Маттей. Нѣкии Докторъ Маттей изъ Вердена, сочинитель ученаго разсужденія о желшой горячкѣ (cholera morbus), одобреннаго Берлинскимъ Медицинскимъ факультетомъ, удостоился получить въ знакъ благоволенія за сей общепользныи трудъ

отъ Короля Прускаго благосклонный рескриптъ, съ поршрешомъ его Величества; отъ Короля Англійскаго прекрасную золотую табакерку съ брилліантовымъ вензелемъ, тоже самое отъ Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, отъ Герцога Олденбургскаго 200 червонцевъ; при покупке 100 экз. его книги отъ Сената города Гамбурга двѣ большія золотыя медали, отъ Сената Любекскаго одну медаль золотую, а отъ города Бремена — ящикъ стараго рейнвейна.

Библиотека Герцога Суссекскаго. Чрезвычайное при-
страстіе, издавна оказываемое Гордогомъ Суссекскимъ
ко всему относящему до Литтературы в особенно до
Библиографіи, послужило поводомъ къ основанію столь-
же многочисленнаго, сколько драгоцѣннаго собранія
книгъ и рукописей. Заведеніе сіе, расположенное съ
большимъ вкусомъ въ собственномъ великолѣпномъ жи-
лищѣ Герцога въ Кинсингтонѣ, по богатству и пол-
нотѣ своей, преимущественно въ литтературу Библей-
ской, рѣшительно есть первое во всей Англии, ис-
ключая, можетъ быть, одну только Библиотеку Гра-
фа Спенсера въ Альшорнѣ. Подробный систематичес-
кій Каталогъ, составляемый Г. Пешпигренемъ, вскорѣ
познакомитъ публику со всеми находящимися въ немъ
сокровищами; — первая часть онаго подъ заглавіемъ
Bibliotheca Sussexiana, уже напечатана и содержитъ въ
себѣ описаніе рукописей: Еврейскихъ, Греческихъ,
Латинскихъ, Французскихъ, Италіанскихъ, Испанскихъ
Арабскихъ, Индійскихъ и ш. д. Между ними особенно
замѣчательна одна весьма древняя Еврейская, (пяши-

книжце Моисея) вывезенная изъ Аравіи въ Амстердамъ, а оштуда въ Англію; ова писана на Африканской кожѣ, навернуша на брусокъ, и снабжена серебряною указкою для означенія строкъ при чтеніи. Другая достопримѣчательность есть Комментарій, соч. въ XIV столѣтіи, на сіе же пятикнижце, называемый *Sepher Dusheno*: При семъ кашалогъ приложены двадцать таблицъ, представляющихъ fac simile рукописей и. ш. и., а также портретъ Герцога, снятый съ оригинала Лонсдаля.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж е н щ и н ы.

Отрывокъ изъ Евгенія Онегина.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ ;
Тогда въ законъ себѣ я сцавилъ
Его единый прозволъ.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ,
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я палъ въ шипинъ :
Ея любовь казалась мнѣ
Недосыгаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у мнѣхъ ногъ —
Инаго я желать не могъ.

*

То вдругъ ее я ненавиждь ,
 И трепетала и слезы мила ,
 Съ поскокой и ужасомъ въ ней видѣлъ
 Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ ;
 Ея проницательные взоры ,
 Улыбка, голосъ, разговоры ,
 Все было въ ней отравлено ,
 Измѣной злой напоено ,
 Все въ ней алкало слезъ и стона ,
 Писалось кровію моею . . . .
 То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
 Передъ моалбой Пигмаліона
 Еще холодной и вѣмой ,
 Но вскорѣ жаркой и живой .

*

Словами въцаго Поэта

Сказать и мнѣ позволено :

Темира, Дафна и Милета —

Какъ сонъ забыты мной давно .

Но есть одна межъ ихъ поалою . . .

Я долго была палъненъ одною . . . .

Но была ли я любимъ, и къмъ ,

И гдѣ, и долго ли ? . . . за чѣмъ

Вамъ это знашь? не въ этомъ дѣло!

Что было, то прошло, то вздоръ ;

А дѣло въ томъ, что съ эщикъ поръ

Во мнѣ ужъ сердце охладѣло ,

Закрылось для любви оно

И все въ немъ пусто и темно .

*

Дознался я, что дамы сами,
 Душевной пайиъ измѣня,
 Не могутъ надивнисься намц,
 Себя по совѣсти цѣня.
 Восторги наши своеобразны
 Имъ очень кажутся забавны;
 И право съ нашей стороны
 Мы непростиительно смѣшны.
 Закабалась неосторожно,
 Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
 Любовь въ безуміи зовемъ,
 Какъ будто требовать возможно
 Огъ мотыльковъ или огъ людей
 И чувствъ глубокихъ и страшней!

А. Пушкинъ.

Н о ч ь.

Померкла неба синева,
 Безмолвны роши и поляны;
 Тамъ подъ горой, едва, едва
 Бѣжитъ, журчитъ ручей стекляный.
 Царица сна и темноты,
 Царица дивныхъ сновидѣній!
 Какъ сладостно ласкаешь ты
 Уединенныя мечты
 И вѣгу вольныхъ вдохновеній!

*

Онъ отдыхашь грѣшный свѣтъ ;
 Главу страдальца ушомило
 Ярно соблазновъ и суеть ,
 Любви и чувственности милой .
 О ночь ! пошла ему покой !
 Даруй видѣнья золотыя ,
 Да улебянный тебой
 Забудеть онъ и шумъ дневной ;
 И страха и надежды злыя !

*

Но ты лампы не шути ,
 Не водворяй успокоеня
 Тамъ , гдѣ Поэшь — своей души
 Свершаеть стройныя твореня .
 Пускай торжественный восходъ
 Великолѣпнаго свѣтила
 Его безсоннаго найдеть ,
 И снова думъ его полеть
 Подниметь Божеская сила !

Н. Языковъ.

Калеби,
 15 го Августа 1827.

Къ Итальянскому языку.

Языкъ Италіа прекрасный,
 Какъ услаждаетъ ты мой досугъ! —
 Какъ пѣемъ мы запахъ ананасный,
 Такъ пилъ швой звукъ мой жадный слухъ!

Мой слухъ, когда тебѣ внимаю,
 Делаетъ звонкая свирѣль:
 Въ тебѣ я рокошь спрунъ встрѣчаю,
 И колокольчикъ — букву *Эль*.

Ты не шумишь, какъ свистъ *Золовъ*,
 Ты свѣсая, — крошокъ и цвѣшишь;
 Какъ сладостно швое *фильоло*!
 И каждый звукъ швой голосишь!

Какъ ловко выговоришь *лоро*!
 И вдругъ, мечтой; шуда лешимъ,
 Гдѣ роши зацвѣтають скоро
 И долго цвѣль могущій *Римъ*.

6. *Галика.*

О ш и б к а.

(М. Д. Х - ой).

Здѣсь все мечта, сказала поэтъ;
 Здѣсь все ошибка, я прибавлю.
 Мечту прославилъ цѣлый свѣтъ,
 Ошибку я теперь прославлю.
 Кто ловить масшерски людей?
 Ошибка. — Умъ хитерь и глубокъ,
 Но будь онъ всѣхъ умовъ хитрѣй,
 А все не избѣжишь ошибокъ.

*

Взгляните: Фирсъ и старъ и сѣдъ,
 Въ немъ жизнь давно ужъ переспѣла,
 Душа его подъ старость льнѣтъ
 Выглядываешь вонъ изъ щѣла.
 Судьба, забывъ его грѣха,
 Любви потѣшила улыбкой, —
 И Фирсъ попался въ женихи
 Увы! невѣстной ошибкой.

*

Аланушка была скромна,
 Любила сельскія пустыни;
 Хоть не дурна, хотя умна,
 Но и не мыслила въ Графини;
 Вдругъ очутилась изъ пустынь
 На белведерь знаши зыбкомъ,
 И скромница въ чинъ Графини
 Гордится мужнивой ошибкой.

*

Чтобъ все ошибки перечесть,
 Раскройте свѣта панораму;
 Гдѣ мы — тамъ и ошибки есть:
 Все подражали Адаму.
 Софислы, свой создавъ кумирь,
 Къ безбожью умъ направа гибкой,
 Въ безумствѣ и себя и мѣръ
 Назвали божіей ошибкой.

*

Ужъ не одинъ сказалъ Поэтъ,
 Что надо вѣрять Скепшицизму;
 Мы, кажется, на цѣлый свѣтъ
 Глядимъ сквозь радужную призму
 Предубѣждений — и порой,
 Какъ дыши видимъ мы съ улыбкой
 И ловимъ жадною душой,
 Что намъ понравилось ошибкой.

*

Въ обманъ дерзкомъ каюсь вамъ:
 Свои стихи чужими выдавъ,
 И звучнымъ именемъ стихамъ
 Чего-то сладостнаго придавъ,
 И вы повѣривши мнѣ въ томъ,
 Прочли ихъ съ нѣжною улыбкой,
 И въ вашъ классическій альбомъ
 Попалъ я счастливой ошибкой.

П Р О З А.

Добродушіе.

Кто захочетъ судить о людяхъ и вещахъ по качествамъ и недоспашкамъ, съ перваго взгляда его поражающимъ, тотъ ошибется въ своихъ заключеніяхъ также грубо, какъ мореплаватель, который приплывъ къ землѣ, ему неизвѣстной, по первому взгляду на берега ея, захочетъ судить о цѣлой странѣ.

Чтобы вѣрно судить о людяхъ, чтобы проникашь ихъ слабости и добрыя качества, не довольно ума, не довольно самой справедливости безъ добродушія. Умъ быспро обнимаетъ предметы, справедливость сравниваетъ ихъ между собою, раздѣляетъ, и каждому назначаетъ свое мѣсто; но добродушіе, разсматривая добро и зло, разбираетъ то и другое съ благосклоннымъ вниманіемъ; часто въ самомъ злѣ находить источникъ добра; добрыя намѣренія цѣнитъ какъ заслуги; замѣчаетъ всякій удержанный порывъ злыхъ склонностей, данныхъ природою, и въ самомъ добрѣ умѣетъ найти иль оппѣнки, которые придають еще болѣе прелести благимъ качествамъ и возвышають ихъ достоинство. Оно во все проникаетъ, все

видишь въ добрѣ и злѣ, не останавливая своего вниманія единственно на чертахъ разительныхъ. Обнявъ цѣлое, оно разбираетъ всѣ части, его составляющія, и находитъ то, что ускользнетъ отъ ума и разсудка недоброжелательныхъ. Все для добродушія важно, все удостоивается его вниманія; ибо оно всѣмъ пользуешь для своихъ сужденій. Приговоры добродушія предпочтительнѣе самой снисходительности: ибо снисходительность видишь пороки — пердишь и прощаетъ; но добродушіе не спѣшитъ извинять; оно прежде разбираетъ, и въ самомъ злѣ старается открыть черты добраго; оно охотнѣе *любитъ и хвалитъ*, нежели *прощаетъ*. О добрѣ судитъ оно строже самаго разсудка, ищетъ въ немъ всегда чего-то бѣльшаго и придаетъ добру поже, что прелестъ — красотѣ.

Добродушіе на все смотритъ какъ знапокъ, которыи въ прекрасномъ произведеніи природы или искусства умѣетъ находить оплѣнки совершенства, еще болѣе возвышающіе его достоинства.

К. З. Волконская.

У б і й ц я.

Анекдотъ.

Я проѣзжалъ . . . ., городъ . . . . ой Губерніи — вижу, народъ густою толпою валить по одной улицѣ. Въ серединѣ идетъ нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ съ желтыми ворошниками, и между ними Священникъ и молодой человекъ, лѣтъ двадцати прехъ, въ сумромъ кафтанѣ, не подпоясанный, безъ шапки. На всѣхъ лицахъ примѣшно какое-то участіе. Всѣ провожающіе кричатъ ему въ одинъ голосъ: „покайся, повинися, швой грѣхъ, покайся.“ Онъ шелъ въ безмолвіи, какъ будто бы одинъ, погруженный въ прискорбную думу, и между шѣмъ съ надеждою увидѣтъ что-то пріятное и утѣшительное. — Меня поразило это явленіе, шѣмъ болѣе, что на лицѣ молодаго человека не выдатъ было слѣдовъ ни порока закоснѣлаго, ни преступленія нечаяннаго. Я вышелъ изъ своей коляски, вмѣшался въ толпу, сталъ прислушиваться къ рѣчамъ моихъ спутниковъ и спрашивать шаруху, которая подлѣ меня, вслѣдъ за другими, ковыляла, опираясь на длинный свой костыль.

Кого это ведутъ, бабушка?

„Андрея, нашего дорогого Андрея.“

Что онъ сдѣлалъ такое?

„Онъ погубилъ двѣ души Христіанскія.“

Я не понимаю себя: онъ погубилъ двѣ души, а ты сожалѣешь о душегубцѣ?

„Родимый, врагъ и горами качаешь, а людьми что вѣникомъ прясеешь. Грѣхъ такой случился надъ Андреемъ. Онъ у насъ былъ доброй человѣкъ. Не нажилъ намъ такого больше. Всякому радъ онъ былъ услужить: нищему — послѣднюю рубашку снималъ съ плеча, опъ кафтана опрывалъ полу. Намѣдни у меня захромала сивая, — я покучилася ему, — и онъ, голубчикъ мой, на себя перевезъ мнѣ двѣ гряды огурцевъ. — — Ахъ, Дмитриевна, что съ шобою бы спалось, если бы ты дожидла до сего дня, если бы твое родимое дѣщище при тебѣ подняло руку! Умолила ты Господа, что онъ прибралъ тебя заранѣе. Чай и въ могилкѣ-шо ворохнулись твои косточки!“

Мое любопытство возрастало и я не прерывалъ опвѣстовъ старухи, копорая съ такою оконою и искренностію высказывала мнѣ, что у нея было на сердце, и продолжалъ дѣлать ей вопросы.

А кого погубилъ Андрей?

„Онъ зарѣзалъ, баюшь, свою жену и пещу. — Мать - пресвятая Богородица! прости его прегрѣшеніе! Да не изъ подъячихъ ли ты, бабюшко, чю такъ припоманно меня разспрашиваешь?

Нѣтъ, бабушка, я проѣзжій. — Жалко мнѣ вашего Андрея. Да развѣ онъ не любилъ своей жены?

„То-шо и бѣда, бабюшко, чю онъ любилъ ее безъ памяти. Бывало, не нарадуется на нее. Выйдушь на улицу о праздникѣ — глазъ съ нее не сводишь, шакъ, слышь ты, спѣнью и ходишь за нею. И женился-шо онъ на ней — году еще нѣтъ, лѣпшось — передъ Михайловымъ днемъ. Дмитревнѣ - покойницѣ, нече сказать, не хопѣлось женить его на Прасковѣ. Знашь ея сердце материнское чуюло бѣду неминучую. Да приснупились-шо онъ къ ней крупо. „Благослови, мапушка, а не шо — не видашь тебѣ больше меня. Веревку на шею и записывай въ поминанье: безъ Параша мнѣ свѣтъ божій посныль.“ Нечего дѣлать. Старуха благословила и они обвѣнчались. Дмитревна жила съ ними не долго, недѣль съ шридцать. Она умерла о Святой, на самую заупиреню. Богъ сподобилъ ее царствія небеснаго за добрую душу.“

Съ чего же послѣ размолвились молодые ?

„Андрюша спалъ ревновать свою жену.“

И справедливо ?

„Богъ въдаеть, башюшко. Чужая душа пемна, да и мудроно вѣдь судишь мужа съ женою.“

А куда вѣдуть шеперь его ?

„Ему больно спосковалось по своей Парашѣ. Онъ палъ къ судьямъ въ ноги и просилъ ихъ Христа ради, чшобъ пустили его на ея могилу. Они у насъ добрые люди, дай Богъ имъ здоровья, и позволили ему. Да какъ и не позволишь! Всѣ наплакались, слышь ты, на него, глядя на его спрасни. Такъ на спѣну и лезъ онъ въ шюрмъ. Пустипше да и шолько, опшведипше душу.“

Между шѣмъ мы вышли изъ города. Въ споронѣ подлѣ дороги видно было нѣсколько деревянныхъ крестовъ. Несчастной измѣнился въ лицѣ. Сердце его, казалось, вылетѣло хопѣло. Глаза заблнспали, какъ будшо бы онъ надѣялся еще увидѣшь свою подругу, живую и любящую. Онъ удвоилъ шаги. Гдѣ она, гдѣ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Здѣсь, опшвѣчалъ Священникъ, указывая

на свѣжую могилу, только что засыпанную. — „Душа моя Параша, здѣсь ли ты? опкликнись другу!“ воскликнулъ онъ громко и палъ на колѣна безъ памяти. Слезы въ шри ручья полились изъ глазъ его. Онъ разрывалъ руками землю, цѣловалъ ее, рвалъ на себѣ волосы, ломалъ руки. Изрѣдка вырывались у него глухія слова, невнятные вопли. „Параша! увидимся ли мы съ тобою? Параша, ты обманула меня? За чѣмъ ты обманула меня?“ —

Всѣ предшоявшіе были пронуты, и съ чувствомъ сердечнаго состраданія смотрѣли на несчастнаго преступника. Никто не смѣлъ мѣшать порывамъ его опчаянія. Все было тихо. У многихъ на глазахъ были видны слезы. Самые солдаты упирались кулаками.

Горько и вмѣстѣ усладительно было смотрѣнь на сихъ грубыхъ по видимому людей, которые, въ полстѣхъ кафланахъ и шерстяныхъ паневахъ такъ близко принимаютъ къ сердцу, такъ живо чувствуютъ все человѣческое. Человѣкъ высокъ при всемъ своемъ униженіи, и въ святилищѣ души его никогда не погасаетъ искра его небснаго происхожденія. —

Священникъ прервалъ наконецъ молчаніе. Онъ приблизился къ несчастному

и сказалъ ему: именемъ Бога всевѣдущаго заклинаю тебя сказать правду, опкловивъ подозрѣнія ошь невинныхъ. . . „Развяжи свою душу, нашъ добрый Андрей“ раздалось со всѣхъ сторонъ. — „Виновать предъ Богомъ и Государемъ, воскликнулъ бѣдный Андрей вславъ спремительно. Я убилъ ее, ведите меня на судъ.“

„Добрые люди, сказалъ онъ, обо рошась къ предешоявшимъ, прощайте, не поминайте меня лихомъ. Помоглишесь о моей душѣ.“ Всѣ зарыдали. . .

Я ворошился ошань съ толпою въ городъ, познакомился нарочно съ судьями и разспросилъ о несчастномъ. Слова спарухи подшвердились. Андрей Горячій, такъ называли его въ городъ, мѣщанинъ, женился по любви на молодой городской дѣвушкѣ, также мѣщанкѣ. Спаруха, мать его, умерла вскорѣ послѣ свадьбы своего любимаго сына, и мѣсно ея въ домѣ заснупила шеща. Всѣ они шрудами рукъ своихъ снискивали себѣ пропитаніе, жили согласно и не знали, что такое горе на свѣшѣ. — На бѣду пришелъ къ нимъ въ городъ гусарской полкъ спостоять постоемъ. Мо-

лодой вахтмистръ, остановившійся подлѣ Андреевой хижины, молодецъ собою, лукавый и проворный, обольстилъ легко-вѣрную жену Андрееву. Сначала долго не имѣлъ онъ подозрѣнїя на свою Парашу, потомъ долго невѣрилъ своимъ подозрѣнїямъ, наконецъ убѣдился: однажды ввечеру, подъ злой часъ, сошелся онъ съ своими товарищами, которые въ разговорѣ ясно дали замѣтить ему, что жена его не вѣрна. Взволнованный, ворочился онъ домой. Параша не было. Сердце у него закипѣло и онъ схватился за ножъ, лежавшій на столѣ подлѣ хлѣба. Въ ту минушу она входила. — „Гдѣ ты была? закричалъ онъ на нее спраш-нымъ голосомъ. Виновная осполбенѣла и едва успѣла выговорить, что была въ гостяхъ у своей кумы, какъ онъ въ бѣшенствѣ вонзилъ ножъ ей въ сердце. Она вскрикнула и упала; мать выбѣжала изъ клѣши. Андрей, что ты дѣлаешь? чуть могла произнести шаруха, увидя кровь своей дочери, бьющую ключемъ изъ раны. Онъ зарѣзалъ и ее. Первою мыслью послѣ представилось ему — бѣжать. Онъ бросился къ сундуку, вынулъ всѣ деньги, которые тамъ были, выскочилъ поспѣшно изъ избы и заднею камишкою въ поле. — Тамъ онъ опомнился. Ему жаль стало своей Параша, которую

любилъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ. Онъ захопѣлъ проспиться съ нею и взявъ у ней съ руки вѣнчалное кольцо себѣ на память, и ворошился. Пальцы уже зашekli у погибшей, и между тѣмъ какъ онъ старался сорвать кольцо, прибѣжали сосѣди, схватили его, оптащили онъ бездыханнаго шрупа его жены, и предали суду.

М. П.

НАУКИ.

СТАТИСТИКА.

Взглядъ на Францію.

(Во Франціи, сказано въ Журналь *Bibliothèque Universelle*, изъ коего почерпнуть сей отрывокъ, вышла книга подъ заглавіемъ: *Situation progressive des forces de la France depuis 1814*, par le Baron Charles Dupin (Возрастающее состояніе силъ Франціи съ 1814 года, соч. Карла Дюпеля). Сочиненіе сіе, замѣчательное какъ по новостямъ предметовъ, въ ней излагаемыхъ, такъ и по извѣстнымъ дарованіямъ Автора, служило введеніемъ къ творенію подъ заглавіемъ: *Forces productives et commerciales de la France* (Производящія и торговыя силы Франціи) Г. Дюпень, искусною рукою начертавшій обширную картину источниковъ могущества и благоденствія Великобританіи (*), предпринялъ подобное сочиненіе и о Франціи, которое онъ можетъ обработать еще съ ббльшимъ совершенствомъ. Сравнительное противопоставленіе производящихъ силъ и источниковъ благосостоянія двухъ Государствъ, во многихъ отношеніяхъ могущихъ назваться главами образованности рода человѣческаго — есть картина прекрасная и высокая. Какъ назидательно сравнивать сіи два народа, столь различные по своему мѣстному положенію, характеру и по самому

(*) Путешествіе по Великобританіи и проч.

свойству шѣхъ источниковъ, изъ коихъ произтекаетъ ихъ благоденствіе, — народовъ, исполненными шагами проходящихъ поприще самоусовершенствованія и просвѣщенія! Соперничество ихъ, долго бывшее причиною бѣдствій, наконецъ по видимому превратилось въ благородное соревнованіе, — обильный источникъ всякаго рода успѣховъ!

Если иногда, говоря объ установленіяхъ, служащихъ основаніемъ Англійскому могуществу, или излагая удивительные успѣхи промышленности въ сей странѣ, Г. Дюпень обращалъ на Францію взоры сожалѣнія; но занимаясь новымъ швореніемъ, имъ предпріятымъ, онъ будетъ вкушать одно чувство удовольствія: ибо отдавая отчетъ въ успѣхахъ своего отечества, онъ можетъ радоваться имъ, какъ человекъ, и гордиться, какъ гражданинъ. Но посмотримъ, что самъ сочинитель говоритъ о цѣли своего шворенія.)

„Производящими и торговыми силами Франціи называю я соединенныя силы человека и природы, приложенныя во Франціи къ дѣйствіямъ земледѣлія, ремесла и торговли. Силы сіи непостоянны: онѣ возрастаютъ съ благоденствіемъ народовъ и уменьшаются съ ихъ упадкомъ. Я старался опредѣлить не только настоящее положеніе оныхъ въ нашемъ отечествѣ, но и быстроту ихъ возрастанія, бы-

спрошу, съ коею мы должны соразмѣрять наши надежды.

Дѣйствіе сихъ силъ ея не есть совершенно вещественное: оно направляется, опредѣляется и движется умомъ чело-вѣка и силою его воли. Такимъ образомъ просвѣщеніе народовъ, также какъ ихъ нравы, имѣють близкую, необходимую связь съ развитіемъ производящихъ и торговыхъ силъ. На розысканіе и раскрытіе сихъ-по отношеній я болѣе всего обращаю вниманіе.

Обозрѣвъ общіе законы Государства и его основныя установленія, дабы опредѣлить ихъ повсюдное вліяніе, я пробѣгаю сословія общества, разсматриваю — какимъ образомъ каждое изъ нихъ можетъ возвеличить заслуги свои, пріобрѣтши ему право на нашу благодарность, и стараюсь указать ему средства для новыхъ заслугъ. Я бросаю бѣглый взглядъ на различныя спраны Франціи, розыскиваю мѣстныя установленія и изучаю ихъ сообщество, которыя кажутся мнѣ благопріятными для развитія производящихъ и торговыхъ силъ, для успѣховъ образованія и нравственности. Если одна обласць представляеть мнѣ какой-либо важный образецъ, я предлагаю его для подражанія другимъ обласцямъ, дабы сдѣлать общимъ благосостояніе, являющееся въ

часлнностяхъ и подь различными видами въ споль многихъ краяхъ нашего отечества.

Я стараюсь соединить все стихіи Французскаго образованія. Если надежды мои не останутся щепными, то мое сочиненіе, не смотря на многочисленныя его недослалки, не будетъ бесполезно для образованія, къ коему стремятся наши желанія и надежды.

Не хочу дѣлать нововведеній; не хочу сославлять системъ; не предлагаю теорій, мнѣ одному принадлежащихъ; не хочу, удовлетворяя своей гордости, стремиться къ тому, чтобы мое отечество слѣдовало за обманами моихъ бродящихъ мыслей. Я ни что иное, какъ повѣствователь, и чаще всего простой ариометикъ; въ точности передаю то, что видѣлъ, читалъ, разсчелъ. Предлагаю согражданамъ хроническую или лучше сказать современную Спаллестнику.

Спаллестника сія — сравнительная. Я сравниваю производящія силы и произведенія каждаго Департамента со среднею Франціей, западную часть съ восточною, северную съ полуденною. Такимъ образомъ я противопоставляю 32 северныхъ департамента 54-мъ среднимъ и полуденнымъ. Сравненія сіи не суть предметъ суешнаго любопытства;

онѣ намъ показываютъ отношенія, до сихъ поръ неизвѣсныя; обозначаютъ различія, до сихъ поръ не замѣченныя, и доводятъ насъ до назначенія причинъ сихъ многообразныхъ отношеній и различій.

Сравнительная Спятистика есть наука, еще несозданная; въ ней наше время нуждается. Отношенія народовъ по обширности своей не имѣютъ примѣра въ прошедшихъ столѣтїяхъ; торговля соединяетъ, но раздѣляетъ двѣ части свѣта; народы, правленія самыхъ отдаленныхъ странъ, но идутъ согласными шагами, но стремятся путями противоположными, свѣдуча видамъ, которые должны имѣть основаніемъ своимъ самыя здравыя понятія сравнительной Спятистики, находящейся еще во младенчествѣ.

Смѣю надѣяться, что для образованнѣйшихъ народовъ — въ Великобританїи, Германїи, Италїи, Голландїи и Соединенныхъ Штатахъ, трудолюбивые и благонамѣренные писатели будутъ изучать производящія и торговыя силы своихъ родимыхъ странъ и чуждыхъ государствъ, имъ болѣе другихъ извѣстныхъ. Когда они обнаружатъ труды свои, то можно будетъ соединить свѣдѣнія, ими доставленныя, и развить для нашего времени картину производящихъ и торговыхъ силъ цѣлаго міра.

Тогда каждый народ из примѣра другихъ ясно увидитъ, что можешь бытъ полезно или вредно для его собственнаго образованія. Живые образцы упадка или благоденствія, являющіеся въ народахъ современныхъ, будутъ имѣть дѣйствіе, совершенно отличное отъ дѣйствія теорій и системъ; софизмы падутъ передъ дѣйствительностію.“

(За сими авторъ объявляетъ, что не хочетъ слѣдовать внушеніямъ никакихъ партій, что онъ будетъ судить о Правительствѣ только по его дѣйствіямъ, и что во всякомъ случаѣ будетъ смотрѣть на одни только факты. „Ибо, говоритъ онъ, я держусь фактовъ, и подъ одеждою словъ ищу подлиннаго дѣйствія.“ Вотъ начертанная имъ картина быстраго и постепеннаго развитія производящихъ силъ во Франціи въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ:)

„Съ 1803го по 1815 годъ, двѣнадцать кампаній намъ стоили около милліона людей, павшихъ на полѣ сраженія или погибшихъ на большихъ дорогахъ и въ больницахъ: мы исплатили на сіе шесть милліардовъ. Наконецъ упомянутое счастье разбило скипетръ нашего владычества; оно разрушило наши союзы, општоргло отъ насъ области, самыя полезныя для нашего отечества: Пие-

моншъ, области по лѣвую сторону Рейна, Бельгію, Савою и проч.

Съ 1815 года по 1818, Франція, въ слѣдствіе войны, еще потеряла капишалу, въ разныхъ видахъ, на 5 милліарда.

Съ 1818-го по 1827 годъ, въ девять лѣтъ, сіи кровавыя и глубокія раны исцѣлились. Тщешно взоры ищутъ слѣдовъ сихъ ранъ; опечесство вознаградило свои жестокія бѣдствія; оно оправилось послѣ своего истощенія, и благодаря его нравственному могуществу, оно теперь еще сильнѣе, дѣятельнѣе и могущественнѣе прежняго. Зрѣлище усилій, сдѣланныхъ имъ для своего возрожденія и возвращенія прежняго величія, есть самое великолѣпнѣйшее, какое только можетъ предсѣваться народамъ.

Мы потеряли полшора милліона человекъ во время 23-лѣтней войны; въ теченіи 13 лѣтъ народонаселеніе Франціи увеличилось 2,500,000 жителей.

Четыреста тысячъ воиновъ и мапросовъ были разсыяны по крѣпостямъ, въ чуждыхъ спранахъ завоеваннымъ, тщешно ожидая шамъ возвращенія счастья не возвратившагося, или по землямъ непріятельскимъ отъ пустынь Сибирскихъ до степей Африканскихъ, отъ понтоновъ Англій до темницъ Бриган-

скихъ Индiй. Всѣ возвратились во Францію; 300,000 воиновъ положили свое оружіе во храмъ Согласія.

Такимъ образомъ 700,000 человекъ, испытавшихъ ужасы битвъ и жестокихъ климатовъ, возвратились въ отеческіе дома свои, гдѣ они должны были воскреснуть для новой жизни и насладиться освобожденіемъ родимой спорной. Ихъ распустили, — и Франція такимъ образомъ явила зрѣлище, коему не было равнаго въ Исторіи Европейскихъ народовъ.

Люди, не знавшіе духа нашихъ воиновъ, казалось, боялись, чтобы они не ожесточились при видѣ угрожающей бѣдности и новыхъ лишеній, и не прибѣгнули къ насилію, дабы обезпечить свое существованіе: чепыре вѣка не могли изгладить изъ памяти усраженныхъ народовъ преданія о буйствѣ войскъ Дюгескленевыхъ, распущенныхъ послѣ войны съ Испанцами и Англичанами. Но обстоятельство уже были не тѣ; они забыли, что въ наше время флотъ и войско Французское составлены были изъ цвѣта городскихъ и деревенскихъ жителей, и что сіи воины, оставивъ отеческіе дома, не забыли добродѣтели своей ни на спѣнахъ крѣпостей, ни на полѣ чести.

И такъ 700,000 воиновъ въ молчаніи возвратились подъ кровъ родительскій; безъ ропота сложили воинскіе доспѣхи; съ привычною бодростію принялись за орудія мирныхъ работъ и возвратили опечеснву своему производящія силы.

Между тѣмъ какъ земледѣліе наполнило наши жилища нежданнми сокровищами, мы вознаграждали и другія потери наши относительно земледѣлія.

Въ Департаментнахъ, которые были удручены присуществіемъ иностранныхъ войскъ, обязанности, принятыя нами для ихъ продовольствія, уменьшили значительнo число рогатаго скота, шоль нужнаго для хлѣбопашества.

Теперь всѣ сіи несчастія изглажены; потери вознаграждены; жилища вновь наполнены; стада шоль же многочисленны, какъ и до войны; считаютъ даже, что у насъ нынѣ пятью милліонами животнохъ, доставляющихъ шерсть, и четырмя стами тысячъ лошадей болѣе нежели было въ то время, когда непріатель вошелъ въ землю нашу. Такимъ образомъ трудолюбіе Французовъ, не смотря на потери ихъ, умножило противъ прежняго ихъ силы животноя (*forces animales*), необходимыя для работъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ и для шорговыхъ перевозовъ.

Говорить ли о промышленности? Въ нашихъ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ она претерпѣла также весьма замѣчательныя потери; мануфактуры, каковы на пр. Г. Жапи, прокормляющія въ Верхнемъ Рейнѣ болѣе 1500 работниковъ, были разрушены до основанія: онѣ снова находятся въ дѣйствіи.

Белгія и департаменты по лѣвому берегу Рейна, олтнатые у Франціи, вдругъ лишили ее множества желѣзныхъ заводовъ и каменнаго угля, желѣза, цинку, мѣди и проч. Фабриканты наши завели на нашей землѣ желѣзные заводы, не уступающіе тѣмъ, которые мы некогда имѣли.

Мы среди всѣхъ народовъ искали тайнъ ихъ промышленности, дабы воскресить собственную нашу; мы ее воскресили, возвысили — и теперь она еще превосходитъ, разнообразнѣе, богаче, нежели была когда-либо. Уже два раза, со времени возрожденія своего, она являла богатства свои во дворцѣ нашихъ Королей. Два раза, удивленная Франція, гордящаяся сею данью, принесенною Генію ея дѣятельности, видѣла, какъ соперники ея, иноземцы, отдавали ей должную справедливость хощя и принужденными похвалами или притворными насмѣшками (?). Наконецъ придетъ время прекрасной жатвы за

сею весною и мы въ прѣпій разъ увидимъ ее самую себя превосходящую и являющуюся взорамъ нашимъ съ новыми открытіями, которыя заслужаютъ почести, каковыхъ только можно ожидать отъ вѣка просвѣщеннаго. Покажемъ ея успѣхи со времени той эпохи, благодаренія коей я изчисляю.

Въ 1812, промышленность Франціи обрабатывала 35 милліоновъ килограммовъ Французской шерсти; теперь она обрабатывается 42 милліона своей собственной шерсти и 8 милліоновъ шерсти иностранной.

Она имѣла недостатокъ въ спадахъ, для добыванія длинной и глянцовой шерсти, нужной для прекрасныхъ безворстныхъ тканей, какъ напр. шалей и волнистыхъ матерій. Полдень, западъ и востокъ снабжаютъ насъ украшеніями для того пола, который самъ есть украшеніе народа образованнаго: Азія доставила намъ Тибетскихъ козъ, Африка Нубійскихъ барановъ, западная Европа Лейсперскихъ овецъ. Мы изобрѣли усовершенныя и трудныя средства, дабы наилучшимъ образомъ обрабатывать руно удивительной тонкости; фабрики Французскихъ шалей произвели такіе образцы, коимъ подражаетъ Англія, не надѣясь превзойти ихъ.

Въ 1812, во Франціи изгошворялось шолько 10,362,000 килограммовъ бумажной пряди; съ 1825-го же года она прядеть 28,000,000 килогр. бумаги, чрезвычайно тонкой и выработываетъ множество такихъ тканей, какія мы прежде съ трудомъ производить могли, начиная съ канифасовъ до самыхъ нѣжныхъ и между шѣмъ шоль дешевыхъ шюлей, копорые въ одномъ Лионѣ выдѣлываются болѣе нежели на 200 спанахъ и шкутся также въ Дюнкирхень, Кале, Сеншъ-Эшьень, Сеншъ-Кеншенъ, Лилль, Руанъ и многихъ другихъ городахъ.

Мы имѣли весьма несовершенныя машины для пряденія тонкой шерсти и бумаги, для расчесыванія, сприженія, лащенія, набиванія нашихъ тканей; необходимо нужно было ихъ усовершенствовать, и для того мы нѣкоторыя ввезли, а другія изобрѣли сами, и мануфактуры наши снабжены ими доспащно. Это матеріаль новый, купленный, выигранный, заплаченный и съ лихвою вознаграждающій намъ пожертвованіе нашихъ старинныхъ способовъ дѣйствованія: разительный примѣръ выгодъ, копорыя государство находить въ самовозрожденіи!

Никакой народъ и прежде не могъ входить въ соперничество съ нашимъ

въ опдѣлкѣ шелковыхъ матерій; но мы еще распроспранили предѣлы, нами одними достигнутые. Кипай имѣлъ исключительное преимущество производить шелкъ, который ослѣпительною бѣлизной превосходитъ произведенія всякаго рода хризалидъ, извѣстныхъ на западъ; мы развеяли въ своемъ опечесствѣ такихъ же червей. Скоро мы увидѣли превосходные крепы, перенятые у Кипайцевъ, удивительные какъ по грубости матеріяла, изъ коего должно было усовершенствовашь пражу, такъ и по гладкости и красотѣ самой ткани. Со времени мира, мы возимъ въ роскошную Азію ковры, вышканные на подобіе Персидскихъ и Турецкихъ, которые выше образцевъ своихъ.

Прежде несчастій нашихъ Ліонъ заключалъ въ себя не болѣе 100, 000 человекъ; но слѣды сихъ несчастій изглажены такими успѣхами, что теперь болѣе 150, 000 жителей дѣятельныхъ, трудолюбивыхъ, населяютъ сей прекрасный городъ, который процвѣтаетъ ихъ изобрѣтательною дѣятельностію.

А между тѣмъ и Парижъ возвышается. Сей могучій соперникъ царя Ронскаго также въ числѣ причинъ своего безпрестанно возрастающаго народонаселенія, считаетъ умноженіе способовъ къ пропитанію, происхо-

длщихъ олъ успѣшнаго обрабошыванія шелку, бумаги, шерсли и шалей.

Одинъ Префектъ, бывшій воспитанникомъ Политехнической школы, издалъ ученую Спамиспику Департамента Сены. Въ ней видно, что Парижъ обрабошываетъ шалей на 40,000,000 и болѣе чѣмъ на 6,000,000 — мебели и золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, а ежегодный вывозъ излишнихъ произведеній его промышленности просириается на 47,000,000 ф. Такова теперь столица Королевства нашего, возвеличенная и украшенная множествомъ новыхъ зданій, посвященныхъ частной и общей пользѣ! Возвратимся къ промышленности Департаментовъ.

Франціи неизвѣстно было искусство выдѣлывать прекрасныя камчатныя полошна, коими Саксонія и Силезія снабжали Европу. Побѣда привела насъ въ сіи страны; мы не спарались тамъ ниспровергнуть промышленности; намъ казалось благороднѣе учиться подражать имъ въ устройствѣ мануфактуръ, чшобы нѣкогда превзойши ихъ; нѣсколько лѣтъ прошли въ спараніяхъ и опытахъ, и съ 1819 года награда, выигранная Сентъ-Кеншенемъ, показала, что сей городъ завелъ во Франціи способъ выдѣлыванія полошень, совершенно новый и многотрудный.

Мы не только научились усовершенствовать всякаго рода пряжи и шкани, но споль же замѣчательные успѣхи оказали и въ искусствѣ красить оныя. Въ Лионѣ для крашенія шелка мы замѣнили индиго Берлинской лазурью, доставляющею цвѣтъ еще пріятнѣйшій для зрѣнія, болѣе яркій и способный ко всемъ малѣйшимъ оштѣнкамъ. Въ Руанѣ, для крашенія бумаги мы приобрѣли искусство составлять красный цвѣтъ ровнѣе и лучше, производя самыя легкіе онаго оштѣнки. Въ Мюльгаузенѣ мы усовершенствовали способъ такъ называемаго выбиванія (*enlevage*) и завели красную Адрианопольскую краску, споль хорошую, что ситцы крашенныя въ Мюльгаузенѣ, заслуживающія похвалу и по другимъ качествамъ, на всѣхъ Германскихъ торгахъ получили значительное предпочтеніе передъ ситцами другихъ народовъ. Десять лѣтъ тому назадъ сочли бы не возможнымъ вышечашивать на полотнѣ краски и украшенія великолѣпныхъ кашемирскихъ шалей; наши фабриканты въ Мюльгаузенѣ осуществили сію надежду, казавшуюся прежде несбыточною.

Литографія, введенная во Франціи; со времени мира, доставила изящнымъ искусствамъ скорое, дешевое и легкое средство повторять образцовыя про-

изведенія великихъ художниковъ и даже распроспраняли первобытное отраженіе ихъ мыслей со всей его силой и оригинальностію. Литографія овладѣла симъ искусствомъ, дабы украситъ его творенія; она литографировала на полотнѣ, на бумажныхъ матеріяхъ, на холстѣ и шелкѣ, на глинѣ, фаянсѣ и фарфорѣ.

Въ одно время съ литографіей усовершенствовались и бумажныя фабрики. Французы первые изобрѣли способъ выдѣлывать бумагу неопредѣленной длины, что во многихъ случаяхъ доставляетъ самыя важныя выгоды. Искусство рисовать на бумагѣ превосходныя обои сдѣлало у насъ такіе же успѣхи, какъ и крашеніе матерій, — и превосходство нашего вкуса является въ счастливыхъ отпѣнкахъ цвѣшовъ и красокъ рисунковъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію нашихъ минеральныхъ богатствъ.

Англія имѣла передъ нами значительное преимущество въ богатствѣ каменноугольныхъ и желѣзныхъ минъ, сближенныхъ природою въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и въ превосходствѣ средствъ обработыванія оныхъ: мы заняли у ней сіи средства. Цилиндры для кованія горячаго желѣза, высокія печи для очищенія его заведены въ обласяхъ

Ніеврской, Іоннской, Мозельской и Лоарской; опдѣлываніе спали, долго бывшее въ пренебреженіи, наконецъ усовершенствовано; мы очищаемъ, полоосуемъ, проволакиваемъ съ новымъ совершенствомъ желѣзо, мѣдь, цинкъ, ланунъ; самой плашинѣ даемъ ковкость. Со времени мира, въ Ніевръ, л'Ерѣ, ле Шерѣ, ле Дубсѣ, ла Кошѣ - д'Орѣ, мы полоосуемъ желѣзные листы и выдѣлываемъ жескъ; полоосуемъ даже расщоленную спаль.

Въ 1814 г. Франція обработывала 100,000,000 килограммовъ желѣза; въ 1825 — 160,000,000 килограммовъ. Въ 1814 Франція извлекала изъ минъ своихъ милліарды килограммовъ каменнаго угольа; въ 1825 она получила болѣе милліарда пѣтисотъ милліоновъ килограммовъ. Такимъ образомъ опносительно сихъ двухъ важныхъ источниковъ богатства промышленности, Франція производитъ половиною болѣе нежели въ 1814.

Со времени мира, мы поспешенно переспаемъ плашинѣ дань иноспранцамъ за пилы, косы, серпы. Скоро Германія въ семъ опношеніи не будетъ имѣть надъ нами никакого преимущества. Ножи наши доспигають наконецъ двойной цѣли — красоты и дешевизны. Мы

открыли средство закаливать холодное оружіе также какъ въ Дамаскѣ.

Мы начинаемъ соперничествовать съ Швейцарією въ дѣланіи обыкновенныхъ часовъ, и никто не сравнися съ нами въ дѣланіи часовъ точныхъ, употребляемыхъ въ мореходствѣ и Астрономіи. Первенствовавшій народъ въ искусствѣхъ у Парижскихъ художниковъ пребудетъ нынѣ лучшихъ орудій для наблюденія звѣздъ съ точностію, соопвѣствующею тѣмъ успѣхамъ, коныры Астрономія сдѣлала съ начала прошедшаго столѣтія болышею частію трудами нашихъ же Астрономовъ и Геометровъ. Новѣйшія открытія во Франціи и Оптику сдѣлали наукою новой. Одинъ изъ нашихъ инженеровъ изобрѣлъ для маяковъ такія стекла, конырѣя передаютъ свѣтъ обильнѣе самихъ рефлекторовъ.

Искусства Химическія имѣли во Франціи то чрезвычайное преимущество, что занимались ими люди, въ тоже время распространившіе предѣлы самой Химіи. Знаменитые современники Лавуазье изобрѣли новый способъ бѣленія; скорыя экономическія средства приготовлять множество солей и кислотъ, извлекать селитру, составлять порохъ, дѣлать во Франціи квасцы, году, пошашъ, бѣлила и проч.

Сія великіе успѣхи, начавшіеся еще съ революціи, не ослабѣли въ ходу своемъ со времени мира; Химики наши открыли тайну превзойши самихъ себя, доставляя торговлѣ произведенія въ большемъ изобиліи, болѣе приспособленныя къ нуждамъ жизни и искусствѣ, и между тѣмъ гораздо менѣе стующія, нежели прежде.

Охуджали нашу глиняную посуду за грубость опдѣлки, наши фаянсы — за некрасивость, фарфоръ — за дороговизну; дѣятельная промышленность очистилась отъ сихъ обвиненій. Мы производимъ даже роскошную глиняную посуду, подражая въ твердости, блескъ и опшѣнкахъ порфиру и драгоценнымъ камнямъ: сія отрасль промышленности доведена до высокой степени совершенства.

Уже шесть лѣтъ какъ мы перестали уступать Англичанамъ въ граниніи хрусталей; мы равняемъ съ ними въ чистотѣ полировки и рѣзбы, и превосходимъ ихъ въ нѣжности и изящной формѣ.

Произведенія нашего золотыхъ дѣлъ масперешва много возвысили прекрасное искусство скульптуры, чеканной работы, и шопленія мѣди, серебра и золота. Повѣрятъ ли — что жители Франціи умножаютъ свои мебели,

посуды, серебряныя и золотыя украшенія ежегодно на 20,000,000 франковъ! (*). Это доказываютъ государственныя доходы, отъ клейменія взимаемые.

Вотъ бѣглое, неполное и несовершенно изложеніе удивительныхъ успѣховъ нашей промышленности — съ 1814 по 1826 годъ. Успѣхи нашей внутренней торговли являютъ слѣдствія, не менѣе замѣчательныя.

Можно судить объ оныхъ по возвышенію общеспвенныхъ доходовъ, учрежденныхъ съ продажъ всякаго рода, подъ именемъ прямыхъ налоговъ. Отчеты, поданные нашимъ Законодательнымъ Камерамъ показываютъ, что сей источникъ доходовъ, постепенно усиливался съ 1818 го до 1826 го года. Весь доходъ простирался до 170,685,223 фр. въ 1818, а въ 1826 до 214,400,903 фр. Такимъ образомъ круглыми чи-

---

(*) Въ 1818 г. весь золота, находившагося въ работѣ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и подверженнаго праву клейменія, простирался только до 16,170 гектограммовъ.

Въ 1825 онъ простирался до . . . . . 41,078 г.
Совокупный весь серебра находившагося

въ работѣ у золотыхъ д. мм. былъ 381,134 г.

Въ 1825 . . . . . 696,075 г.

Число з. д. мм., занимающихся обработываніемъ сихъ драгоценныхъ металловъ въ 1818 простира-
лось только до . . . . . 8,382.

Съ 1825 — . . . . . 11,412.

слонъ доходы умножились болѣе, нежели 25 ю проценнами. Сіе умноженіе покажется нѣмъ замѣчательнѣе, что пошлина съ масла, приносившая въ 1818 г. болѣе 3 милліоновъ, съ 1822 уничтожена, и если бы еще существовала, то приносила бы пеперь 4 милліона.

За успѣхами торговли послѣдовали необходимо и успѣхи внутренняго обращенія людей и вещей. Въ 1818 было 105 содержащихъ перевозовъ на нашихъ рѣкахъ и рѣчкахъ; съ 1825 было ихъ 286. Въ 1818, число повозокъ подъ клеймомъ Правительствва проспиралось только до . . . . . 6,670, между нѣмъ какъ въ 1825 ихъ было 14,255.

ш. е. умножилось болѣе нежели вдвое.

Право клейменія, представляющее частію успѣхи торговыхъ оборотовъ, принесло :

въ 1818.	20,912,830 фр.
въ 1825.	25,934,461 фр.

Слѣдовательно доходы увеличились болѣе нежели 24 проценнами.

Правительствво беретъ десятую долю съ городскихъ доходовъ; доходы же сіи доказываютъ потребление вещей, слѣдовательно и благосостояніе городовъ. Сей источникъ въ 1818 г. приносилъ только, ... 3,597,931 фр.
въ 1825 же году. . . . . 4,983,351 фр.

Сіе покажется тѣмъ замѣчательнѣе, что число городовъ, имѣющихъ сіи доходы, въ 1818 было . . . . . 2,276.
въ 1825 уменьшилось до 1,439.

Потребленіе соли есть также признакъ благосостоянія промышленности и частныхъ людей. Сіе потребленіе увеличивается быспрѣе, нежели народонаселеніе, о чемъ судить можно по общественной казнѣ, получившей изъ сего источника

въ 1818 только . . . . . 5,785,113 фр.
въ 1825 же . . . . . 6,956,161 фр.

Расходъ пороха умножился гораздо замѣшнѣе. Въ 1818 онъ простирался только до . . . . . 377,650 килогр.
въ 1825 до . . . . . 960,752 к.

Должно замѣшнить, что употребленіе пороха на охотѣ и войнѣ въ мирное время ни сколько не умножается; но пороха, употребляемаго въ рудокопняхъ, который слѣдовательно можно назвать истинно производящимъ, выходило

въ 1818 . . . . . 91,286 килогр.
въ 1825 . . . . . 455,642 к.

Такимъ образомъ Франція упяшерила издержку пороха, на который можно смотрѣть какъ на живую силу, приложенную къ работамъ.

Порохъ, употребляемый для внешней торговли, также весьма значительно умножился. Его было

въ 1818 . . . . . 33,052 килогр.

въ 1825 . . . . . 110,825 к.

т. е. его умножилось болѣе, чѣмъ вшрое.

Если будемъ разсматривать доходы съ таможенъ, болѣе объясняющіе успѣхи торговли, нежели непрямые налоги, то увидимъ умноженіе ихъ весьма достойнымъ вниманія.

Доходъ съ таможенъ Французскихъ

въ 1818 ограничивался 114,000,000 ф.

въ 1819 было его — 110,000,000 ф.

въ 1825 простирает. до 148,231,766 ф.

Доходы съ пошлей простирались

въ 1820 до . . . . . 23,790,710 фр.

въ 1825 до . . . . . 27,552,641 фр.

Съ удовольствіемъ замѣтимъ ощутительное уменьшеніе суммы ненавистной пошрины, которая навсегда бы должна была опвергнута нравственностію: я говорю о пошлинѣ съ лотерей.

Въ 1812 валовой доходъ съ лотерей превосходилъ . . . . . 21,800,000 фр.

Въ 1825 онъ состоялъ въ 15,787,449 фр.

въ 1826 только въ . . . . . 11,901,806 фр.

Между тѣмъ какъ источники доходовъ, заключающіеся въ промышленности и торговлѣ, увеличились по

причинамъ, нами показаннымъ, поземельные налоги уменьшились значитель-
но, почему и участь Французскихъ вла-
дѣльцевъ значительно улучшилась,
особенно въ нѣхъ департаментсахъ, кои
чрезмѣрно угнѣшены были слишкомъ
неровнымъ распредѣленіемъ налоговъ.

Въ 1820, поземельный сборъ по-
дашей восходилъ до 168,207,255 фр.,
къ коимъ должно было прибавить
еще 69,983,462 фр., которые оспро-
умно украшающія скромнымъ названіемъ
дополнительныхъ сотыхъ частей франка
(centimes additionnels), что составляло
слѣдовательно 238,190,727 фр.

Въ слѣдствіе сбавокъ сія сумма
доведена въ 1827 до 202,732,462 фр.

Въ 1821 подати съ лицъ и дви-
жимаго имѣнія простирались до 40,
741,530 ф.

Въ 1827 онѣ ограничивались 35,
580,936 ф.

Въ 1821 пошлыны съ дверей и
оконовъ доходили до . . . 20,499,946 ф.

Въ 1827 онѣ приносятъ толь-
ко . . . . . 14,734,336 ф.

Разница сія нѣмъ болѣе замѣча-
тельна, что въ теченіи сего времени
прибавилось значительное число жи-
лицъ на землѣ Французской.

Соединивъ суммы, представленные
въ опдѣльности, увидимъ, что прямыя

подаши за исключеніемъ патентовъ,
пошлина съ коихъ въ 1821 г. просши-
ралась до . . . . . 300,241,476 фр:
состоять въ 1827 году только
въ . . . . . 253,047,736 ф.
что составитъ сумму 47 милли-
онами, меньшую прежней.

Если сравнимъ сумму всѣхъ обще-
ственныхъ доходовъ въ 1820 и 1825
годахъ, то увидимъ, что 1820 го
въ приходъ было . . . . . 977,693,489 фр.
а въ расходъ . . . . . 963,083,794 ф.

Въ 1826 г. сумма предполагаемыхъ
доходовъ просширается до 986,133,903 ф.,
а расходовъ до . . . . . 984,191,603 ф.

Слѣдовательно въ приходъ при-
было . . . . . 8,440,416 ф.,
а расходъ увеличился . . . . . 21,107,809 ф.

Сии подробности, къ финансамъ
относящіяся, доказываютъ удивитель-
ное возвышеніе богатства и благососто-
янія Франціи. Будемъ надѣяться, что сіе
благосостояніе, по прошедшии немно-
гихъ лѣтъ, возрастетъ, — и мы дожи-
вемъ до такого времени, когда доходы на-
ши будутъ превышать расходы, а изъ
остатка мы будемъ уплачивать долги
свои вмѣсто того, чтобы ихъ увеличи-
вать. Въ то время когда приращеніе
государственной казны, какъ мы видели,
поспешенно усиливалось, должно замѣ-

пишь, что издержки на собираніе подашей идуць въ пропивной прогрессіи.

Разсмапривая чрезвычайные успѣхи Франціи въ земледѣліи, шорговль, промышленности, въ морскихъ и сухопутныхъ ея силахъ и во внушренныхъ произведеніяхъ, скажемъ, что никогда государство не возспановлялось съ такою быспрошою, силою и дѣяшельносноію. Нужны были труды цѣлаго поколѣнія, чшобы государство опдохнуло отъ несчастій, испытанныхъ имъ въ послѣдніе года царствованія Людовика XIV, и снова бы явилось доспойнымъ самага себя при Фоншпенуа, спустя 29 лѣтъ послѣ смерти сего Короля. Въ царствованіе Людовика XVI, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ бѣдственнаго мира въ 1765 году, Франціи нуженъ былъ весь геній самага великаго министра Финансовъ въ Европѣ, чшобы посредствомъ займовъ успѣшь отккрыть искусственныя средства для вооруженія нѣсколькихъ эскадръ.

А нынѣ не прошло еще девяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ иностранныя войска переспали жить на нашъ счетъ въ нашемъ опечесствѣ, и уже флаги нашихъ военныхъ кораблей развѣваются на Атлантическомъ Океанѣ, отъ подводныхъ камней Новой - Земли къ сѣверу отъ Канады до береговъ

рѣки да Платы, по ту сторону Экватора и проликовъ; другая эскадра носится по Тихому Морю; еще эскадра крейсируетъ на Средиземномъ морѣ.

Не видите ли вы, мои сограждане, въ сей безприспρασной картинѣ жизненныхъ силъ возрожденной Франціи, и того, что я назвалъ ея *производящими и торговыми силами*? Вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, сколь важная часть оныхъ остается еще въ бездѣйствіи; когда вмѣстѣ со мною бросите бѣглый взглядъ на большую часть нашихъ областей, не принимавшихъ почти ни какого участія въ сихъ успѣхахъ, въ семь благоденствій; когда увидите все, что можно сдѣлать, дабы поставили сїи области наравнѣ съ оспальной частью Франціи; когда узнаете, какимъ образомъ можно самымъ цвѣтущимъ спранамъ ея доставить еще большее богатство, просвѣщеніе и счастье.“

П. К.

Начальныя основанія Арифметики, для приготовительнаго класса Благороднаго Университетскаго Пансіона. Соч. Н. Зернова. Москва, 1827 г. въ Унив. Типогр. 8.

(Сообщено).

Сочиненія по части чистой и прикладной Математики у насъ весьма рѣдки; до сихъ поръ мы ограничивались большею частію переводами Французскихъ курсовъ, или много передѣлкою ихъ на свой ладъ. Соревновать же славу великихъ Французскихъ Математиковъ не наше дѣло. Мы плывемъ, такъ скажутъ, по пути ими проложенному, — видимъ цѣль, ими достигнутую, но сами еще не достигаемъ ея. У насъ недостаетъ терпѣнія читать объ одномъ предметѣ многихъ Авторовъ, осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ и составивъ свое новое полное понятіе объ ономъ. Опять того-то наши познанія въ Математику ограничиваются однимъ какимъ либо курсомъ, часто не спующимъ сего названія. Еще много есть у насъ члшителей Безу, Войшиховскаго; многіе еще досихъ поръ спрашатся приступить къ изученію лучшаго изъ курсовъ — курса Франкера, опасаясь какой-то трудности въ изложеніи и недостатка практики. Но съ нѣкотораго времени мы были обрадованы появленіемъ собственнаго курса, еще неокон-

чаннаго, — это Энциклопедія Г. Перевощикова, которая, при такой скудности собственных оригинальных Математических произведений, есть пріятнѣйшій подарокъ для любителей Математики, — принятый со всеобщимъ одобреніемъ.

Всякое отечественное произведение должно обращать на себя вниманіе; у насъ же гораздо болѣе, нежели гдѣ либо. Посему полагаемъ необходимостію сдѣлать нѣсколько замѣчаній на вновь вышедшую Арифметику Г. Зернова.

Цѣль сочинителя, кажется, очевидна — доставить дѣтямъ руководство понятное, разкрывающее не только извѣстныя истины, но и указующее путь къ открытію истинъ новыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется. Но достигнута ли сія цѣль?

Учащійся не всегда можетъ обойтись безъ помощи учителя. Въ усилія *Легчайшихъ, Ноевѣйшихъ Самоучителей* — тщетны; они не только не приносятъ пользы, но послѣдуютъ отвращеніе отъ наукъ, въ нихъ насильно заключаемыхъ. Составляющій какую нибудь учебную книгу долженъ имѣть въ виду не то, чтобы учащійся самъ собою могъ постигнуть — изучить науку; онъ долженъ представить въ связной картинѣ, въ гармоническомъ

цѣломъ то, что при изуспнномъ преподаваніи излагается отдѣльно, хотя и обширнѣе и яснѣе. Но Г. Зерновъ, кажется, на это не обращалъ вниманія. У него одна нумерація занимаетъ 13 стр.; — наименованіе чиселъ отъ 1 до двиншиліоновъ, способы читать написанныя числа, и произнесенныя изображать, не только не дадутъ никакой полной идеи о необходимыхъ законахъ нумераціи, но даже опгоняютъ охоту, поселяютъ лѣность въ учащемся. У Франкера на 3хъ страницахъ сказано о семь же самомъ предметѣ всё, что можно сказать; и мы согласно съ нимъ думаемъ, что мѣлчныя подробности о каждомъ предметѣ больше всего удаляютъ отъ цѣли, къ которой долженъ стремиться всякій, излагающій какую нибудь науку.

Станетъ какъ пользоваться цифрами (?) для нахожденія неизвѣстныхъ чиселъ посредствомъ данныхъ въ различныхъ вопросахъ заключаетъ въ себѣ то, что обыкновенно называють главными четырьмя дѣйствіями, и отличаетъ какою то оригинальностію: Г. Зерновъ начинаетъ каждое дѣйствіе съ примѣровъ; конечно такое изложеніе по видимому сообразнѣе съ понятіями начинающихъ, но всегда ли полезно переходить отъ частнаго къ об-

щему? Не лучше ли, разкрывъ идею общаго, подшвердишь оную примѣрами частными?

Припомъ многія важныя правила объяснены и доказаны слабо; такъ на пр. случай въ умноженіи, когда каждый изъ двухъ произвождителей состоить изъ нѣсколькихъ цифръ, изложенъ весьма запутанно.

За цѣлыми числами слѣдуютъ дроби. Здѣсь, намъ кажется, весьма мало объяснены самыя важныя свойства дробей, какъ-то: увеличиваніе и уменьшеніе дробей въ извѣстномъ случаѣ, и пр. Думаемъ также, что весьма неосновательно сказавши нѣсколько словъ о дробяхъ вообще — начинаешь говорить о дробяхъ десятичныхъ: дитя, непривыкши хорошо понимать дробь вообще, поспѣшь видишь какъ бы изключенія, что весьма легко можетъ смѣшанъ понятія и породить въ кошорыя сомнѣнія, споль губельныя для начинающихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній о цѣлости сей книжки: Г. Зерновъ, назвавъ Ариомеликою науку о числахъ вообще, — весьма мало знакомитъ насъ съ важнѣйшими свойствами чиселъ, — о самыхъ любопытныхъ мы не находимъ ни слова въ его Ариомеликѣ. Что она писана для приготовительнаго класса — это не можетъ быть оправданіемъ.

Когда книгъ дано названіе науки, то она и должна заключать въ себѣ связную, полную систему науки, и Ариемешика, въ слѣдствіе сего, должна обнимать всѣ свойства чисель, — должна бышь изложена въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Конечно Ариемешика Г. Зернова лучше многихъ другихъ, ей предшествовавшихъ, можеть научить механическому обращенію съ числами; но излагатель науки никогда не долженъ имѣшь въ виду одной только сей цѣли.

Einem ist sie (*) die hohe, die himmlische Göttin; dem andern
Eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versorgt.

говорить Шиллеръ. — Но пора перестать сморѣшь на Математику, какъ на ремесло, на Математику, одно названіе которой носишь на себѣ справедливый оппечашокъ того высокаго понятія, которое мы должны объ ней имѣшь.

— й — і — ѣ

(*) Wissenschaft.

Добрый советъ при избраніи невесты въ законное супружество, или искусство (?) быть счастливымъ супругомъ. Сочиненіе Ами. Москва, 1827 года. Съ Эпиграфомъ изъ соч. Ки. Вяземскаго.

*О женщины, какой мудрецъ васъ разгадаетъ?
Въ васъ двѣ природы, въ васъ два спорятъ
существа;*

*Въ васъ гасто любить голова
И гасто сердце разсуждаетъ.*

Книжечка драгоценная для неженатыхъ Егонецъ! Но когда бы Авторъ обнаружилъ въ ней болѣе учивости и не столько приспращія къ прекрасному, шо она была бы такою и для всѣхъ вообще читателей. Такъ, на пр. Рецензентъ ни за что не согласился подать своего голоса въ пользу слѣдующихъ утвержденій. „Женщины болѣе гордятся красотою своихъ лицъ, нежели другими преимуществами, потому, что она привлекаетъ болѣе вниманія: (*) женщины съ ужасомъ смотрятъ на есесокрушающую руку времени; онѣ рѣдко умѣютъ пренебрегать этимъ, и политически существуютъ до тѣхъ поръ, пока красота ихъ не увянетъ.“ — Можно ли говорить такимъ образомъ! Это совершенная неправда, Г. Авторъ,

---

(*) Лордъ Честерфильдъ также нераздѣляетъ сего мнѣнія, въ прекрасномъ его разсужденіи о женщинахъ.

клевъша, клевъша самая дерзкая, за копорую подвергаешесь вы праведному негодованію милыхъ читашельницъ. Но успокойшесь, милоспивыя Государыни! Авторъ принадлежишь Франціи и списываетъ порптреты шолько съ своихъ сопечественницъ; слѣдовашельно мы имѣемъ полное право не принимашь на свой счетъ его выходокъ. Къ шому же не угодно ли вамъ послушашъ еще, какія дерзости изволишь онъ разглашашъ въ своемъ сочиненіи: „*Большое безобразіе лица дѣлаетъ женщинъ печальными, язвительными, бранчивыми.*“ — Чистая несправедливоснъ! —

„*Сии недостатки дѣлаютъ женщинъ несчастными на всю жизнь; но тѣ изъ нихъ еще болѣе несносны, (какое слово! — несносны!) которыя были хороши, но какимъ либо случаемъ лишены красоты своей.*“ — Эшо ни на что непохоже и чѣмъ далѣе, шѣмъ хуже! Даже не вѣришь, чтоошь все эшо писалъ и говорилъ Французъ, — однакожь, къ несчастію Франціи, Авторъ дѣйствительнo Французъ, милоспивыя Государыни . . . . Впрочемъ, по мнѣнію нашему, виновашъ больше всего переводчикъ: за чѣмъ выбиралъ, за чѣмъ переводилъ онъ шакую книгу, въ копорой наши Русскіе женихи найдуть предосторожносни, годныя шоль-

ко при избраніи невѣсть Французскихъ и вовсе излишнія въ отношеніи къ невѣстамъ Русскимъ? — Да онъ, кажешся, и самъ чувствовалъ эту ошибку, ибо занимался шрудомъ своимъ небрежно: слогъ его тяжель и негладокъ. Жаль, что, къ довершенію всего, мы не можемъ сказать того же про печать и бумагу: онъ, какъ нарочно, весьма не дурны.

Зояль 2ый.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ

О Палатныхъ Мерахъ, (*Majores domus*) у Франковъ. Историко — Критическое разсужденіе Г. Цинкейзена (1826). Чиншатели припоминають, какую важную роль Палатные Меры играли во Франціи при Меровингской династіи. Герень (въ одномъ изъ мѣлкихъ своихъ разсужденій), думаетъ, основываясь на документахъ, что Палатный Меръ былъ Предводителемъ Королевской дружины, и въ 6 столѣтіи возвысился надъ народомъ, а въ продолженіи слѣдовавшихъ 150 лѣтъ, при спеченіи многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, пріобрѣлъ полную власть и надъ Королемъ и надъ дружиною (*).—

(*) У Герена любопытно сравненіе Франкскихъ Палатныхъ Меровъ съ Емирами Аль Омра Арабскихъ Каляфовъ.

Луденъ (въ своей Исторіи среднихъ вѣковъ) утверждаетъ, (не приводя доказательствъ), что Палапнымъ Меромъ первоначально назывался Сановникъ, избравшійся Франкскимъ народомъ, для управленія, обще съ Королемъ, завоеванными странами. — Спемонди въ своей Французской Исторіи, полагаетъ что П. Меромъ назывался верховный Судія и полководецъ при Король. Гнъ Цинкейзенъ, разобравъ предложенныя мнѣнія, предлагаетъ свое: Палапнымъ Меромъ былъ намѣстникъ избравшійся народомъ на Марсовомъ полѣ, и управлявшій Королевствомъ въ продолженіи отсутствія Короля на войну. — Рецензентъ Гетт. Газетъ почитаетъ сіе мнѣніе не основательнымъ.

Сицилійскія разсужденія, *Dissertationes Syculae* (Т. 1. 1825 г.) Г. Эберта. Известно, какъ важна была Сицилія въ древнія времена по отношеніямъ своимъ къ Греціи, Карфагену и потомъ Риму, и любители Исторіи въ Германіи ожидаютъ въ семь сочиненіи найдти любопытныя свѣденія о населеніи Сициліи, объ языкъ ея жителей, объ ученыхъ мужахъ, жившихъ при дворѣ Сицилійскихъ тиранновъ, и проч., — и не напрасно, судя по первой части трудовъ Авипора. — Въ оной представ-

лены четыре разсужденія: о названіи владѣтелей Сиціліи Тираннами, о писателяхъ, оставившихъ свои о помѣ сочиненія, о Нимфодорѣ Сицілійскомъ (за 350 л. до Р. Х.) и его сочиненіяхъ Географическихъ.

Жизнь Цезаря, по историческимъ документамъ, соч. Г. Селтля 1826 (въ Берлинѣ). О сей книгѣ опъзываются съ похвалою. Она раздѣляется на 4 главы. Въ первой описывается юность Цезаря, во второй Галльскія войны, въ третьей междуособныя войны, въ четвертой послѣднее время его жизни. — Во введеніи представлено общее обзорѣніе Римской Исторіи со времени Гракховъ.

О состояніи язычниковъ при Христіанскихъ Императорахъ. Соч. Ридигера 1826. (въ Берлинѣ). Здѣсь между прочимъ Авторъ доказываетъ, что многіе славные памятники языческаго (въ отношеніи къ искусствамъ) разрушены монахами, безъ верховнаго соизволенія.

Въ Лейпцигѣ вышли 3 и 4 часть *Повѣстей Якобса*, содержаніе коихъ взято больше частію изъ Исторіи среднихъ временъ.

Нѣмцы не довольствуются Виландовымъ переводомъ Цицероновыхъ пи-

семь, и говорили, что онъ, при всемъ своемъ изяществѣ, индѣ не почтенъ; — Г. Госпанъ перевелъ вновь письма Римскаго Орашора, относящіяся ко времени его консульства.

(Изъ Нѣм. Журн.) М. П.

Во Франціи вышла книжка для преступниковъ: *Антонъ и Морицъ*, сочиненіе Жюсье, съ эпиграфомъ изъ Сенеки: *возвратиться на путь добра никогда не поздно*. Королевское общество, учрежденное для улучшенія домовъ исправительныхъ, удостоило сочинителя награды. Сія общепользная книжка переведена на Нѣмецкой языкъ и вышла уже вторымъ изданіемъ. По мнѣнію Издашеля Лейпцигскихъ газетъ, простота и легкость изложенія, удачный выборъ предмета и сила языка вполне соотвѣтствуютъ благонамѣренной цѣли автора — показать опраду преступникамъ и приводить ихъ на путь истинный. И. Л. Г. утверждаетъ, что она можетъ быть съ пользою употреблена и въ народныхъ училищахъ, гдѣ обучающіеся дѣти мѣщанъ и ремесленниковъ. Судя по этому, кто изъ ревнивыхъ просвѣщенія не пожелаетъ видѣть Русскій переводъ сего сочиненія?

Rāmāyana, id est carmen epicum de Rāmāe rebus gestis a poëta antiquissimo Vālmīke lingua Sanscrita compositum. Textum codd. Mss. collatis recensuit, annotationes críticas et interpretationem latinam adjecit Augustus Guilelmus Schlegel. *Рамайяна*, поэма эпическая. Переводъ съ Санскрипскаго языка на Латинскій, Авг. Шлегеля (*).

Занимаясь въ теченіи многихъ лѣтъ преимущественно изученіемъ языка Санскрипскаго, я намѣренъ присту-
пить къ изданію нѣсколькихъ твореній избраннѣйшихъ между лучшими произведеніями древней и оригинальной литературы Брамановъ.

Недавно еще издалъ я Багаватъ-Гиту, поэму содержанія философическаго, знаменитую во всей Индіи и уважаемую наравнѣ съ ихъ книгами священными. Сей трудъ предложенъ былъ мною на судъ знатоковъ какъ Англичанъ, такъ и Французовъ, и просвѣщенная публика теперь можетъ сама уже вполне оцѣнить: способъ изложенія, которому я слѣдую, средства мои

(*) Издатель получилъ сей проспектъ при слѣдующемъ письмѣ: посылаю вамъ, М. Г. извѣстіе о Рамайянѣ, издаваемой А. Шлегелемъ. Въ вашемъ журналѣ помѣщено было краткое содержаніе сей поэмы, знаменитой у Индійцевъ, и я полагаю, что проспектъ о переводѣ оной, о которомъ молчали досель, въ наши журналы, порадуетъ и вмѣстѣ удовлетворитъ многихъ изъ нашихъ читателей. О.

къ выполнению такого предприятия и почность, съ каковою исполняю обязанности издаателя, кришика и полкователя.

Въ слѣдъ за симъ первымъ опытомъ, намѣренъ я присупить къ полному изданію Эпической поэмы, извѣстной подъ именемъ: *Рамайяна* или *подвиги Рамы*.

Почитаю существенно необходимымъ, для скорѣйшаго споспѣшествованія къ изученію языка Санскритскаго, сдѣлать къ оному самое строгое приложеніе правилъ, доведшихъ въ Европѣ изученіе писателей классическихъ до высшей степени совершенства. Исторія Филологіи Греческой, какъ нельзя лучше, объяснитъ мысль мою. Литтература древней Греціи еще существовала въ Константинополѣ, когда въ XV столѣтіи бѣгствующіе Греки научали своему языку западную Европу. Сіи Греки, безъ сомнѣнія, были весьма ученые; но они были напитаны предрассудками, и такъ сказать, соспарѣлись въ навыкъ, и если бы имъ однимъ предоспадено было стараніе издавать классическихъ писателей, то мы бы никогда не имѣли ни столь исправныхъ подлинниковъ, ни поясненій (*commentaires*) столь удовлетворительныхъ, какъ тѣ, кои теперь у насъ находяшся.

Равно какъ Греція новая передала намъ высокія творенія Греціи древней, такъ нынѣ Индія предлагаетъ намъ письменные памятники древности почти недоспущной. Языкъ Санскритскій сохраненъ между просвѣщенными Брама-нами, ибо на немъ писаны ихъ ученныя священныя книги; они обладаютъ всѣми сокровищами своей Литтературы, даже относительно Комментаріевъ и другихъ второстепенныхъ произведеній. Но при всемъ томъ изданія, обнародованныя учеными Индійцами, или шь, кои они предпримуть, никогда не удовлетворяютъ вполне требованіямъ читателя Европейскаго, — требованіямъ, коихъ сіи ученые совершенно не постигаютъ.

Первое стараніе издаателя книгъ Санскритскихъ должно быть посвящено на разсмотрѣніе вѣрности и правильности текста, до чего по большей части можно достигнуть, не прибѣгая къ кришикѣ догадочной, сличеніемъ большаго числа рукописей извѣстныхъ, въ особенности рукописей со-спавленныхъ въ различныхъ краяхъ Индіи, и чрезъ исправленія, показанныя въ Комментаріяхъ, если только оныя находятся.

Послѣ того, Издаватель долженъ занялся изъясненіемъ всѣхъ темныхъ

мѣстѣ, которыя могутъ встрѣтитъ ся какъ въ словахъ, такъ и въ самыхъ предметахъ. Въ изученіи столь новомъ, никакъ не должно выпускать изъ виду чиншпелей, которые не совершенно еще владѣютъ языкомъ. Впрочемъ самый крапкій Комментарій есть букввальное предложеніе, написанное однакоже слогомъ чистымъ понятнымъ, въ которомъ можно только позволить себѣ прибавить нѣсколько словъ парасфрасическихъ, и то не иначе какъ между вводными знаками, для лучшаго поясненія, когда такое развитіе будетъ казаться необходимымъ, такъ какъ дѣлалъ сіе Вил. Джонсъ въ превосходномъ своемъ переводѣ: *законы Ману*. Сочражаясь съ сими правилами, я намѣренъ присоединить къ Рамайянь переводъ, общее введеніе и Лексиконъ Мнѣологической и Географической; все это по Лашьянь, какъ на языкѣ общепонятномъ между учеными и наиболѣе изо всѣхъ способномъ къ переводу съ Санскритскаго, по причинамъ изложеннымъ мною въ предисловіи къ *Багаватъ - Гитѣ*. Въ концѣ присоединю я кришчическія замѣчанія, въ которыхъ одамъ опчетъ въ вариантахъ и въ причинахъ, руководившихъ меня къ предпочтенію такого или другаго чтенія.

Безполезно бѣ было повторять то, что развито съ такимъ блестящимъ краснорѣчіемъ многими учеными Англичанами, Французами и Нѣмцами о важности изученія языка Санскрипскаго и классической Литшерапуры древнихъ Брамановъ. Превосходное строеніе сего языка, само по себѣ разсмаприваемое, его удивительное сходство съ Персидскимъ, Греческимъ, Латинскимъ и языками Тевтоническими, дѣлающъ его главнымъ предметомъ науки, можно сказать, 'совершенно новой: *Грамматики сравнительной* (*),— науки, которая, опираясь на доказательства несомнѣныя, вѣрными шагами будетъ подвигаться впередъ, между тѣмъ какъ Этимологія догадочная, употребляемая, какъ было донынѣ, ни къ чему не привела, кромѣ системъ нелѣпыхъ. Съ другой стороны, древняя Религія, Миѳологія и законоискусство Брамановъ, возвращаетъ насъ, такъ сказать, къ самой колыбели гражданственности, и бросаетъ весьма яркій свѣтъ на сіи же самые предметы у многихъ другихъ знаменитыхъ народовъ древняго міра, въ особенности у Египтянъ. Письменные памятники Словесно-

(*) Это есть то *знаніе*, которое предложено въ Библиографической шарадѣ Г. Полеваго въ 16 N. Моск. Телеграфа. *Прим. Перев.*

сии, принимаемой еще за священную нынѣшними Индусами, совершенно раскрывающъ намъ источникъ ихъ нравовъ, ихъ обычаевъ, предразсудковъ, — и наконецъ той послоянной образованности, къ которой власть наследственнаго священства (одно изъ главнѣйшихъ явленій первобышняго мѣра) могла довести воспитаніе народовъ. Однимъ словомъ, можно сказать утвердительно, что глубокое познаніе Индіи древней, той, какую нашли уже сопутники Александра Великаго, можетъ послужить ключемъ къ гражданственному составу Индіи новѣйшей.

Чтожь касается до Рамайяны въ особенности, то она, вмѣстѣ съ Магабарашою, занимаетъ первое мѣсто между Поэмами Мифологическими, которыми Индѣйцы даютъ общее названіе *Пурана*, то есть, древнія преданія. Вымыслы, въ нихъ заключающіеся, разсыяны не только повсей Индіи, собственно называемой; но они проникли и въ полуостровъ, по ту сторону Ганга лежащій, въ острова Индѣйскаго Архипелага и во многія страны средней Азіи; и можетъ быть никогда ни одинъ обоготворенный Герой не исполнялъ славою своею столь обширнаго театра, какъ Рама. Содержаніе Поэмы есть изгнаніе Рамы, Князя, ведущаго

родъ свой изъ поколѣнія царей Айодіа, спранствованія его по полуострову, похищеніе его супруги гигантомъ, владѣшелемъ Цейлона; чудесное покореніе сего острова и водвореніе Рамы на прародиншельскомъ престолѣ. Единство дѣйствія, опблескъ въ одно время и героическій и папріархальный, обиліе и разнообразіе чрезвычайныхъ вымысловъ, живописныя карпины рѣкъ, горъ и лѣсовъ, — однимъ словомъ всей расшипелной и живописной (animale) природы Индіи; положенія сильныя и прогашельныя, несравненная возвышенность и особенная нѣжность въ чувствованіяхъ героевъ и главныхъ лицъ, разливають единственное очарованіе на сію Поэму для шѣхъ чишашелей, которыя умѣють переноситься мыслію въ кругъ дѣйствія нравственнаго, умственнаго и физическаго, совершенно различнаго отъ нашего.

Многіе Пураны слишкомъ многосложны (volumineux) и едва ли могутъ бытъ иначе изданы, какъ въ опрывкахъ; Рамайяна не споль безмѣрной длины, ибо заключаетъ въ себѣ до 24,000 двуспишій, раздѣленныхъ на семь книгъ, изъ коихъ каждая подраздѣлена на неравное число главъ или рапсодій.

Поэзія Эпическая и предашельная (traditionelle) есть, безъ всякаго срав-

ненія, часть Индѣйской Литтературы самая легчайшая къ выразумѣнію, ибо слогъ оной весьма приближается къ плавной и пльнишельной простотѣ пльсней Гомеровыхъ. Для скорѣйшаго споспѣшесливованія къ изученію языка Санскрипскаго, ничшо не кажется мнѣ споль полезнымъ, какъ предложитъ начинающимъ собраніе чтеній легкихъ и привлекашельныхъ, въ которомъ, уразумѣвъ сначала основныя правила Грамматики, они могли бы подвигаться впередъ безъ пособія учителя, проникнушы такъ сказать почти безъ труда геніемъ языка, и познакомились съ его особенными оборотами.

Рамайяна намъ уже опчаспи извѣстна. Гг. Карей и Маршманъ предпринимали изданіе оной, коего при часпи, содержація въ себѣ двѣ первыя книги, были обнародованы въ Серампорѣ въ 1806 и 1810 годахъ. Сіе изданіе предположено было напечатать въ 10 частяхъ въ 4 ю долю; но это предпріятіе уже съ давняго времени оставлено, — даже изъ шрехъ напечатанныхъ частей вторая не находится болѣе въ продажѣ.

Въ моемъ изданіи шекспіа Поэмы и переводъ оной соснавятъ семь полныхъ частей въ 8-шку; восьмой, который будетъ заключать въ себѣ введеніе и общія поясненія, выдѣтъ

послѣ всѣхъ, хотя самъ по себѣ сосланишь начало изданія. Все будетъ выходяшь книгами, изъ коихъ каждая будетъ заключашь въ себѣ двѣ части, и цѣна такой книги, съ пересылкою, въ Парижѣ назначается 100 франковъ.

Текстъ будетъ напечатанъ буквами Деванагари, по моему руководству вырѣзанными и оплишными въ Парижѣ, въ слѣдствіе предписанія Прусскаго Правительсва. Форматъ и качество веленовой бумаги будутъ такіа же, какъ въ моей Батаваць-Гипсѣ, только здѣсь еще гораздо болѣе приложено будетъ тщательности въ типографической отдѣлкѣ, дабы книга сія и въ эщомъ отношеніи могла достойно заняшь мѣсто въ библіотекахъ любителей.

Не могу опредѣлишь заранѣе, какъ много мѣста займушь примѣчанія, напечатанныя особо. Поелику онѣ будутъ по большей части занимательны только для тѣхъ, кои преимущественно посвятили себя изученію языка Санскритскаго; по господа подписчики могушь по своему благоусмотрѣнію взяшь ихъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ получають они ихъ по цѣнѣ, назначенной за каждую часть текста, т. е. по 50 франковъ за каждую часть.

На бумагѣ перваго разбора будетъ напечатано небольшое число экземпля-

ровъ, сверхъ требованія Гг. подписчиковъ, и цѣна онымъ увеличится цѣлою прелью для покупателей неподписавшихся.

Печананіе начинается не прежде какъ собраны будутъ уже всѣ матеріалы, необходимыя къ цѣлому творенію, или по крайней мѣрѣ къ большей части онаго. Посему первая книга появится не скоро; однакожь я надѣюсь предпринять изданіе въ началѣ 1825 года. Послѣ того печананіе будетъ идти со всею поспѣшностію и я ласкаю себя надеждою все окончить въ продолженіе четырёхъ лѣтъ. Лондонъ. Ноября 1823.

А. В. Шлегель.

С М Ъ С Б.

*Стравоново описаніе
береговъ моря Азовскаго и Босфора
Киммерійскаго.*

съ примѣчаніями Г. Клапрота.

(Свидѣтельствуемъ глубочайшую благодарность знаменитому Европейскому Ученому, которому угодно было почтить Московской Вѣспникъ доспавленіемъ въ оной сей важной спашьи въ рукописи.)

Слова Стравона Кн. XI.

Первая часть (Сѣверной Азіи) къ Сѣверу и Океану заняша нѣкопорыми племенами кочевыми и живущими въ кибишкахъ, роду Скиѣскаго. А за сими племенами живутъ *Сарматы*, другіе народы Скиѣскіе, *Дорсы* и *Сираки*, разсѣянныя, къ Югу, до горъ Кавказскихъ; одни изъ нихъ ведутъ жизнь кочевую, другіе живутъ въ шапрахъ, или воздѣлываютъ землю. Около Меопискаго озера *Меоты*; а къ морю Босфорскому, на Азіатскомъ берегу, находится также *Синдике*; пошомъ слѣдуютъ *Ахеи* и проч.

Примѣчаніа. *Меоты* были народъ Савроматской или Сарматской, который, во время Стравоново, жилъ на восточномъ берегу Азовскаго моря, между Кубанью и Дономъ. Снимъ

Хіосскій, Географъ Греческій, изъ начала перваго столѣтія передъ нашею Эрою, говоритъ, что Савроматы производящъ отъ Меотовъ. Прочіе писатели древніе равно свидѣтельствуютъ, что сіи два народа принадлежатъ къ одному корню. Меоты суть Сарматы - Мидяне, отъ коихъ производящъ нынѣшніе Оссеинцы.

Означивъ Танаисъ границею между Европою и Азіею, мы начнемъ отъ сей рѣки наше описаніе. Танаисъ выходитъ съ Сѣвера, и течетъ линіею, не такъ какъ думаетъ большая часть Географовъ — діаметрически противоположно теченію Нила, а болѣе-воспочною. Источникъ его неопкрытъ еще, какъ и источникъ Нила. Впрочемъ сія послѣдняя рѣка очень извѣстна, потому что протекаетъ по странѣ, для всѣхъ доступной, и потому что начали плавать по ней гораздо прежде; а въ Танаисѣ мы знаемъ только успія. Ихъ два, кои, въ разстояніи на 60 стадій между собою, изливаются въ Меотическое озеро, въ самой Сѣверной его части.

Примѣчанія. Танаисъ древнихъ есть *Донъ*. Въ семи верстахъ внизъ отъ крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго, сія рѣка раздѣляется на два рукава, кои образуютъ Дельшу, иждущую

въ самомъ широкомъ мѣстѣ ошь Восшока къ Западѹ ошь 27 до 28 верстѣ. Сѣверной рукавъ, называющійся *Мертвымъ Донцемъ*, впадаетъ въ Азовской заливъ при *Симяктѣ*, принявши справа *Донской Чулекъ*, текущій съ Сѣверо-Восшока. Южный рукавъ шечеть къ Юго-восшоку, въ шрехъ или чешырехъ версхахъ ошь Азова раздѣляется оплять; Южный рукавъ, удерживающій имя Дона, протекаетъ мимо сего города по сѣверной сторонѣ и впадаетъ въ море; другой, называющійся шеперь *Калангею*, шечеть къ Сѣверо-Восшоку, и шрешя своими устьями образуешъ два большіе острова.

Берегъ Азовскаго залива и всего Азовскаго моря значительно измѣняется ошь земли, наносимой Дономъ; и пошому нѣтъ сомнѣнїя, что впаденіе сей рѣки въ море нынѣ совсѣмъ не таково, какъ было во время Справоново. Съ тѣхъ поръ Донъ вѣрояшно проложилъ себѣ новыя русла, а старыя были засорены. Дѣйствительно два главные не находяшяся, какъ прежде, въ разшоянїи одинъ ошь другаго на 60 стадїй, или 10 $\frac{1}{2}$ верстѣ; шеперь считающъ 98 стадїй или 17 верстѣ по прямой линїи ошь шого мѣста, гдѣ *Азовской Донъ* впадаетъ въ море, до *Мертваго Дона*. Донская Дельта увеличилась, безъ сомнѣнїя, очень много со стороны моря и

по причинѣ песку и илу, наносимаго рѣкою, и по причинѣ постоянной убыли, примѣчаемой въ степныхъ озерахъ и рѣкахъ Западной Азии. Весьма вѣроятно — во время Справово заливъ Азовскій простирался далѣе къ Воспоку, чѣмъ теперь. Устьевъ Дона принадлежатъ, если считать всѣ малые протоки, кои находятся между главными.

Что касается до теченія рѣки, то оно для насъ совершенно, такъ сказать, сокрыто, по причинѣ спужи и суровости климата, сноснаго безъ сомнѣнія для туземцевъ, кои, ведя жизнь кочевую, питающся молокомъ и мясомъ, но слишкомъ тяжелаго для иностранцевъ. Впрочемъ, еслибы путешественники и захотѣли проникнуть въ сію страну, и поднявшись по рѣкѣ до известной высоты, по сіи необщелюбивые номады, сильные и многочисленные, преградили бы во все дорогу. По сему иные предполагали, что сія рѣка, вышедъ изъ Кавказскихъ горъ, и прошекши далеко къ Сѣверу, поворачиваетъ (къ Югу) и впадаетъ въ озеро Меописское, и таково было мнѣніе Теофана Милитенскаго; иные думали, что она выходитъ изъ верхнихъ частей *Истра*. Впрочемъ ни одинъ изъ предлагателей подобныхъ мнѣній не объяснилъ, почему лучше вести Танаисъ

изъ шакой дали тогда, какъ можно положить его источникъ ближе и къ Сѣверу.

На берегахъ Танаиса и Меописскаго озера находился городъ, соименный рѣкѣ, и основанный Греками, кои овладѣли Босфоромъ; но въ послѣднее время Царь Полемонъ, въ гнѣвъ за бунтъ, разрушилъ его. Онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ для торговли, съ одной стороны номадамъ, Азіатскимъ и Европейскимъ, а съ другой — южнымъ торговцамъ. Послѣдніе, вшедь чрезъ Босфоръ въ озеро Меописское, привъзжали въ Танаисъ заневольниками, мѣхами и прочими вещами, мѣнявшимися опъ номадовъ на маперіи, вина и прочія вещи, находящіяся шолько у народовъ образованныхъ.

Примѣчаніе. Полемонъ, Рипоръ, сынъ Зенона, родомъ изъ Лаодикей, умѣвъ приобрѣсти благоволеніе Марка Антонія, получилъ опъ сего Триумвира Понтъ въ управленіе; Историки свидѣтельствуютъ намъ, что онъ владѣлъ частію онаго съ 36 года до нашей Эры. Но разрушеніе Танаиса должно, кажется, относиться къ тому времени, когда Полемонъ, по милости Августа, владѣлъ также и Босфоромъ, по есть съ 14 года до Р. Х. по 13 почти годъ съ эшой эры. Важность Танаиса, какъ складочнаго мѣста товаровъ средней Азій, была столь велика,

что сей городъ не могъ оставаться долго въ развалинахъ; онъ былъ возобновленъ во время Птолема Александрійскаго, писавшаго почти чрезъ 130 лѣтъ послѣ Справона. Сей Географъ полагаетъ Танаисъ въ восточной или лучше южной части Дельты, образуемой Дономъ и на правомъ берегу его восточнаго рукава. Почему кажется, что сіе мѣсто находилось тогда по близости отъ нынѣшняго *Гниловскаго* стана, между Дономъ и Мертвымъ Донцемъ. Вѣроятно, что оно разорено въ началѣ переселенія народовъ. Послѣ — варварство племень; заставшихъ по берегамъ Дона; возпрепятствовало, безъ сомнѣнія, его возстановленію: ибо въ Византійскихъ писателяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій о его существованіи. Самъ Константинъ Порфирогенишъ, оставившій подробное описаніе странъ, лежащихъ на Сѣверъ отъ Чернаго моря и Меописскаго озера, не говоритъ о Танаисѣ, — ни о какомъ другомъ городѣ при устьѣ Дона. Уже въ началѣ XIII столѣтія снова упоминается объ одномъ городѣ на семь мѣстъ; онъ принадлежалъ тогда Генуезцамъ, и назывался у нихъ *Таною* или *Латаною*, какъ и самый Донъ. Древніе намѣстники Испанскіе говорятъ только объ одномъ устьѣ Дона и полагаютъ Тану на правомъ берегу сей

рѣки, нѣсколько по выше ея устья (1). На древнѣйшей картѣ Россіи, гравированной Ферандомъ Бертели 1566 году въ Венеціи, подъ заглавіемъ *Nova descriptione de la Moskovia per l'excellente M. Giakomo Gastaldo, piemontese Cosmographo*, городъ ла Тана находится на правомъ берегу Дона (*Tana f. altri Don*), на востокъ отъ рѣки, называемой *Tana menor*, которая можетъ быть Тузовъ, соединяющійся съ *Мертвымъ Донцомъ*. На картѣ подъ заглавіемъ *La descriptione della prima parte dell'Asia, con i nomi antichi et moderni di Jacopo Gastaldi, Piemontese, Cosmographo ... restituta da Antonio Lafreij*, въ 1561 г. *Латана* находится на томъ же мѣстѣ, но рѣка *Tana menor* тамъ называется *Сосною*, что неправильно, ибо *Сосною* называется другая рѣка, впадающая въ Донъ, выше, въ Орловской Губерніи. Тана была тогда, какъ *Танакъ* во время Справоново, складочнымъ мѣстомъ торговли Азіатской, куда доставлялись товары Индѣйскіе и Китайскіе для перевозу въ Европу. Изъ сего города высылали караваны до *Камбалу* или Пекина, и Франческо Балдуччи Педжолешши оставилъ намъ дорожникъ сего путешествія, совершеннаго имъ въ 1335 году.

(1) Fragment de la carte marine de Fréduce d'Ancona, de 1497, tirée de la bibliothèque de Wolfenbuttel. Publiée par le Comte Jean Potocki, Vienne 1796.

Между тѣмъ въ слѣдствіе разрушенія Аспрахани Тимуромъ, въ 1395 г., направленіе сей торговли перемѣнилось, и пряныя коренья, равно какъ и шелкъ изъ Индіи привозился съ того времени чрезъ Сирію. *Иосафатъ Барбаро*, дворянинъ Венеціанской, былъ въ 1436 г. въ Танѣ, и сей образованный путешественникъ говоритъ положительно, что сей городъ находился среди овраговъ, на мѣстѣ древняго Танаиса, „*per esser la Tana fra monticelli di terreno, et fosse assai, per spatio di dieci miglia; dove già fu la Tana antica* (*).“ Тотъ же Авторъ удостовѣряетъ насъ, что Тана находился на Сѣверъ отъ Дона; ибо, чтобы посѣтить Навра, прибывшаго изъ Аспрахани чрезъ Тюмень и Черкесію, и споявшаго съ своими войсками на югъ отъ Танаиса, *Иосафатъ Барбаро* перѣхалъ въ два дня чрезъ при рукава сей рѣки, тогда замерзшей, чѣмъ и доказываея, что Тана находился на правомъ берегу Мертваго Донца. Если показаніе Венеціанскаго путешественника, что Тана находился на мѣстѣ древняго Танаиса, справедливо; то должно заключить, что онъ хотѣлъ говорить о первомъ Танаисѣ разрушенномъ Полемономъ, и что Пшолемей, говоритъ о другомъ городѣ, которой, въ самомъ

(*) Ramusio raccolta II. fol. 93. c.

дѣль имѣль по же имя, но былъ выстро-
енъ на другомъ мѣстѣ и на правомъ бере-
гу южнаго рукава Дона.

Не смолря на разрушеніе Аспрахани, Тана
пришелъ въ прежнее цвѣтущее состояніе, въ
последнюю половину XV столѣтія. Другой
Венеціанской путешественникъ, *Messer Aloigi
di Giovanni*, посѣщавшій Индію въ 1529 году,
разсказываетъ, что его увѣряли въ Бассорѣ,
будто, за 50 лѣтъ до его прибытія въ сію
гавань, пряные кореня, шуда привозимые,
перевозились опшуда къ рѣкѣ Танѣ, въ го-
родъ того же имени, находящійся на *mar
maggiore*; Венеціане и Генуезцы прїѣзжали
шуда на своихъ галерахъ и судахъ, нагружа-
ли оныя сими шоварами, кои всѣ, прибав-
ляютъ онъ, доставлялись сюда и не шли
черезъ Черное море (*).

Въ средніе вѣка *Тана* назывался *Аза-
комъ* у сосѣднихъ народовъ Азіатскихъ. Араб-
скіе и Персидскіе историки, описывавшіе
жизнь Тимура или Тамерлана, говоряшь, что
онъ овладѣль Азакомъ въ 1395 г. (**), и не
говоряшь ни слова о Танѣ, хотя сей завое-
ватель разорилъ его въ то же время; а Юса-
фашъ Барбаро и другіе писатели Италиан-
скіе предсказываютъ подробное описаніе Та-

(*) *Viaggio di Calocut. Vinetia 1543. 8-0, p. 118. b.*

(**) Европейскіе писатели полагають сіе завоеваніе
въ 1392 г.

ны и его окрестностей, но не знаютъ Азака. *Andrée de Radusiis de Quero* повѣствуетъ о входѣ Тимурова войска въ Тану. Купцы Венеціанскіе, Генуезскіе, Капалонскіе и Бискайскіе послали къ сему завоевателю депутацію и подарки; онъ обѣщаль имъ не касаться города, ни ихъ достояній; но узнавши городъ, вошелъ въ оной и предалъ все грабежу (*).

Сими извѣстіями достапочно доказываешся пожество Таны съ Азакомъ; я долженъ однако же замѣтить, что Абульфеда, Арабскій Географъ, въ началѣ XIV столѣтія, полагаетъ Азакъ на лѣвомъ берегу Дона. Вопшь что говоритъ онъ въ своихъ пролегоменахъ: „Рѣка *Танъ* велика и течеть на Востокъ „опшь *Озу* (Днѣпръ), и на Западъ опшь *Ате- „мля* (Волга). Она впадаетъ въ сію часть „моря *Нитаскаго* (Поншь Эвксинскій), ко- „шорую называють обыкновенно *моремъ Азак- „скимъ*, опшь Азака, шорговаго города на бе- „регахъ его, куда прѣзжаютъ купцы, и на „Востокъ опшь колпораго рѣка *Танъ* впадаетъ „въ сіе море.“ По сему опривку можеть бышь можно предположить, что сей городъ Азакъ, принадлежавшій Туркамъ Половцамъ, былъ разрушенъ во время вторженія Монго-

(*) Въ Лѣтописи Травизійской. Муратори, *Script. regum Italic.* t. XIX, p. 802.

ловъ при Тучи-Ханѣ, около эпохи сраженія на берегу Калки въ 1224 г. Абульфеда, выбиравшій изъ предшествовавшихъ Географовъ, можетъ бытъ думать, что сей городъ существовалъ еще въ его время на шаромъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ *Тана* Генуезскій былъ выстроены на правомъ берегу сѣвернаго рукава Дона.

Когда я передалъ сіи мысли о мѣстѣ древняго города Танаиса Г-ну Сей-Маршею, то сей ученый, по благосклонности своей, доставилъ мнѣ письмо Г-на Спемпковскаго отъ 19 Января 1824 года, въ коемъ сей неутомимый изслѣдователь древностей Южной Россіи излагаетъ мнѣніе, совершенно сходное съ моимъ, предполагая, что первой городъ Танаисъ, разрушенный Полемономъ, находился на правомъ берегу Мершваго Донца, въ десяти верстахъ отъ его устья, близъ деревни *Недвиговки*. Г-нъ Спемпковскій видѣлъ тамъ, на утесистомъ берегу рѣки, *Акрополь*, которая совершенно подобна Ольвійскому, но меньше; окружена глубокимъ ровомъ и высокимъ валомъ, кои являютъ слѣды башенъ. Въ окрестности, прибавляетъ сей ученый путешественникъ, усыпаны ошпасками глиняныхъ вещей, означающихъ всегда мѣста, гдѣ жили Греки, и развалины окружены, такъ какъ Ольвійскія и Паншикапейскія, мно-

жествомъ кургановъ (tumulus), большихъ и малыхъ. Мертвой Донецъ пропекаетъ у самой подошвы холма, на коемъ видны развалины.

Передъ симъ мѣстомъ, во 100 стадіяхъ, находится островъ *Алопекія*, обитаемый жителями разныхъ племенъ: а въ близости, на озерѣ, есть также и другіе островки.

Примѣтаніе. Сихъ острововъ нѣтъ болѣе; Птолемей полагаетъ о *Алопекію*, или *Лисій*, въ Азовскомъ заливѣ, и говоритъ, что онъ окруженъ моремъ. Вѣроятно, что со временъ Справона сіи острова прижнулись къ Донской Дельтѣ по причинѣ илу, наносимаго сею рѣкою въ свое устье. Дѣйствительно на 100 стадій, (съ небольшимъ $17\frac{1}{2}$ верстъ) къ SSO отъ Недвиговки находится большой южной островъ Дельты, образуемый Дономъ и рукавомъ Калацчею. Птолемей также можетъ быть ошибся, ибо кажется, по сокращенію Справонову, что послѣдній Географъ почиталъ островъ *Алопекію* сѣвернымъ краемъ Азовскаго моря, и слѣдовательно думалъ, что онъ соединенъ съ Дельтою Дона.

Отъ устья озера до устья Танаиса, плывя прямо къ Сѣверу, 2200 стадій пуши; да и не опираясь отъ берега дорога не много длиннѣе.

Примѣчанія. Разспояніе по возможно-прямой линіи между устьемъ Азовскаго моря и устьемъ Танаиса, по естѣ, между мѣстомъ, гдѣ Азовскій Донъ впадаетъ въ море и мысомъ *Такымъ-Буруномъ* (*Saladjch bougnu*) самымъ восточнымъ въ Крыму, на Сѣверъ отъ Еникаля, состоить дѣйствительно только изъ 270 верстъ или 1560 спадій, считая по 600 на градусъ. И такъ Справонъ ошибается 640 спадіями, какъ по обыкновенно съ нимъ случается при всѣхъ изчисленіяхъ длины. Изъ другаго мѣста въ семь Авшоръ (кн. VII, гл. 5) видно его предположеніе, что Танаисъ протекаетъ чрезъ Азовское море и Босфоръ Киммерійскій, прямо въ Черное море. „Сей проливъ (*Босфоръ*), говоритъ онъ, даетъ путь Танаису, текущему съ Сѣвера чрезъ Меотисское озеро, и отдѣляетъ съ нимъ Европу отъ Азіи.“ — Проконій (*de bello Gothico*, кн. IV, гл. 4) сказываетъ намъ, что печеніе Босфора называлось въ его еще время Танаисомъ: „*Tanaim etiam vocant indigenae illum alveum, qui a palude Maeotide ad Pontum Euxinum pertinet, itinere, ut ajunt, dierum viginti. Quin et ventum, qui inde spirat, Tanaitem appellant.* Руйсбрекъ, путешествовавшій въ 1235 г., рассказываетъ то же: „на Востоку „отъ сей страны (*Cazaria*), говоритъ онъ, „есть городъ, называющійся *Матрига*, при

„кормъ *Танаисъ* впадаетъ въ море *Понпъ*, и
 „въ своемъ успьѣ имѣеть въ ширину двѣнад-
 „цать тысячъ миль; ибо сія рѣка, предъ впа-
 „деніемъ въ море, составляетъ какъ бы дру-
 „гое море къ Сѣверу, прозирающее въ
 „длину и ширину на 700 миль, а самая
 „большая его глубина не превышаетъ шести
 „футовъ; такъ что большія суда не могутъ
 „ходить по оному. Но купцы, прїѣзжающіе
 „изъ *Константинополя* въ *Матригу*, посы-
 „лають ошуда свои барки, до рѣки *Танаисъ*
 „са, для закупки.“

Мнѣніе, что *Танаисъ* перешедъ *Бос-
 форъ*, происходитъ можетъ быть отъ того,
 что воды *Азовскаго моря*, протекающія
 чрезъ сей проливъ, не смѣшиваются пошчасъ
 съ водами *Чернаго моря*, что видно изъ слѣ-
 дующаго мѣста въ *Паласѣ*: „шеченіе *Бос-
 фора*, всегда примѣтное на поверхности
 „воды, обращается къ устью пролива, и въ
 „тихую погоду, передъ Сѣвренною косою,
 „видна въ ономъ гладкая линія на томъ мѣ-
 „стѣ, гдѣ желтоватыя воды *Азовскаго моря*
 „встрѣчающа съ водами *Чернаго моря*, бо-
 „лѣе солеными и темными (*).“

(*) *Паласъ*. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen
 Statthalterschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793
 und 1794. Лейпцигъ, 1801. час. II, с. 283.

Бдучи по берегу изъ Танаиса, въ 800 стадіяхъ, увидишь рѣку, называемую *большой Ромбитесъ*, гдѣ производится самая большая ловля рыбы, назначаемой въ соль; еще далѣе въ 800 стадіяхъ представляется *малый Ромбитесъ* съ мысомъ, гдѣ также ловящъ рыбу, но меньше. Рыбаки прѣзжаютъ на *большой Ромбитесъ* съ разныхъ сторонъ и осшанавливаются на сосѣднихъ островахъ: на *малый Ромбитесъ* прѣзжаютъ сами Меопы; потому что весь этотъ берегъ обитается Меопами, народомъ земледѣльческимъ, но не менѣе воинственнымъ, какъ и кочевые. Они раздѣлены на многія племена, и живущіе къ Танаису суть самыя дикіе; живущіе къ Босфору — болѣе крошки.

Отъ *малаго Ромбитеса* до *Тирамбе* и рѣки *Антикитеса* 600 стадій; а въ 120 стадіяхъ отсюда находится крѣпость Киммерійская, отсюда отправляются корабли въ Меописское озеро. Вдоль по сему берегу видны разныя учрежденія Клазоменянъ.

Примѣчаніе. Разшолнія, означаемыя Справономъ въ сихъ двухъ параграфахъ, не очень вѣрны. Плаваніе по восточному берегу Меопискаго озера отъ южнаго устья Дона до сѣвернаго устья Босфора, простирается на 450 верстъ или 2,600 стадій.

Пшолемей считаесть на эпомъ берегу между Дономъ и Босфоромъ семь рѣкъ, кои изливаюцца въ море, а именно:

<i>Марубій ныцъ</i>	. <i>Елбузда</i>
<i>Ромбитесь большой</i>	. <i>Ей или Ея</i>
<i>Феофаній</i>	. . . . . <i>Чалбасы</i>
<i>Ромбитесь малый</i>	. <i>Бей-су</i>
<i>Антикитесь</i>	. . . . . <i>Кирпили</i>
<i>Псавъ</i>	. . . . . <i>Кумли-Кубань</i> , или песочная Кубань, на- зываемая у Русскихъ <i>зернымъ протокомъ</i> , которая есть Сѣвер- ной рукавъ Кубани.
<i>Варданъ</i>	. . . . . прежде Сѣверо-вос- точное устье Куба- ни теперь несущеш- вующее.

Пшолемеевъ *Варданъ* есть пошь же рукавъ Кубани, кошорый у Справона называецца *Антикитесь*, и впадаетъ въ Азовское море близъ *Тирамбе*. Пшолемей ошибаецца, безъ сомнѣнiя, полагая сей городъ на правомъ берегу и къ Сѣверу опъ устья своей *Антикитесь* (или *Кирпили*), ибо онъ опстоляеть опъ Босфора Киммерiйскаго только на 124 стадiй или 21 $\frac{1}{2}$ верспу; а мѣсто, гдѣ *Кирпили* теряецца въ болотѣ близъ берега Азовскаго моря, опстоишь на 692 стадiй или 120 версвъ опъ Босфора. Рѣки *Варданъ* нѣшь болѣе: это былъ пропокъ Кубани черезъ озеро, называющiйся нынѣ *Актенгись* (бѣлое море) у сосѣдственныхъ

Турецкихъ племень; а по Русски Темрюкскимъ Лиманомъ, хошя здѣсь и нѣтъ Лиману. Сей рукавъ достигалъ прежде до моря близъ горы *Тисдара*; на его мѣстѣ находятся шеперь болоша и малыя озера.

Устье *малаго Ромбитеса* въ заливѣ, называющемся у Русскихъ *Бейсугскимъ лиманомъ*, между коимъ и устьемъ *Ея* или *большаго Ромбитеса*, ешь мысь, называющійся у Русскихъ долгою косою, а по Турецки *Магаризъ Бурунь* (*maghariz bouny*); вошь о кошоромъ говоришь *Справонъ*.

Рыбная ловля въ Босфорѣ и по всему берегу Азовскаго моря очень обильна; здѣсь ловишя много бѣлуги и другихъ родовъ осетра, или сѣшями, или крѣпкими шестами, къ коимъ прицѣплены плавающіе крючья. Рыбу сію соляшь опчасни съ селипрою и сушашъ на воздухѣ, опъ чего спина бѣлуги дѣлается красною и прозрачною. Зимую ловашъ сію рыбу крючьями въ прорубяхъ; и *Справонъ* въ VIII книгѣ говоришь о семъ родѣ рыбной ловли. „Тамъ же, говоришь онъ (между Пантикапеею и Фанагоріею, въ морѣ замерзнувшемъ зимою) „прорубая ледъ, находяшъ „рыбу, кошорую вышаскивають особеннымъ „орудіемъ, называющимся *Gangame*. Примѣ- „мѣчательнѣйшія изъ сихъ рыбъ сушь шѣ, „кошорыя называются *antakées*. Онѣ величи- „ною съ дельфиновъ.“

Уже Продосъ сказалъ, что большія рыбы безъ чешуи, коихъ ловахъ въ сихъ мѣстахъ, называются *Antakites*; во время Справоново сие имя употреблялось еще, и, что еще страннѣе, сохранилось до XVI столѣтїя нашей Эры. *Giorgio Interiano*, родомъ изъ Генуи, говоритъ въ своей книгѣ *della vita de Zykhhi chiamati Circassi*, „El vita loro è un gran parte di quelli peschi Anticei così hoggi di da loro chiamati, et etiam antiquitus secondo Strabone, che in effetto sono sturioni, piu grandi ossi et piu piccoli.“ *Gangamè* — круглая съпъ привязанная къ шеспу съ желѣзнымъ осприемъ; ею ловили особенно раковины на днѣ морскомъ. Орудіе сие употребляется доселѣ у новыхъ Грековъ. — Донскіе козаки теперь шакъ ловахъ рыбу зимою. Они прорубаюхъ ледъ и ставяхъ въ прорубяхъ большіе коническіе садки, сдѣланные изъ сѣпей, и называемые *вентири*. Такъ ловахъ большихъ бѣлугъ, осетровъ, карповъ и другихъ рыбъ подобныхъ.

Во время Константина Порфирогениша, большихъ рыбъ ловилось очень много въ рѣкѣ *Коракулѣ* (черная рѣка), которая имѣла свое устье на Югъ отъ устья Танаиса на восточномъ берегу Меотискаго озера. Это безъ сомнѣнїя, та же рѣка, что и большой Ромбитесъ Справоновъ, или нынѣшній Ей.

Константинь называетъ сіи рыбы *berzèlikon*, слово, объясняемое Дюканжемъ чрезъ „*Oxiani pisces sale conditi*“.

Киммерикъ, *Ситтерисит*, былъ прежде наспоющимъ городомъ: онъ расположенъ былъ на полуостровѣ, котораго перешеекъ жинели заперли посредствомъ окопа и рва. *Киммеріядне*, въ продолженіи нѣкопорого времени, владѣли Босфоромъ, и пошому Босфоръ называется Киммерійскимъ. Чрезъ Босфоръ проникли они такъ глубоко во внутренность страны, находящихся на правомъ берегу Понта Евкеинскаго, въ самую Іонію. Скибы прогнали ихъ изъ жилищъ, а въ свою очередь были прогнаны Греками, кои основали Паншикапей и прочіе города Босфорскіе.

Примѣчанія. Въ предшесвующемъ параграфѣ Справонъ полагаетъ разстояніе между *Антикитебозомъ* и *Киммерикомъ* въ 120 стадій. На карсахъ, приложенныхъ къ Географіи Пшолемеевой, городъ сей находится на берегу самага Меоццесскаго озера; Справонъ напрошивъ говоритъ, что онъ находился на полуостровѣ. Дѣйствительно отъ прежняго Сѣверо-восточнаго устья Кубани, или горы *Тисдара*, до полуострова, граничащаго къ Юго-востоку холмомъ *Кукуевиль*, считаютъ именно 120, а отъ сего полуострова до мѣста, на коемъ

находилась вѣроятно крѣпость *Ахиллей*, во стадій, какъ по Справонѣ говоришь ниже. Посему я полагаю, что тамъ должно полагать *Киммерикъ*; шѣмъ болѣе, что по словамъ сего Географа суда, отправляясь опшуда, входили въ озеро Меописское, — чего онъ не сказалъ бы, если бы городъ находился на берегу сего моря.

Пантикапей находился въ срединѣ между нынѣш. Керчею и Ениколемъ, въ 20 стадіяхъ отъ *Кориданды*, по Скилаксу, или въ чепырехъ верстахъ отъ устья Меописскаго озера, со стороны Керчи. Лѣсной руды, которая росла преимущественно на селитряной почвѣ, множество на этой долинѣ, покрышой кучами развалинь, а нѣкогда населенной.

Въ 20 стадіяхъ крѣпость *Ахиллей*, гдѣ виденъ храмъ Ахиллесовъ. Здѣсь самое узкое мѣсто пролива, составляющаго устье Меописскаго озера; оно имѣетъ не болѣе 20 стадій въ ширину: на противоположномъ берегу представляются крѣпость Мирмекій (*Mirmesium*), мѣсто, близкое отъ Гераклея (*Heracleum*) и Парѣенія (*Parthenium*).

Примѣчаніа. Положеніе крѣпости Ахиллея, въ нѣкоторыхъ спискахъ Справона называющейся городомъ, определено симъ Географомъ съ большею предъ прочими точностію; ибо

онъ полагаешъ оную на мѣстѣ, гдѣ проливъ образующій устье Босфора наиболѣе суживается, и имѣетъ въ ширину только 20 стадій. Ахиллей слѣдовательно находился на мысѣ, называемомъ нынѣ у Русскихъ Сѣвѣрною косою, и противъ мыса *Такылъ буруна*, или мѣста въ Крыму, наиболѣе выдающагося къ Востоку.

Отсюда до монумента *Саширова* только 90 стадій. Сей монументъ есть куча земли, насыпанной на мысѣ, въ честь одного Государя, со славою властвовавшего надъ Босфоромъ.

Примѣчаніе. Славный Палласъ говоритъ, что монументъ Сашировъ есть Волканической холмъ, называемый у Ташаръ *Кукуевымъ*, на среднѣй мыса, на которомъ я поставилъ Киммерикъ, и которой отстоятъ отъ Таманъ только на 6 верстѣ, и виденъ со всѣхъ сторонъ. Сіе предположеніе, мнѣ кажется, не очень основательно. Монументъ Сашировъ былъ изъ земли и находился на мысѣ, отстоявшемъ отъ Ахиллея на 90, а отъ *Корокандаме* на 130 стадій. Ни одно изъ сихъ *данныхъ* нельзя приложитъ къ *Кукуеву*, отстоящему отъ Ахиллея на 40, а отъ *Корокандаме* на 110 стадій. Одинъ только мысѣ въ Босфорѣ, на западномъ берегу Крыма,

называющійся по Турецки *Акбуруномъ*, подходилъ подъ сіи условія; онъ отступилъ на 5 верстъ отъ Керчи къ Югу, и Русскіе поставили на немъ *Павловскую батарею*. Онъ дѣйствительно находится въ до спадіяхъ отъ древняго Ахиллея и въ 130 отъ *Корокондаме*, существовавшего прежде по близости отъ *Чернаго моря*, и мѣста, на коемъ нынѣ видимъ деревню *Кихли*. Батарея находится надъ провздомъ чрезъ Босфоръ, коюрой здѣсь суживается съ Восточной стороны по причинѣ мѣлей и низкихъ острововъ, находящихся на Сѣверъ отъ *Южной косы*. Нельзя оспаривать сіе положеніе тѣмъ, что Справочъ описываетъ здѣсь Азіатскую часть Босфора, и что сей мысъ находится на берегу противоположномъ или Европейскомъ; ибо мы видѣли, что сей Географъ говорилъ, при Ахиллеѣ, о Мирмеціи и Парееніи, кои оба находятся къ Сѣверу, близъ Еникаля. Можно прибавить, что, вѣроятно, Саширъ, Царь Босфорскій, имѣвъ свое пребываніе въ Пантикаеѣ, былъ погребенъ по близости отъ сего города.

Съ Франц. М. П.

Междудѣйствія къ Фаусту. Въ 17 мѣ Но Телеграфа объявлено *замѣгательное*, по словамъ Издашеля, извѣстіе о появленіи междудѣйствій къ Фаусту, соч. Гёте, будшо бы еще не напечатанныхъ. Мы, съ своей стороны желая также удовлетворить любопытству публики, объявляемъ предварительно, что сіи междудѣйствія не только уже напечатаны, но и продаются здѣсь въ Москвѣ. Въ слѣдующей книгѣ Вѣстника представимъ содержаніе и отрывокъ изъ прекрасной *Фантасмагоріи* Гёте, (*) и постараемся доказать въ прошивность мнѣнію того Француза, изъ письма коего Издашель Телеграфа почерпнулъ сіе извѣстіе, что она не есть *доломненіе къ Фаусту*, а особенное, цѣлое произведеніе; что сіе *виднѣе великой, самобытной, (?) души* не странно и не темно, а есть чистая Аллегорія въ *идеальнейшей и оригинальной формѣ* представленная; что дѣйствіе онаго не простирается *отъ паденія Трои до осады Миссолонги*, и что въ немъ нѣтъ наконецъ ни Байрона, ни Греческой Мифологіи.

III.

Г-въ Абель Ремюза въ *Ответѣ о трудахъ Парижскаго Азіатскаго общества за 1826 годъ*, сообщаетъ извѣстія, весьма любопытныя, о трудахъ, совершенныхъ какъ Парижскими, такъ и прочими Европейскими учеными, по части восточной Литтературы. Парижское Азіатское общество издало своимъ

(*) Тутъ же будешь приложенъ и портретъ Гёте, срисованный съ портрета, писаннаго извѣстнымъ нашимъ художникомъ Кипренскимъ.

издвненіемъ слѣдующія книги: 1) *Теореніе Менез-Цю*, знаменитаго Кшайскаго мудреца, текстъ съ переводомъ Г-на Жюльена. 2) *Саконталу*, Индѣйскую драму, извѣстную досель въ Европѣ только по изкопрымъ извлеченіямъ. Славный ориенталистъ, Шези, издатель Саконталы, обогатилъ текстъ оной примѣчаніями весьма учеными и переводомъ, заслужившимъ одобреніе всѣхъ знатоковъ Индѣйской Словесности, находящихся въ Парижѣ. 3) *Ажна-даштабату* или смерть Яджа-Башты, опрывокъ изъ Рамайяны Индѣйской эпической поэмы, текстъ съ примѣчаніями и переводомъ. 4) *Взятіе Эдессы*, Армянская поэма, переводъ Г-на Маршеля и 5) *Грузинскій Лексиконъ*, составленный Г-мъ Клапротомъ, коего има ручасна за превосходство творенія (*).

Между трудами иностранныхъ ориенталистовъ, Г-мъ Абель Ремюза особенно отличаетъ слѣдующіе: 1) *Изданіе текста Татарскаго Историка Абулгази*, издвненіемъ покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцева и старавіями Г-на Халфина. Предисловіе къ сему изданію Г-на Френдъ заслуживаетъ, по словамъ Секретаря Азіатскаго общества, особеннаго вниманія знатоковъ Восточной Исторіи. 2) *Перегодъ Бабурь-Наме* съ Джагашайскаго языка Г-мъ Лейденомъ и Эрскиномъ, двумя Англичанами весьма учеными въ Восточной Филологіи. Въ семь творенія;

(*) Но 3 и 5 уже поступили въ продажу, 1 и 4 отпечатаны, но еще кромѣ членовъ общества никому не раздаются; 2-й не замедлитъ выходомъ. Текстъ уже отпечатанъ и переводъ преданъ писменію.

Вотъ какъ трудятся иностранные общества! Нельзя не пожелать, чтобъ наши привяли ихъ за образецъ себѣ. — М. П.

подвиги знаменитого Индѣйскаго завоевателя Бабура, основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, описаны весьма подробно и съ большею точностью и достоверностью, нежели какъ въ прочихъ Индѣйскихъ. Летописяхъ. Книга сія, драгоценная въ Историческомъ отношеніи, есть также сокровище для Индѣйской Географіи: страны между Мавареннагаромъ, мѣстомъ обшита Бабура, и берегами Гангеса, гдѣ онъ основалъ свою Имперію, описаны весьма тщательно и любопытно. 3) Изданіе первой книги Рамайяны и втораго Тома Индѣйской Библіотеки, Г-мъ Шлегелемъ. 4) *Санкія Сутра* или основанія Санкійской Философіи, Г-мъ Лассеномъ. 5) *Разборъ Багаватъ-Гиты* Г-мъ Ал. Гумбольдтомъ и пр.

Буддаическія книги, коихъ открытіе на островѣ Цейлонѣ обрадовало всѣхъ ученыхъ, вскорѣ будутъ переданы Европѣ въ Англійскомъ переводѣ. Г-да Дюглонъ и Уфамъ занимаются исправленіемъ и изданіемъ перевода сихъ драгоценныхъ остатковъ древности. Переложеніе ихъ на Англійскій языкъ заслуживаетъ тѣмъ большее уваженіе, что оно было сдѣлано подъ присмотромъ одного ученаго Цейлонскаго священника.

Г-нъ Клапротъ продолжаетъ неутомимо заниматься составленіемъ *Описанія Китайскаго Государства*, основаннаго на Китайскихъ Географахъ. Очерски изъ сего творенія помѣщены были въ Азіатскомъ Магазиנѣ, издаваемомъ симъ славнымъ Ориенталистомъ, и всеобщее одобреніе ученой Европы побудило его ускорить изданіе въ свѣтъ всего творенія. Въ скоромъ времени мы надѣемся получить сей обшанный подарокъ.

Оканчивая отчетъ свой, Абель Ремюза извѣщаетъ о намъреніи Французскаго Правительства издать отличнѣйшія Восточныя Лѣтописи. „Проектъ сей,“ говоритъ Секретарь Азіатскаго общества; былъ еще представленъ Людовику XVIII, но смерть не допустила его принять участіе въ семъ общепольномъ дѣлѣ. Карлъ X, одобривъ сей планъ, уже назначилъ особую Коммисію для приведенія въ исполненіе сего предпріятія, и сумму пошребную для расходовъ. Ученые, кои въ вѣрѣно сіе дѣло, занимающся теперь сличеніемъ различныхъ чтеній (leçons) Лѣтописцевъ. Всякая страна Востока будетъ имѣть свое отдѣленіе. Изданіе начнется Лѣтописями Моисея Хоренскаго; Массуди, Табара и Героическою поэмою Фирдуси. За оными послѣдуютъ Индійскіе лѣтописцы и отличнѣйшіе изъ Китайскихъ (*).

~~~~~

Н р а в ы.

Сцена въ книжной лавкѣ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ, ПЕРЕВОДЧИКЪ И
ПОМѢЩИКЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ:

Всѣль въ добромъ, батюшка?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Какъ вы, сударь, здоровы?

---

*) И Россійская Исторія получитъ великую пользу отъ исполненія сего обширнаго предпріятія. М. П.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Кой-какъ живемъ, книжонки-ша дешёвы, —
И сбывшу вовсе нынѣ, — шакой ужъ нынче годъ!

Съ ума пришелъ плохой доходъ.

На книги урожай, да намъ-то годъ голодной,
А что за пазушкой?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Романчикъ переводной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

А какъ заглавіе?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Италія.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Охъ нынѣ!

Не громко что-то все, вы знаете нашъ свѣтъ!

Ну чтобъ вамъ выдумашъ пещерку, привидѣнье,

Иль замокъ Рыцарской, иль страшное сраженье,

Иль дѣву въ образъ таинственной судьбы?

Съ Италией устанешь ошь ходьбы, —

Не купишь здѣсь никто. А что за содержанье?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Тутъ путешествованіе, дуэли, описанья,

Интриги важныя, и тайное свиданье,

Романомъ и стихами. . . .

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Была

У насъ Италиа (*) да съ рукъ-то не пошла!

А Автора чьего?

(*) Вѣрно здѣсь идетъ рѣчь о Коринвѣ Гжи Сталь.
Пр. Изд.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Не знаю — неизвѣстной,
Но ужъ повѣрьте — слогу чудесной!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Вотъ вышель у меня чудесной Атаманъ
Иль проласть прекслодна!

Что за Романъ!

Въ газетахъ объявилъ сегодня,
А ужъ книгъ десяти разошлось.

ПЕРЕВОДЧИКЪ (*уживьно*).

И мой раскупишся — авось!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Авось! эъ башюшка! — Съ авося нѣтъ доходу.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Давно ужъ я хощь у васъ спросить:

Что книги идущъ въ ходъ — какого роду

И кто изъ авторовъ вошелъ сего дня въ моду?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Ну, этотъ мнѣ вопросъ труденько разрѣшить.

По общему всей нашей братьи мнѣнью,

(Не станемъ мы шастъ грѣха)

Продажа книгъ куды плоха :

Нѣтъ денегъ чтолъ у всѣхъ, иль нѣтъ окопы къ чшенью?

Покамысть съ рукъ идѣшь

Романъ и Альманахъ, — Байроновъ переводъ...

Ктожъ модный авторъ? — вамъ изъ Русскихъ?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Нѣтъ, не изъ нихъ, а изъ Французскихъ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

А! изъ Французскихъ — Валтеръ Скоттъ!

Его романы славно сходятъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Какой же онъ Французъ — помилуйше!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Ну вотъ!

Его съ Французскаго у насъ все переводяшь,

Такъ за Француза онъ слывешъ.

И нечего сказать — на Валтеръ Скотта

У насъ пришла чудесная охота.

Вотъ сколько написалъ! Онъ не писатель — чортъ.

Возьми романъ любой — Астрологъ, Кендльворинъ,

Певриль дю Пикъ — заглавья очень странны,

Да вѣдь за то что за романы!

Ужъ имя - то его одно берешъ! —

И коль не хочешь бышь безъ денегъ и съ безславьемъ,

Берешъ не именемъ, такъ ужъ бери заглавьемъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

А прежніе?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

На прежнихъ чумный годъ.

Бывало ихъ вѣдь въ запуски чинали:

Подшиблась господа Радклифъ

И на Жавлисъ годъ нынче несчастливъ,

А прежде машушки онъ насъ выручали.

Да что? такія времена настали: —

Вы знаете, каковъ былъ Августъ Лафоншенъ?

Вѣдь парочка къ мадамъ Кошень!

А нынче и на вихъ, признашся, черный день.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

А г? Арленкуръ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Викенщя д' Арленкура

Романы хороши! — что слово, то фигура,

Какъ умны люди говорить!

Но нѣтъ — не въ славѣ онъ, и ошъ него накладъ.

А что за слогъ! а что за складъ!

Цвѣтискъ, замѣлявъ онъ, весьма пріятенъ въ чонѣ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

А Коцебу?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Давно ужъ въ погребу —

Мышамъ я отдавъ на съденье.

Нѣтъ, Коцебу найдешь, какъ ты ни раскричись.

Не знаемъ мы, какая бы причина?

А ужъ забыто все — Театръ и Леоншина.

Нѣтъ, Коцебу, Кошень, Радклифъ, мадамъ Жанлисъ,

Слывущъ у насъ теперь не городскими,

А попросу спешными.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Спешными — какъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Да, суларь, такъ!

Бывало Зѣмокъ Пиренейской

Въ гостинныхъ былъ въ чести, а нынче ужъ въ лакейской

Его читаешь всякъ.

Бывало Коцебу слылъ авторомъ полезнымъ

Въ столицахъ, а теперь въ снѣпахъ его чтецы, —

И наша брашя — помѣлче продавцу

Развозить сводочъ всю по деревнямъ уздымъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ну, а Комедя?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Комедіямъ не ходъ,

Быль Операмъ недавно годъ,

А нынѣ Водевьямъ

У самыхъ слезныхъ Драма дорогу перебили.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Дурчады длушь кабово?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но ихъ чипать мы какъ-то не досужны,

Картички модъ намъ очень нужны,

Спешки да повѣсти, а больше ничего.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ну а учебное?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Учебное? — не слешкомъ.

Вѣдь вынче всякой завелся умничкомъ.

Ученосии ужъ жетовоабралось;

И дураки вкрутъ умныхъ проумнѣли;

Ученыхъ же шакъ много развелось,

Чшо книги ихъ подешевѣли!

Нѣтъ, вынче вѣкъ не тошъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Какой же вѣкъ у насъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Да вотъ въ примѣръ писемовникъ намъ Кургановъ;

Онъ старъ, а все въ ходу — и стоимъ всѣхъ романовъ!

Печашающъ его въ дванадесатый разъ.

Да вотъ еще у насъ былъ авторъ знаменитый,

Блаженной памяти великій человекъ!

Михайло Федорычъ Меморскій — кончалъ вѣкъ.

Такихъ людей ужъ нѣтъ, — дакъ хаббда, нѣтъ мы слыды!

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

На чтожь еще у васъ хороша цѣна?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Вотъ Бонапарть въ великой модѣ:

Куда хорошь онъ въ переводѣ!

Исторія его была разъ издана:

Въ два мѣсяца ужъ вся разобрана.

Все любяшь славное, — умы-шо стали шовки!

Расходятся и дѣтскія книжонки,

И дѣти стариковъ становятся умнѣй!

Купишь не правичковъ и не коврижекъ

Съ измала просятъ маперей,

А все каршиночекъ да книжекъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ну что же мой Романъ — какой въ немъ будетъ пуш

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Оставьте у меня — вѣдь надожь заглянуть.

Скупилъ много мы, — ужъ ладно бы высьть:

Названій со што — на семь тысячъ.

Купилъ бы я у васъ, да шощъ, сударь, карманъ.

(*Перебиралъ листы*).

Заглавице-ша въ немъ несходно;

Не лъзвалъ перемѣнить?

ПОМѢЩИКЪ *входитъ въ лавку.*

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Что вамъ, сударь, угодно?

ПОМѢЩИКЪ.

У васъ дакой-шо естъ романъ,

Объявленъ выице ояъ — чудесной атаманъ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Такъ почно-съ, вошь вамъ овъ.

ПОМЪЩИКЪ.

А сколько спойшь?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Двадцать

Рублей.

ПОМЪЩИКЪ.

Не лзя ли взять пшнадцать?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Мы не торгуемся. — Въ пяти большихъ частяхъ.

Такъ дешево, сударь, что страхъ!

Прочтите, — скажете: цны ншь книгъ этой.

ПОМЪЩИКЪ.

А какъ берете вы — монешой?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Такъ почно-съ: мы своё добро

Все продаемъ на серебро.

ПОМЪЩИКЪ.

Да хорошо, а то — рубль шесшьдесять копѣекъ ...

КНИГОПРОДАВЕЦЪ (*жалостно*).

Чего же спойшь вамъ?

ПОМЪЩИКЪ.

Да парочки пидѣекъ.

Смѣтесъ вы, — какой въ романахъ вашихъ прокъ?

(*Со вздохомъ вытмвая кошелекъ.*)

Что длашь съ дьмаками? — пустьеть кошелекъ!

Когда бь не дочь моя Ульяна,

Ни зѣ чшобъ не кунила я швсего романа.

Приспала битыхъ два часа.

(Отдавая деньги.)

Ну шушка ли? — вѣдь шутъ шесть четвертей ося!
Эй брашь! — для переду не лѣзя ли что придачи?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Не сходно, сударь, — вошь вамъ сдачи.

{ Помѣщикъ, взявъ книги, удаляется.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Вошь видите — какъ шуги времена!

И двадцать рубликовъ — великая цѣна!

Коль не отъ нихъ, — съ кого же намъ пожива?

А отъ чего купилъ? — заглавіе счастливо!

Да не угодно ли на чашечку чайку?

Пойдемъ-ше-ка въ сѣбшной, запомнимъ свою поску.

О т е ч е с т в е н н ы я и з в ѣ с т і я .

Б р а т с к а я л ю б о в ь (*).

... Московской Губерніи Дмитровскаго уѣзда, въ окрестностяхъ сельцевъ Дядькова, Надеждина, Сидякина и Алексѣевского, появились волки: — одинъ изъ нихъ, бѣшеный, перекусалъ множеству людей и скота. 1 го Сентября по утру молодой крестьянинъ (**),

(*) Издамель получилъ сіе извѣстіе изъ Дмитрова при слѣдующемъ письмѣ: посылаю вамъ, М. Г., въ-которыхъ любопытныя подробности о нашемъ героѣ, кошорыхъ не достаесть въ извѣстіи, помѣщенноль въ 77 N. Московскихъ вѣдомостей. Помѣстивъ оныя въ своемъ Журналь, вы доставите большое удовольствіе всѣмъ намъ, Дмитровскимъ жителямъ и проч.

(**) Василій Васильевъ, деревни Власьева, принадлежащей Княжпъ А. М. Щербатовой.

выхода на работу, видишь издали въ смятеніи стадо, которое пасъ 14-лѣтній братъ его. — Стрѣлою бѣжишь онь къ нему на помощь, но лютый звѣрь держалъ уже въ когтяхъ свою добычу. — Онь не робѣешь, и прямо, безоружной, бросаешься на волка и два раза спаскиваешь его съ полумертваго своего брата; — наконецъ, чшобъ освободить сего послѣдняго совершенно, онь всовываетъ свою правую руку въ пасть звѣрю и сжимаетъ изо всей силы его языкъ, а освобожденнаго посылаетъ за помощію. — Покажѣшь не прибѣжали на крикъ, великодушной выбилса изъ силъ отъ потери крови и упалъ.

Двухъ братьевъ со многими другими укушенными отвезли потчасъ въ Москву и помѣстили въ Екашерининской больницѣ. Черезъ двѣ недѣли мальчикъ изъбавился, пѣна клубомъ вышла у него изо рта, сквозь рѣшетку свою онь бросался съ ужасною силою на приходившихъ, говорилъ безъ умолку, и хотѣлъ кусать всѣхъ. Впрочемъ до послѣдней минуты желалъ видѣть брата, своего избавителя, и даже въ ~~быстрыхъ~~ ^{быстрыхъ} говорилъ: „всѣхъ бы васъ перекусалъ; одного брата не прову. Я люблю его. — Радъ умереть сей часъ, только бы разъ укусишь мнѣ!... но брата не прову. Пустите его ко мнѣ, я хочу только взглянуть на него. Волкъ дохнулъ на меня и велѣлъ грызть васъ всѣхъ, кромѣ брата.“ —

Герой еще лѣчится, и, благодаря Бога, до сихъ поръ нѣтъ опасныхъ признаковъ. —

N. N.

Двинровъ.

Издашеть М. В. получала письмо отъ Г-на Ершова, въ коемъ онь, по поводу спашьи о горахъ и кометахъ, въ М. В. напечатанныхъ, обращаетъ вниманіе публики на свои мысли о сихъ предметахъ, изложенныя въ книгѣ о происхожденіи міровъ (5-я гл. втораго и 3-я седьмаго отдѣленія). —

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стр.
Ө. Глинки: Сонъ	122
————— Къ Италіанскому языку .	369
Н. Ошривки изъ Таршюфа	251
А. Пушкина: Ошривокъ изъ некон- ченной Поэмы	3
————— Женщины	365
•С. Шевырева: Чешыре новоселья .	117
————— Супруги, военная пьсня .	242
————— Ошибка	370
Н. Языкова: Пославіе къ В.	8
————— Ночь	367
Прерванная дума Поэта	9
Старикъ и юноша	123

Проза.

В. Что пѣна въ винѣ, то сны въ го- ловѣ (повѣсть изъ Гофмана) .	244
Княгини З. А. Волконской: Добродушіе	372
Погодина: Рене (повѣсть изъ Шато- бриана)	10.124
————— Убійца, Анекдотъ	374
Шевырева: Разговоръ въ царствѣ мер- твыхъ (изъ Лукіана).	148

Н А У К И.

Н. Чешыре возраста Естественной Исторіи	40
Т. Мысли о Красноярѣчии.	302

	Стр.
Понятіе о всеобщей Исторіи (изъ Шлецера)	157
Взглядъ на Францію (изъ Дюпеня)	522

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія Книги.

Писатели между собою, комедія Г. Головина	59
Духъ Карамзина, изд. Г. Иванчина-Иисарева	176
Апологическія Стихотворенія, Г. Ослопова	312
Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духов. чина Гр. Россійской церкви	187
Веверлей, романъ Валшера Скотта	409
Ариеметика, соч. Г. Зернова	454
Александроида, соч. Г. Свѣчина, и Дмитрій Донской, соч. Г. Орлова, Эпическія поэмы	183
Доброй совѣщъ при избраніи невѣстъ въ супружество	438

Иностранныя книги.

Атласъ Всемирной Исторіи, соч. Рюля	194
О Полюбѣевой Исторіи Этолійскаго союза	204
Сицилійскія разсужденія	441
Жизнь Цезаря	442
О состояніи язычниковъ при Хр. Императорахъ	442
Матеріалы для древней Исторіи Нѣмцевъ	201
О Палатныхъ Мерахъ у Франковъ	440
Исторія морскихъ набѣговъ Норманновъ, соч. Деппинга	72
Исторія Іезуитовъ	343

Исторія Донъ Жуана Австрійскаго, соч. Дюмениля	322
Еще нѣсколько словъ объ Исторіи Наполеона, соч. В. Скошпа.	80
Приращеніе Прусскаго Королевства	203
Изображеніе высотъ наземномъ шарѣ.	78
Сочиненія Г. Шамполліона, Клапрота и Зейффарна объ Египетскихъ іероглифахъ	343 ~~334~~
Рамайяна, Индійская Поэма <i>Ramayana</i>	444
Повѣсти Якобса, Переводъ писемъ Ци- цероновыхъ съ Лат. на Нѣ- мецкій языкъ	442
Опытъ о правахъ и обязанностяхъ че- лядинцевъ	206
Аялонъ и Мориць	443

С М Ъ С Ъ.

Историческія изысканія.

<i>Востокова</i> : Убіеніе Св. Вячеслава, Кня- зя Чешскаго	84
<i>Клапрота</i> : Примѣчанія къ Стравонову описанію береговъ Азовскаго моря	454
О Дажбѣ	95

Отечественныя извѣстія.

Больница въ Калугѣ	105
Водопроводы въ Москвѣ	106
Памятникъ Герцогу Ришельеву въ Одессѣ.	107
Параходъ изъ Одессы въ Херсонъ	—
Отрывокъ изъ письма о Пешерб. но- восяхъ	207
Московская школа рисованія для реме- сленниковъ	222
Юбидей Г на Лодера	226
Карль Гампельнъ, глухонѣмый худож- никъ въ Москвѣ	347
Братская любовь	487

Иностранныя извѣстія.

	Стр.
Изданіе Калдерона	108
Арабскій Журналъ въ Парижѣ	353
Французско-Турецкій словарь Разиса.	353
О трудахъ Азіатскаго общества въ Парижѣ	477
Книгопечатаніе во Франціи	101
О числѣ нищихъ въ Англіи	105
Примѣчательное семейство въ Аме- рицѣ	215
Китайскіе чай	106
Основа велич. изъ допотопныхъ жи- вошныхъ	214
Урангъ-Упангъ исполинскаго роста.	211
Процессъ Г. Кокрена о зубахъ	559
Награды Доктору Матшею	362
Библіотека Герцога Суссекскаго	563
Маіоръ Ленгъ	209
Нѣчто о смерти и погребеніи Каннинга.	99

Біографіи.

Біограф. извѣстіе объ Эйхгорнѣ	96

Полемика.

Ошѣшы Издашело Московскаго Теле- графа	109, III

Нравы.

День рожденія Ванюшки	215
Разговоръ Книгопродавца съ перевод- чикомъ	479

На с. 351, с. 8, должно исправить грубую
ошибку

Напечатано: Читай:
демократическими демоктическими